Юность, опаленная войной

Эугениуш Червиньский

SHOUT
SHARE
IT

- Червиньский Эугениуш

Червиньский Эугениуш
Юность, опаленная войной

Червиньский Эугениуш
Юность, опаленная войной
{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста книги.

Аннотация издательства: В книге повествуется о партизанском движении в оккупированной немцами Польше, о боевых действиях Войска Польского, с которым автор прошел большой боевой путь. Значительное место в повести занимает тема польско-советского братства по оружию, родившегося в годы второй мировой войны.

Андрей Мятишкин: Автор книги в 15 лет ушел в партизаны, в 16 в Войско Польское. Участвовал в боях Варшавского восстания.

Содержание

Родной город
Война
Опять война
Траур
Филателия и обучение стрельбе
Охота за оружием
В партизанском отряде
Засада
Через фронт на Припяти
В госпитале
Из-за гор и рек...
Пригорелая каша
Последние приготовления
Рота, на родину, вперед - марш!
На Пилице
На помощь столице
Школа подофицеров
В обороне
В освобожденной Варшаве
На запад
В городе на берегу Брды
Все время вперед
Бой на Гвде
Временно в обороне
Колобжегская победа
На Одре

Последние аккорды
Примечания

Родной город

Родился я на Волыни, в провинциальном городке Влодзимеже. Хотя в годы второй мировой войны он и не сыграл такой роли, как Сталинград или, скажем, Дюнкерк, в памяти моей он останется навсегда. Здесь я пошел в школу, здесь узнал горечь оккупации и здесь же вступил на путь, который привел меня в ряды Войска Польского.

Городок этот, как и многие, подобные ему, был в досентябрьской Польше обыкновенной заштатной дырой. Промышленных предприятий здесь не строили, а потому для жителей было невыносимо трудно обеспечить себя работой. По средам и пятницам, когда магистрат официально разрешал нищенство, много молодых, здоровых, но безработных людей отправлялись "за хлебом". Все развлечения молодежи городка состояли из посещений кино, а летом еще и стадиона, на котором честь Влодзимежа защищала команда любителей. По воскресеньям на стадионе проводились также конные состязания войсковых частей местного гарнизона. А гарнизон у нас был большой.

На улице Артиллерийской за стройными тополями располагались казармы 27-го артиллерийского полка, а в северной части города размещался 23-й пехотный полк имени полковника Лиса-Кули. Но звездой программы многочисленных военных парадов считалась так называемая ШПРА - Школа подхорунжих резерва артиллерии.

Сколько радости нам, ребятам, доставляли эти парады! Мы бегали за город, на луг, где полки готовились к маршу, приводя в порядок оружие, снаряжение и лошадей. С восторгом смотрели мы на бравых солдат, следуя буквально по пятам за оркестром.

В 1935 году мама купила мне школьный мундир и раза два проводила до школы. Это была школа номер 1, считавшаяся лучшей в городе. Держали нас там поистине в ежовых рукавицах: Особенно запомнились мне в этом отношении учитель Эугениуш Хайновский и преподаватель закона божьего ксендз Рышард Каминьский.

Они применяли такие методы воспитания, что мы панически боялись нашей школы. Мы прогуливали уроки по любому поводу, а затем получали розги и дома, и в классе.

Положение радикально изменилось, когда нашим воспитателем стал пан Янковский. Этого учителя я до сих пор вспоминаю с большой теплотой. Он был активистом харцерского движения и добивался того, чтобы все его ученики вступили в

Союз польских харцеров. А средства на нужды движения он добавлял, вероятно, из собственного кармана. Одному из учеников он на свои деньги приобрел харцерский мундир. Во время экскурсий за город, которые мы совершали очень часто, он покупал нам у крестьян хлеб, молоко, мед. Экскурсии заканчивались обычно у костра, где Янковский интересно пересказывал нам прочитанные книги или рассказывал фронтовые истории. Мы слушали его затаив дыхание и думали о том, что, когда вырастем, непременно станем примерными солдатами.

Янковский хорошо понимал, что может доставить нам наибольшую радость. Он установил контакт со спортивным обществом "Стрелок" и организацией "Военная подготовка", которые за футбольным полем строили тир. Для производства земляных работ там требовалось много рабочих рук. С той поры каждую свободную минуту мы проводили с тачкой и лопатой. На ладонях у нас появились мозоли, но зато ворота тира были открыты в рекордно короткие сроки. И теперь мы могли бесплатно стрелять.

Позднее из грошовых взносов, средств от сбора и продажи макулатуру и бутылок мы создали фонд для покупки харцерской яхты. Дома у харцеров уже не осталось ни пустых бутылок, ни старых газет, а злотых на парусник все еще не хватало. Поэтому "наш опекун" продал свой велосипед с запасным колесом фирмы Завадского. Остальные деньги дружина заработала на сборе клубники у колонистов в деревне Калинувка.

И вот в один из майских дней 1938 года на речной пристани Каркушевского появилась новая яхта. Как радовались те, кому выпала честь принять участие .в первом рейсе, и сколько слез пролили те, кто не смог попасть на яхту, потому что она была не столь велика, чтобы забрать на борт всех сразу... Вожатый Янковский сумел, однако, разрешить и этот вопрос: в первый рейс отправились только те, кто умел плавать.

А в ближайшее воскресенье разделенная на группы дружина под опытным руководством подхорунжего Марцеля начала учиться плавать.

Приближались Дни моря. Праздновали их и у нас. Программа торжеств предусматривала парад различных плавучих средств. За лучшее маскарадное оформление команда получала приз в виде спортивного инвентаря. Мы не знали, кто из нас поплывет, какие будут костюмы, однако твердо верили, что Янковский сумеет решить и эту проблему.

В назначенное время дружина в полном составе стояла в строю.

- Харцеры, поплывут те из вас, кто за десять минут сумеет превратиться в негра. Сбор окончен. Жду негритянскую команду...

Приказ отдан, а мы торчим на месте как столбы, не зная, что сделать, чтобы стать неграми.

- Ну, что же вы не двигаетесь? А для чего сажа?

Теперь мы уже не ждем ни секунды. Вместе с Водичкой и Юреком Мушиньским мы влетаем в ближайший дом и просим у хозяйки сажи. Ничего не понимая, она смотрит на нас и спрашивает:

- Вы что, трубочисты?

Рассказываем, какое мы получили задание. Она разводит руками и разрешает очистить кухонную печь. Мажемся, фыркая от смеха.

С одеждой под мышкой возвращаемся на пристань. Здесь застаем уже часть харцеров. Некоторые вообще не сумели вымазаться: не нашли такой снисходительной хозяйки, как наша, и сейчас тихонько посмеиваются, глядя на нас. Вожатый Янковский тоже улыбается. Выбирает наиболее черных и вручает им коробочки с кремом для обуви - одну на двоих, чтобы они закончили гримировку.

Мы плывем вверх по реке. Нас сопровождает смех собравшихся по обоим берегам людей. Наступают сумерки. С грохотом распадаются разноцветные фейерверки. На плоской крыше Пристани резервистов оркестр играет танго. На берегу и на воде шумно и многолюдно. Мы должны быть внимательны, чтобы не вызвать столкновения. Происходит кильватерное построение всего того, что только держится на воде. Начинается смотр. Макет эсминца "Вихрь" с командой "Стрельца" набирает скорость. На мели около пристани Шлемки возникает затор. Мы поднимаем выдвижной киль и, отталкиваясь веслами, проплываем рядом с севшим на песчаное дно "Вихрем". Нас награждают бурными аплодисментами. А на следующий день наш "флот" увеличивается еще на одну плавучую единицу байдарку, которую мы назвали "Негром".

Промелькнули каникулы. Начинается новый учебный год. На улицах, дома и в школе ведутся нескончаемые разговоры о войне. Во время харцерских сборов вожатый Янковский читает нам брошюры о противовоздушной и противохимической защите. На видном месте в классе мы торжественно вешаем бумажный силуэт торпедного катера с надписью: "Фонд национальной обороны" (ФНО).

Деньги, предназначенные на второй завтрак, мы расходуем теперь на десятигрошовые марки Фонда национальной обороны, которыми обклеиваем силуэт катера. Дирекция школы организует

соревнование между классами - кто первым залепит свой катер.

Первое место занимают ученики 7 "А" класса. Но и другие не отстают: все охотно отдают накопленные медяки, хотя с витрин магазинов манят различные лакомства, а в кондитерской Ковальского и Ройтера продается прекрасное мороженое всего лишь за пять грошей...

Война

Наступил 1939 год. О войне говорят все громче. Взносы в ФИО не пропали даром. В одно из воскресений апреля на городской площади, около кинотеатра, выстроились шеренги подхорунжих ШПРА. Перед нами и делегацией 23-го пехотного полка поставили столы, на них - восемнадцать противогазов, три сабли и два станковых пулемета. Вдоль столов в почетном карауле стоят ученики представители школ. Невдалеке капеллан гарнизонного костела отправляет торжественное богослужение у алтаря. На стульях сидят хозяева города и повята. С плакатов, развешанных в большом количестве, на нас смотрит лицо верховного главнокомандующего. "Сильные! Сплоченные! Готовые!" - кричит надпись.

Ксендз освящает выложенное снаряжение, и начинается церемония вручения оружия. Твердым, ровным шагом, звеня шпорами, подходят подхорунжие. Целуют клинки сабель, которые вручает им староста. Они получают также противогазы в брезентовых сумках. Представители 23-го пехотного полка устанавливают пулеметы на тачанках, и начинается парад. В классе мы опять обклеиваем катер марками...

После объявления о мобилизации 27-й артиллерийский и 23-й пехотный полки выезжают в течение нескольких дней железнодорожным транспортом куда-то в район Тухоли. Говорят уже только о войне, а доморощенные политики делают скоропалительные прогнозы. После заключения с Англией и Францией пакта о взаимопомощи большинство считает, что Гитлер не начнет войны. Люди очень верят в гарантии Запада. Несмотря на это, перед магазинами выстраиваются очереди за товарами первой необходимости. Каждая семья делает запасы на случай войны. В писчебумажных магазинах скупают никогда до этого не пользовавшуюся особым спросом бумагу для затемнения окон - вначале черную, а позднее и синюю.

Вечером город выглядит как вымерший - нигде нет света. Наибольшее волнение можно заметить среди дачников - не знают, что им делать. На тротуарах появляются написанные большими красными буквами лозунги: "Повторим Грюнвальд!", "Дойдем до Берлина!".

В один из августовских дней отец приходит домой в военном

мундире и прямо с порога кричит:

- Хеля, дети, быстрее! Я должен с вами попрощаться! Еду!

Начинается плач:

- А что с нами, Броню? Как же мы без тебя? Что я, бедная, буду делать, когда сюда придут немцы?

Отец не обращает внимания на жалобы мамы. Вручая ей десяток злотых, он спокойным голосом говорит:

- Это на черный день. Немцев не бойся, они никогда сюда не придут. Если только Гитлер начнет, мы через пару дней будем в Берлине.

Мы, трое детей, молчим. Младшие держатся за материнскую юбку. Мы еще не понимаем, что несет с собою война, этим и объясняется, пожалуй, наше безразличие.

Отец прощается с каждым в отдельности. Мою правую руку он удерживает в своей натруженной ладони дольше всего.

- Помни, сынок,- говорит он,- ты самый старший мужчина в семье. Помогай маме. Я напишу вам. А с войны привезу тебе велосипед, о котором ты мечтаешь.

Приходят соседи, прощаются с отцом и желают ему скорейшего возвращения с победой. Особенно горячо прощается с отцом его коллега Даньчук: они долгое время работали вместе на почте. Он показывает на диплом, который отец получил за второе место в первенстве страны по стрельбе среди работников почт и телеграфов в 1935 году.; и говорит:

- Бронек, не опозорь нас на фронте. Покажи Гитлеру, как надо стрелять, и возвращайся целым и невредимым, с орденом на груди.

Мы провожаем отца до калитки. Вскоре его силуэт исчезает за поворотом дороги. Мы возвращаемся домой. В квартире неестественно тихо и пусто.

В последние дни августа стоит необычайно жаркая погода. Небо залито ослепительным солнцем, а земля сухая как камень, в реке показывается дно. Писем от отца все еще нет.

31 августа выезжают последние дачники. Сотрудники гражданской службы порядка получают противогазы и надевают желтые повязки. И наконец наступает последняя мирная ночь.

Утром нас будит резкий стук в оконную раму. Мать подходит к окну, а в комнату уже врывается женский голос:

- Сегодня на нас напали немцы! Вставайте, началась война!

Мы вскакиваем с постелей.

- Что там с нашим отцом? - вздыхает мать.- Где он теперь, бедняга, и что делает? А может, уже погиб? - Она расплакалась при одной мысли об этом.

Мы выходим во двор. Соседи стоят группками и оживленно

беседуют.

- Надо копать противовоздушную щель,- убеждает кого-то старший сержант государственной полиции Маевский.

Землемер Бартковский обозначает в саду место для щели, и под его руководством мы начинаем долбить засохшую землю. Ее с трудом удается взрыхлить заступом и мотыгой. Каждого возвращающегося из города мы спрашиваем:

- Какие новости с фронта? Далеко ли наши продвинулись вперед?

Ничего конкретного не известно. У соседей Дрогонов после полудня появляются первые беженцы из Варшавы. Они приехали на такси и рассказывают о страшных бомбардировках городов и окрестных деревень.

Люди работают лихорадочно. Первый отрезок щели готов уже к вечеру. Опускается ночь, но мать долго не ложится - она молится за здоровье отца.

Наступившее утро как две капли воды похоже на предыдущее. Жара все еще не спадает. Около полудня впервые завыли сирены. Мы бежим в укрытие. Высоко в небе появляется самолет. Не снижаясь, он летит в направлении Луцка. Звучит отбой - и мы энергично копаем следующий участок траншеи.

По городу ходят слухи, что сбито много вражеских самолетов. Радио сообщает о мужественной обороне Вестерплатте. Здесь, на Волыни, мы еще не знаем, что проигрываем войну, мы еще верим, что "не отдадим ни пяди". А уже 3 сентября на город падают бомбы. Есть и первые жертвы этого налета, а среди них - брат моего отца. С этого дня самолеты с черными крестами на крыльях ежедневно безнаказанно бомбят город. На жителей нападает страх. Беженцев все больше, они располагаются биваком на полях и огородах.

4 сентября мы узнаем, что 23-й пехотный полк, который входит в состав 27-й пехотной дивизии, разбит в районе Тухоли. Люди очень взволнованны. Вскоре капитулирует и Вестерплатте. В город прибывает верховный главнокомандующий и останавливается на улице Кафедральной.

Прошла первая декада сентября. С запада ночью доносится грохот орудий. От отца все еще нет никаких известий. В саду, над рекой Лугой, солдаты начинают рыть окопы. Они минируют близлежащий мост на улице Павловского и вместе с населением города возводят баррикады. Город приобретает вид крепости. У соседей размещается штаб части, занимающей оборону вдоль реки.

Мы с братом помогаем солдатам маскировать огневые позиции. Поручник Гура, командир роты станковых пулеметов,

дарит нам на память саперную лопатку и походную флягу. Домой мы приходим только спать. Гостеприимные пулеметчики принимают нас на довольствие. Нам очень нравятся солдатский гороховый суп и гуляш. Мы уже знаем, что представляет собой пулемет, и даже помогаем набивать ленты патронами.

Середина сентября. Артиллерийская канонада слышится уже совсем близко, за рекой. Среди солдат начинается волнение. На город падают первые немецкие снаряды. Огрызаются пулеметы нашей обороны. Зычно разрываются орудийные снаряды. Земля дрожит. В воздухе стоит запах пороховых газов.

Мы прячемся в укрытии. Женщины поют псалмы. Я сижу с Вальдеком Маевским около входа и вижу, как под яблоней бьет длинными очередями пулемет. Санитары проносят мимо солдата с перебитой ногой. Наше убежище наполняется грохотом и дымом. Кто-то в глубине громко и истерично кричит:

- Газы!

Прибегает поручник Гура вместе с каким-то солдатом, они выносят раненых. Офицер зовет на помощь еще двух солдат. Выводят мою мать и пани Маевскую. У обеих женщин головы в крови. Один из солдат ведет к выходу тяжело раненную старшую дочь Маевских, Ядвигу. Моя мать контужена и кричит страшным голосом:

- Где мои дети?!

У выхода появляется солдат с моей трехлетней сестрой на руках. У нее окровавлены головка и правая кисть руки. Под продолжающийся свист снарядов я начинаю плакать. Солдаты провожают нас к штабу.

Во дворе у Гоклеров лежат раненые, санитары делают им перевязки. Вбегает полицейский Маевский. На нем каска, в руках он держит карабин. Он смотрит на раненых членов своей семьи, и слезы текут по его лицу ручьем. Подходит ко мне, наклоняется и шепчет:

- Твой брат убит. Пока не говори маме - она этого не выдержит. Будь мужчиной...

После перевязки нас направляют в полевой госпиталь, расположившийся в здании городской сберкассы на улице Коперника. Темнеет. Во многих районах города горят здания. Стрельба уже затихла. Из госпиталя нас эвакуируют дальше, в Ковель. Вместе с нами едут еще несколько раненых солдат и один санитар. Утро мы встречаем уже в Ковеле. В госпитале мест нет. Раненые лежат в переполненных коридорах. Поэтому мы получаем буханку черствого хлеба, немного сала, несколько помидоров и... распоряжение покинуть госпиталь. Идем незнакомыми улицами. Иногда кто-нибудь из прохожих оглянется

на нас или спросит:

- Что случилось?

Вскоре мать встречает знакомых солдат из взвода связи, в котором еще вчера находился отец. Он поехал куда-то исправлять телефонную линию, и они не знают, когда вернется. Связисты отводят нас к месту своего расположения. Это обширный сарай вблизи ковельской почты. С интересом разглядываю солдатское хозяйство. Около сарая стоит одинокий чистый домик, охраняемый часовым. Как только отступает утренняя прохлада, из домика выходят несколько солдат в странном обмундировании.

- Кто это? - спрашиваю наших знакомых.

- Немцы. Летчики. Они здесь уже третий день. Их самолет сбили над Ковелем,- отвечают связисты.

Со страхом и с любопытством смотрю я на тех, кто причинил нам столько страданий. Немцы загорают под первыми лучами солнца. Мать подзывает меня и запрещает даже смотреть на вражеских солдат.

Связисты решили вернуться домой. Мы выходим из забитого беженцами Ковеля. Дороги запружены людьми и повозками, встречаются и военные обозы. На каждой телеге развевается белый флаг. Слышен гул самолетов, которые неотвратимо выплывают из-за леса, поблескивая в лучах солнца. Мы прячемся на картофельном поле. Я лежу на спине и считаю самолеты. Их тридцать два. Из города доносится заглушаемый гулом самолетов рев сирен, который через минуту смешивается с грохотом разрывающихся бомб...

Мы продолжаем свой путь. В четыре часа дня подходим к Тушиску. Над железнодорожной станцией стоит дым: недавно окончился налет. Мы заходим в ближайший дом и просим пустить нас переночевать. Раненые женщины и дети не могут уже идти. Хозяева угощают нас молоком и деревенским хлебом, спрашивают, откуда мы и что с нами случилось. Глава семьи запрягает лошадей.

- Подвезу вас до Овадно,- предлагает он.

После полуночи мы добираемся до железнодорожной станции в Овадно. В зале ожидания - страшная толчея и духота. Везде, даже на небольшом перроне под открытым небом, спят люди. Будет ли поезд во Влодзимеж, никто не знает. Усталость берет свое, и мы засыпаем. В какой-то момент я просыпаюсь от толчка. К перрону медленно подходит поезд. У дверей зала ожидания моментально начинается страшная давка: каждый стремится быть первым. Наши связисты захватывают места в тамбуре разбитого пульмана. Короткий гудок локомотива - и поезд трогается. Утром, на рассвете, мы добрались до Влодзимежа.

Опять война

Как сильно изменился город менее чем за два дня нашего отсутствия! Около остатков сгоревших домов стоят опаленные деревья. На улицах лежат поваленные телеграфные столбы со скрученными проводами. На тротуарах полно разбитого стекла, различных предметов домашнего обихода. Царит полное безвластие.

Атмосфера неуверенности и общий беспорядок прекращаются только 21 сентября. С рассветом в город въезжают советские танки, а около полудня подразделения кавалерии и пехоты. Я бегу вместе с другими мальчишками посмотреть, что делают и как выглядят русские. Около танков крутится много детей. Некоторые ребята сумели даже забраться на стальные машины. Солдаты с красными звездочками на пилотках радушно улыбаются.

Об отце у нас по-прежнему нет никаких известий. Многие соседи уже вернулись с войны, а отца все еще нет. Мать постепенно поправляется, и к ней возвращается былая уверенность. У младшей сестры раны еще не зажили. В кладовке пусто. К нам заглядывает нужда. К счастью, в огороде растут картофель, огурцы и помидоры. Хозяин дома застеклил окна, поэтому у нас тепло.

Ночью 5 октября нас будит резкий стук в окно. Мать вскакивает.

- Кто там? - спрашивает она неуверенно.

- Это я, открой.

Я узнаю голос отца, бегу к дверям, долго вожусь с замком, наконец открываю. Входит, отец, а за ним двое советских солдат. Прибывшие здороваются со всеми. Отец, узнав о смерти брата и сына, тяжело садится и долго держит в ладонях опущенную голову. Советские солдаты вынимают из вещевых мешков хлеб, сахар и сало, а мать ставит на стол помидоры и огурцы. Уже шумит чайник.

- Через два-три дня пойду на работу, и заживем нормально,- наконец говорит отец.- С солдатами Красной Армии еду от самого Житомира. Завтра они направляются дальше. Ну, мать, вода вскипела, налей чаю.- Он смотрит на солдат: - Жаль, что водки нет, сейчас бы она была очень кстати.

Прислушиваюсь к разговору и стараюсь понять, о чем говорят мои родители с советскими солдатами, но понимаю немного. Во время первой мировой войны отец и мать ходили в русскую школу и неплохо знают русский язык. Сейчас я им очень завидую...

Жизнь возвращается в свою колею. Отец получает работу на

почте. Мать и сестра с каждым днем чувствуют себя лучше. Я посещаю теперь русскую школу. Сначала у меня возникают большие затруднения с алфавитом, но я достаточно быстро усваиваю разговорную речь. Через месяц я уже прекрасно справляюсь с лексикой. Хуже обстоит дело с орфографией, но я не унываю. У нас появилось много новых соседей - это семьи советских офицеров. Я крепко подружился с братьями Карповыми - Ленькой и Шуркой. Они охотно помогают мне в изучении русского языка.

Жители города понемногу приспосабливаются к новым условиям. Так проходит первая военная зима.

В новом учебном году в дополнение к программе у нас вводят занятия по оборонной подготовке. После сдачи экзаменов по этому предмету нам вручают значки ГТО и ПВХО.

Наступает весна 1941 года. Люди опять все чаще говорят о войне. К 20 июня я сдаю все экзамены и меня переводят в следующий класс. В понедельник я должен был впервые в моей жизни поехать в пионерский лагерь. Но все мои мечты перечеркнула на рассвете 22 июня война...

Спящий город пробуждается от артиллерийской канонады. В окнах дрожат стекла. Отец встает первым, и я слышу, как он шепчет матери:

- Тише, пусть дети спят, это, вероятно, война!

Я вскакиваю с постели, но от волнения никак не могу одеться: у меня дрожат руки. Взрывы снарядов не прекращаются ни на минуту. Вместе с отцом я выбегаю из квартиры. Наш сосед, майор Лукин, уже во дворе.

Слышен гул самолетов. А затем в небе появляются силуэты знакомых с памятного сентября 1939 года "юнкерсов". Тяжело нагруженные, они летят на восток. Со двора гимназии по ним открывает огонь одинокая зенитка. Немецкая артиллерия продолжает обстреливать город. Мы бежим в укрытие, вырытое еще в 1939 году; оно уже заросло травой и частично осыпалось. Вместе с нами ютятся жены и дети советских офицеров. Район Подзамче пылает. День тянется необычайно долго - так же долго, как позднее тянулись и все фронтовые дни.

На землю опускаются сумерки. Кажется, что окровавленный, пылающий город тяжело дышит, будто живое существо. Мы вылезаем из укрытия. Приходит отец Вовки Шитова и сообщает нам, что немцы форсировали Буг.

- Нам будет трудно, но они сломают о нас зубы. Вот увидите, соседи. Мы вернемся сюда как победители. А пока прощайте,- говорит он и быстро уходит.

Мы остаемся одни. Жены советских офицеров плачут...

На следующий день с утра артиллерия снова молотит по беззащитному городу, самолеты обрушивают на него свой смертоносный груз. Внезапно в эту свору ястребов врывается советский истребитель. Атакует сначала с одной стороны, затем с другой, и уже за двумя Ю-87 тянутся хвосты черного дыма. Немецкие пилоты болтаются под куполами парашютов. Мы выглядываем из траншеи и аплодируем неизвестному герою. Русские женщины и на этот раз плачут, но уже от радости.

- Вот молодец! - говорят они сквозь слезы. Немецкая артиллерия не прекращает огня, ей на помощь приходят пулеметы - это начинается штурм города. Треск пулеметов приближается. Наконец около полудня после интенсивной перестрелки все умолкает. К нашему укрытию прибегает сосед Зигмунт Ковальский.

- Немцы уже в городе,- шепотом сообщает он.

Все умолкают.

Мы вылезаем из траншеи и идем домой. На ревущих мотоциклах во двор влетают гитлеровцы. На них зеленые каски, рукава засучены. За голенищами сапог и поясами торчат гранаты с длинными деревянными ручками. Они что-то кричат. Догадываюсь, что спрашивают, есть ли коммунисты. Вперед выступает Казимеж Свитковский и объясняет, что здесь нет ни коммунистов, ни комиссаров. Немцы глушат моторы, слезают с мотоциклов и выкрикивают хриплыми голосами:

- Водка! Водка!

Они врываются в нашу квартиру и начинают копаться в вещах. Один выносит из кладовки миску с яйцами и приказывает матери жарить яичницу. У нее трясутся руки от страха, но она послушно исполняет обязанности кухарки. Не успели уйти одни гитлеровцы, как в квартиру вваливаются другие и опять требуют водку. Первые объясняют вновь прибывшим, что водки у нас нет. Наконец все уходят. Через минуту слышен треск у соседей за стеной.

Прибегает Манек Рогалиньский, он зовет меня в город. Мы незаметно покидаем квартиру и идем в сторону центра. На Кафедральной лежат двое убитых советских солдат. На площади 1 Мая разрушен памятник Сталину. Фрицы громят магазины и выносят оттуда вино и шампанское. Нагружают награбленные напитки в танки и трогаются в направлении Луцка. На перекрестке улиц Варшавской и Тракт Легионов стоят фельджандармы и длинными регулировочными жезлами направляют движение моторизованных колонн. На столбе уже успели прибить указатель с надписью: "Moskau".

Из ворот выходит советский солдат, он без оружия и без

пояса. Его заметили блюстители "нового порядка". Один из них кричит:

- Стой! Стой!

Он расстегивает кобуру массивного парабеллума, вынимает пистолет и с расстояния в несколько шагов стреляет солдату в затылок.

Мы убегаем. Снова идем в направлении площади 1 Мая. Недалеко от разбитого памятника украинские националисты воздвигают триумфальную арку, украшают ее зеленью, немецкими и украинскими националистическими желто-голубыми флагами. Мы останавливаемся около разоренного филателистического магазина. За разбитыми стеклами витрины валяются марки, альбомы, какие-то журналы.

- Смотри, какие красивые марки,- возбужденно говорит Манек и несмело предлагает: - Может, нам взять немного? - Я колеблюсь. "Нет, нельзя, это не мое",- убеждаю я себя. Но Манек, будто догадавшись, о чем я думаю, возражает: - Все равно пропадут, или кто-нибудь другой их возьмет.

Это решает дело. Мы собираем разноцветные марки среди осколков стекла и разорванных клочков бумаги. Сверх ожидания марок много. Мы делим их справедливо, поровну.

Вечером на площади около пристани устанавливают зенитки. Утром появляются три советских самолета. Орудия открывают яростный огонь, но самолеты искусным маневром выходят из сектора обстрела. Со стороны Острувко грохочет артиллерия. После полудня с запада возвращаются шесть советских бомбардировщиков. На них обрушивают огонь два тупоносых "мессершмитта". Сверкают полосы трассирующих пуль. Последний в строю бомбардировщик ложится на крыло, а через мгновение из него вырывается огонь и черный дым. Он еще пытается тянуть, но это ему не удается. И самолет, перевернувшись несколько раз, падает на дом на улице Уланской.

Истребители продолжают танцевать вокруг бомбардировщиков. Те отвечают огнем на огонь. Но маневренные немецкие самолеты имеют преимущество в скорости, и через минуту второй подбитый советский бомбардировщик пикирует и врезается в землю. Спастись на парашютах экипажи советских самолетов не пытались. В толпе, которая наблюдает за воздушным боем, с горьким сожалением говорят, что, видно, немцев в воздухе не одолеть.

Проходит июнь. Уже и ночью не слышно артиллерийской стрельбы. Через город двигаются на восток все новые и новые моторизованные и танковые колонны вермахта. Люди только качают головами и вздыхают:

- Кто устоит против такой силы?

В противоположном направлении идут длинные колонны советских военнопленных, заросших, исхудавших, грязных. Люди пытаются передать им хлеб, но конвоиры стреляют и в тех, кто передает хлеб, и в тех, кто протягивает к нему руки.

На городской площади гитлеровцы устанавливают большую карту, на которой каждый день передвигают флажки со свастикой - все дальше и дальше на восток. Около жандармерии, которая облюбовала себе клинику доктора Зенкевича на улице Коперника, разместилась шуцполиция. Начинаются облавы. Людей вывозят на принудительные работы в Германию.

Каникулы окончились, но о школе не приходилось и мечтать. Для чего учеба? Ведь невольник не должен слишком много знать, достаточно, что у него есть физическая сила для работы. Но от скудного хлебного рациона сил не прибавлялось.

Траур

Сущность "нового порядка" с каждым днем выявлялась все рельефнее. Первыми, кто почувствовал на себе этот порядок, были евреи. Уже через несколько дней после начала оккупации их заставили надеть повязки со звездой Давида. Осенью 1941 года фашисты огородили часть города забором из колючей проволоки - туда они загнали всех жителей иудейского вероисповедания. Около ворот, рядом с вооруженными полицейскими, поставили еврейских должностных лиц, вооружив их деревянными палками. Большее издевательство вряд ли можно было придумать! Вскоре звезду заменили желтым лоскутом на спине и груди. Каждый день под конвоем жандармов с собаками несчастные жители гетто идут на железнодорожную станцию, где переносят тяжелые ящики с боеприпасами. Чтобы обеспечить необходимый фашистам темп работ, жандармы немилосердно избивают евреев прикладами карабинов, подкованными сапогами. Зачастую натравливают на них собак. Поэтому рабочая команда никогда не возвращается в гетто полностью. Путь между железнодорожной станцией и гетто обозначен многочисленными еврейскими могилами.

"Новый порядок" добрался и до крестьян окрестных деревень. С немецкой педантичностью работники сельскохозяйственного управления определили поставки. Тех, кто их не выполняет, сажают в тюрьму или вывозят на принудительные работы. Таким образом, деревня лишилась всего. На всякий случай из солдат местного гарнизона ежедневно отправляются на городские заставы патрули и каждую крестьянскую телегу, направляющуюся во Влодзимеж, подвергают тщательному обыску. Найденные продукты моментально отбирают, а крестьянин в лучшем случае

получает взамен пачку сахарина или десяток спичек.

В городе процветает черный рынок. За килограмм сала люди готовы отдать последнюю рубашку. Биржа труда ведет тщательную регистрацию людей в возрасте от шестнадцати до пятидесяти лет. Если у кого-то в рубрике "место работы" появляется запись "безработный", значит, готовься к выезду на принудительные работы в Германию или как можно быстрее меняй место жительства.

Невыносимо долго тянется зима 1941/42 года. На дрова идут заборы и часть деревьев в городском парке и в садах. Железнодорожники говорят о многочисленных переполненных эшелонах обмороженных немцев, о поражении Гитлера под Москвой. Немецкая жандармерия приказывает сдать все полушубки; тех, кто не успевает выполнить это распоряжение в назначенное время, раздевают прямо на улице.

До нас долетают слухи о деятельности партизан. Люди безгранично верят, что "черный орел" вернется с востока с обломанными крыльями.

Мать постоянно сожалеет, что я не хожу в школу, и докучает отцу просьбами отдать меня хотя бы в ученики к сапожнику, чтобы я не бил баклуши. Наконец отцу удается пристроить меня, и я посещаю тайные занятия у бывшего директора школы No 2 Марии Урбаньской.

Лето 1942 года оказалось таким же знойным, что и в прошлом году. Немцы вновь передвигают флажки на карте далеко на восток. Геббельсовская пропаганда захлебывается от восторга, сообщая о победах на Кавказе и под Сталинградом.

Однажды отец не возвращается на ночь домой. Мы долго его ждем, обольщаясь шаткой надеждой, что, несмотря на комендантский час, он придет. Ожидание оказалось напрасным. Утром я бегу на базу, где работает отец, и его коллеги сообщают, что отца забрали в полицию. Возвращаюсь домой с тяжелым сердцем. Мать в отчаянии, она плачет не переставая. Хождения в полицейский участок не дают никаких результатов. Причину ареста нам так и не объясняют. Полиция проводит в доме обыск, в ходе которого полицейские тщательно просматривают каждый предмет, а некоторые вещи просто ломают. Печь и кухонную плиту они разбирают по кирпичу. После себя "стражи порядка" оставляют разгромленную квартиру. Везде полно сажи и перьев из распоротой перины. Мать бессильно опускает руки. Наше горе безгранично. Вскоре, немного придя в себя, мать решительно заявляет:

- Иду искать работу.

Она обращается на биржу труда и получает место

домработницы у фрау Киршибель, служащей городского сельскохозяйственного управления. Я уже больше не хожу на занятия. На это нет ни денег, ни времени. Желая как-то помочь семье, я пытаюсь заняться рыбной ловлей. Однако мои надежды не оправдываются: дневного улова едва хватает на скромный ужин. И все-таки я с гордостью сижу за столом и наблюдаю, как мать и сестра с удовольствием едят плотву или окуней. Но помощь моя слишком ничтожна.

Однажды около кинотеатра я встречаю своих школьных товарищей. Узнаю, что все они торгуют сигаретами. Стефан Баран сообщает мне секреты торгового ремесла.

- Видишь ли,- говорит он,- кто сейчас торгует, тот и живет. Мы все здесь торгуем чем только можно. Наибольшую прибыль приносит продажа сигарет. Я знаю: твой отец сидит. Присоединяйся к нам, и ты сможешь помочь своим.

- Может, это и так, но у меня нет денег. На что я куплю сигареты?

- Ну, это дело поправимое,- утешает Стефек.- Если хочешь, я одолжу тебе немного денег - и действуй.

Я колеблюсь, хотя соблазн велик. Присматриваюсь, как идут дела у других. Наконец решаюсь.

Толпой двигаемся в направлении железнодорожного вокзала. Баран объясняет "коллегам по профессии", что мой отец сидит в тюрьме и поэтому я буду работать вместе с ними. Чтобы придать больше значимости своим словам, он объясняет, что дело я начинаю с его деньгами, так как беден, как церковная мышь. Мне немного стыдно, но все весело смеются и утверждают, что начинали точно так же.

Стефек демонстративно вынимает пачку немецких марок. Отсчитывает десять бумажек и, отдавая их мне, говорит:

- Успеха тебе. Потом отдашь - и будем квиты. Согласен?

- Согласен,- отвечаю я.

Теперь "коллеги" объясняют мне принципы, которыми необходимо руководствоваться в торговле. Предупреждают, чтобы я их не нарушал.

- Если, конечно, не хочешь иметь дело с нами,- предупреждает самый старший Здзишек Хаустуг.

Я гляжу на его мощную фигуру и решительно соглашаюсь со всем.

Мы входим в железнодорожный вокзал. Сразу бросается в глаза, что ребята здесь частые гости. Приходят железнодорожники, и группка расползается по разным закоулкам заключать торговые сделки. Стефек продолжает мне покровительствовать. Без его опеки я бы мало что сделал: здесь

каждый покупатель имеет своего поставщика. Мы приобретаем товар у машиниста Зелиньского, которому Баран представляет меня как новенького.

На заработанные деньги я покупаю шпик, который мне удается передать отцу через шуцмана Яшку Залуцкого. Нам уже начинает казаться, что все со временем уладится. И вдруг мы получаем официальное уведомление о смерти отца. Горе, в которое оно нас ввергает, долго не позволяет нам прийти в себя. Глаза матери навсегда теряют блеск. Я плачу в одиночестве, не могу примириться с мыслью, что шершавая отцовская ладонь никогда уже не ляжет на мое плечо...

Филателия и обучение стрельбе

Жизнь в оккупированной стране каждый день одевает в траур новые и новые семьи. Но она выдвигает и свои прозаические требования. Заглянув однажды в пустой кошелек, мать говорит:

- Сыночек, кончились деньги. Иди, может, немного заработаешь...

И я иду. В тот же день я несколько раз курсирую по Железнодорожной улице, от кинотеатра до вокзала. Внезапно раздается крик: "Серый!"

Заслышав его, мы улепетываем в разные стороны. Он означает, что в районе нашей торговли появился немец или шпик. На этот период мы обычно прячем товар в каких-нибудь закутках, позднее кто-нибудь выходит на разведку, и только после того, как опасность минует, торговля начинается снова.

На этот раз все было иначе. Смотрю из-за угла и вижу, как "разведчики" спокойно разговаривают с немецким солдатом. Подхожу и я. Слышу, как немецкий обер-ефрейтор говорит на чистейшем польском языке:

- Ребята, я пришел не за сигаретами. Я филателист, меня интересуют почтовые марки. Может, у кого-нибудь из вас они есть? Я бы с удовольствием их посмотрел, а еще охотнее купил.

Слушаю его и в первый момент не могу поверить, чтобы человек, облаченный в немецкий мундир, хотя он и говорит на моем родном языке, отличался от палачей в тех же самых мундирах.

Солдат не перестает заверять:

- Пожалуйста, не бойтесь меня. Поверьте, вам ничего не грозит.

И я решаюсь показать ему немного марок. Подхожу как можно ближе и неуверенно говорю:

- У меня есть красивые марки. Если вы пойдете ко мне домой, то я покажу...

- Охотно,- просиял он.

- Тогда я попрошу подождать меня у костела. Я продаю последнюю пачку сигарет и подхожу к ожидающему меня солдату.

- Стефан Спендель, из Катовиц,- представляется он.

По дороге он рассказывает мне, что его семья живет в настоящее время в Богучицах, а он - административный работник в комендатуре лагеря для военнопленных офицеров.

Мы входим в квартиру. Мать с порога встречает нас полным беспокойства вопросом:

- Что этот шалопай натворил?

Обер-ефрейтор в первый момент, вероятно, не понимает, что означают этот вопрос и слезы матери, так как какое-то время с удивлением смотрит то на мать, то на меня.

Я быстро объясняю, в чем дело. Мать успокаивается, взмахом руки приглашая гостя в квартиру. Мы входим. Спендель садится, вынимает из кармана лупу и пинцет. Незамедлительно просит:

- Ну, давай показывай свои марки.

Я приношу несколько конвертов. Вижу, как дрожат его пальцы, когда он разглядывает марки. С интересом жду его оценки.

- Это прекрасные марки! Где ты их достал, мальчик? - наконец спрашивает он.

- Видите ли, я уже давно собираю марки,- нахально вру я.

- Если хочешь их уступить, я куплю все. Сколько они стоят?

- Трудно назначить цену. Я не слишком хорошо знаю стоимость этих марок,объясняю я и сразу же добавляю: - А не могли бы вы заплатить мне сигаретами, сахарином или другими продуктами?

- Хорошо,- без колебаний соглашается Спендель.

Он быстро уходит, обещая скоро вернуться. До комендатуры лагеря на Кафедральной недалеко, поэтому он возвращается через полчаса. Приносит двадцать пять пачек сигарет, десять пакетиков сахарина и три килограмма сахара. Я показываю ему еще несколько серий. Вероятно, возбуждаю ими аппетит опытного коллекционера. Прощаясь, он просит мать:

- Вы разрешите мне приходить к вашему сыну за марками?

С этого времени он появляется у нас в доме через каждые несколько дней.

- Ты знаешь, у меня есть коллега. Он тоже филателист,- говорит он однажды,- и хотел бы приобрести немного марок таким же образом, что и я. Могу я привести его сюда?

Я соглашаюсь без колебаний.

Они появляются уже на следующий день. Спендель выполняет обязанности переводчика:

- Это унтер-офицер, то есть капрал. Он из Ганновера, его зовут Ганс Матиас.

Услышав свое имя, Ганс горячо поддакивает:

- Да-да!

Я смотрю на него, но вижу прежде всего массивную кобуру, из которой торчит парабеллум.

- Покажи марки,- переходит к делу Спендель. Я приношу несколько конвертов, Ганс берет их в руки и сразу же сообщает:

- Я буду все купить. Wiefiel kostet es?{1}

- Он хочет купить все. Сколько это стоит? - переводит Спендель.

- Двести сигарет.

Спендель переводит Гансу, и тот пытается поторговаться.

- Ничего,- вмешивается силезец.- Если хочешь иметь марки, то плати, а если нет, то возьму я.

Ганс бормочет что-то себе под нос, но вытягивает из сумки требуемое количество сигарет и кладет их на стол.

На следующий день он приходит один. Мы торгуемся. Вероятно, для Ганса сигареты имеют большую ценность, так как, прежде чем доложить пачку, он долго чешет свою курчавую шевелюру. В какой-то момент капрал замечает, что я пристально рассматриваю кобуру его пистолета. Он спрашивает о чем-то, чего я не понимаю. Затем достает парабеллум и, вынув магазин, подает мне. Жестами поясняет, что я могу его разобрать. Однако все мои усилия ни к чему не приводят. Ганс громко хохочет и показывает, что за серию марок научит меня разбирать пистолет.

Я киваю головой в знак согласия.

- Смотри,- говорит Ганс и медленно разбирает пистолет.

Затем собцрает его и вручает мне, чтобы я разобрал самостоятельно. Сделать это довольно трудно, но у меня наконец все получается. "А теперь собирай",показывает мне жестами немец. У меня ничего не выходит - и наступает очередь следующей серии марок. И снова я соглашаюсь... Матиас становится обладателем двух красивых серий, а я приобретаю навыки в обращении с парабеллумом. Мы прощаемся довольные друг другом.

Во время очередного визита Спенделя я узнаю, что Ганс готов принести даже пулемет, только бы я давал емз марки. Однако Спендель предостерегает меня:

- Только помни, что это немец, и держи язык за зубами. Осторожность никогда не помешает.

Я заверяю его, что обучение обращению с пистолетом вышло как-то само собой, будто случайно. К тому же я не знаю, как мне реагировать на слово "немец",- ведь и сам Спендель ходит в

немецком мундире.

Обмен марок на сигареты позволяет мне скопить много денег. Откровенно говоря, мать теперь могла бы и не работать. Торговые операции я провожу уже в широком масштабе. От приятелей у кинотеатра я узнаю о продаже оружия на черном рынке. Пока я не знаю, кто покупает и кто продает такой товар. Только прихожу к выводу, что разговоры "коллег" не являются пустой болтовней. Вероятно, людям уже осточертела оккупация: все чаще доходят известия о деятельности партизан, пока где-то в районе Сарн и Тарнополя. И у нас кое-что происходит.

Стефан и Ганс по-прежнему наведываются ко мне. Стефан, как и раньше, платит сигаретами, а Ганс предлагает мне однажды пострелять из пистолета по бутылкам. Один выстрел он оценивает в серию марок. Я принимаю предложение. Мы забираем из кладовки несколько пустых бутылок и идем на реку. Там бросаем их в воду - и Ганс стреляет. Вокруг нас собирается толпа ребят, и мы вместе наблюдаем за стрельбой немца.

Вот плывет бутылка. Ганс подает мне пистолет и приказывает:

- Стреляй!

У меня дрожит рука - ведь это мой первый выстрел из настоящего оружия. Нажимаю спусковой крючок - раздается выстрел. Бутылка продолжает спокойно плыть. Второй, третий выстрел. Опять промах. Ребята дружно смеются над моими стрелковыми способностями.

И вот уже следующая бутылка летит на середину реки. Я снова нажимаю на спусковой крючок. "Одиннадцать выстрелов,- считаю я про себя,-это столько же серий марок, а от Спенделя я, вероятно, получил бы уже двести сигарет". Как дорого обходятся мне занятия по стрельбе, знаем только я и Ганс...

Поникший, я возвращаюсь домой. Зато Матиас доволен. Он похлопывает рукой по кобуре и повторяет:

- Это хороший пистолет. Я купить много марок.

Охота за оружием

Начался новый, 1943 год. Спендель уехал в Югославию. Перед отъездом он много говорил о югославских партизанах. Я понял, что он их боится.

Однажды ночью исчезла карта, на которой гитлеровцы передвигали флажки. Еще через несколько дней к надписи: "Kommandatur" было добавлено слово "ost". Изменение вроде бы и незначительное, но оно породило у людей новые надежды. Тем временем гитлеровцы начали обносить свои учреждения заграждениями из колючей проволоки. В городе царило возбуждение.

В мае немцы ликвидировали гетто. В течение нескольких дней грузовики вывозили евреев в лес Пятыдне... В июле пришли трагические вести о погромах польского населения в окрестных селах. По ночам со всех сторон поднимались кровавые зарева. Оставшиеся в живых крестьяне располагались теперь биваком на площадях.

Все чаще слышим мы о деятельности советских партизан. Мои друзья Эдвард Релига, Януш Вежбовский, Казимеж и Роман Данилевичи то и дело заводят разговоры о том, что нам необходимо иметь оружие. Роман, самый старший из нас, утверждает, что скоро возникнут и польские партизанские отряды.

- Вот подождите, как пойдем в лес, да как начнем лупить немцев...загораются ребята.

Мечтаю об уходе в партизанский отряд и я. По ночам мне снятся бои с оккупантами, а себя я вижу в роли мстителя за отца, за нанесенные обиды.

В один из воскресных дней на карманные часы отца я выменял у Эдека Религи, сына оружейного мастера из 27-го артиллерийского полка, старый, заржавленный пистолет ФН калибра 6,35 мм. Однако этот хлам не мог удовлетворить мое честолюбие. И я решаю во что бы то ни стало раздобыть настоящий пистолет, с которым меня обязательно примут в партизаны. Но где взять такой пистолет? Первая мысль - украсть его у фрау Киршибель. Навещая мать, я не раз видел в тумбочке у немки пистолет. Много раз держал его в руках, и - честно говоря он давно бы мог стать моей собственностью. Останавливало меня только опасение, что в краже прежде всего заподозрят мать. Поэтому я продолжал поиски.

В поле моего зрения оказались немцы Вист и Верзе, соседи фрау Киршибель. Прислугой у них служила пани Кристина Шафиньская, которая с мужем и детьми жила в соседнем доме. С тех пор я много времени провожу у матери на работе. В течение нескольких дней я тщательно изучаю распорядок дня Виста и Верзе. Утром немцы уходят в мундирах и с оружием. После обеда, приблизительно в четыре часа, они переодеваются в гражданские костюмы и идут купаться на бывшую Пристань резервистов. Домой возвращаются около семи и сразу ужинают.

После ухода немцев Шафиньская с матерью садятся на скамейку в саду и долго о чем-то беседуют. В это время квартира гитлеровцев пустует.

Итак, без двух минут четыре я с удочкой торчу вблизи того места, куда Вист и Верзе приходят купаться. Вот они идуг по дорожке, усаженной кустами жасмина. Входят на территорию

пристани. Садятся на одну из свободных скамеек. Попыхивая сигарами, не спеша раздеваются. Я нервно слежу за поплавком, а краем глаза наблюдаю за немцами. В тот момент, когда они медленно входят в воду, я не торопясь удаляюсь от пристани. Сматываю удочку и оставляю ее в кустах. Бегу на улицу Сокульскую, где в доме доктора Полянского живут Вист и Верзе.

Во двор я попадаю через забор. Вокруг - никого. Приближаюсь к приоткрытым дверям и на всякий случай стучу. Прислушиваюсь - везде очень тихо, только сердце колотится, как молот о наковальню. Слегка толкаю дверь и пробираюсь в кухню. Через окно вижу мать и Шафиньскую, сидящих в саду. Крадучись подхожу к двери, ведущей в комнату. Открываю ее, мгновенно оглядываю комнату - и мне в глаза сразу бросается оксидированный, блестящий пистолет. Он лежит на небольшом столике около телефона. Молниеносно засовываю его за брючный ремень под рубашку- и назад. Сердце стучит неправдоподобно громко, но я уже около забора. Прыжок - и я в пустом гетто. Вот и поворот к реке. По дороге забираю удочку и уже спокойно возвращаюсь на Пристань резервистов...

Немцы еще купаются. Сколько времени продолжалась моя "операция", не знаю. Рыба по-прежнему не клюет. Пистолет приятно упирается в живот. Прямо не верится, что все прошло так гладко. Время от времени я дотрагиваюсь пальцами до спрятанного пистолета и каждый раз убеждаюсь, что он на месте. Теперь я никак не могу дождаться, когда немцы пойдут на ужин и я смогу внимательно его рассмотреть. Наконец оба выходят из воды, вытираются грубыми полотенцами, закуривают сигары и идут по дорожке, усаженной жасмином. Кое-как сматываю удочку - лишь бы быстрее домой. Мать с работы еще не пришла. Запираю дверь и вынимаю пистолет.

- Ну и игрушка! - чуть ли не кричу я от восторга.

На верхней части затвора "читаю: "МАБ, калибр 7,65 мм". Вынимаю магазин, снимаю пистолет с предохранителя и выбрасываю из патронника блестящий патрон.

Все время думаю - что будет дальше? Что предпримут фашисты, когда узнают об исчезновении пистолета?

Но все обошлось. На следующий день утром, без нескольких минут восемь, домой приходит мать и прямо с порога говорит:

- Вист потерял вчера где-то у реки пистолет. Полчаса назад поехал на совещание в Луцк. Вернется только вечером. Беги к реке, может, найдешь. Ну вставай, лентяй, и лети искать...

- Мама, я не знаю, где искать. В конце концов, па что мне его пистолет?

- Ну и бездельник же ты! Такая возможность заработать, а ты

в постели валяешься. Впрочем, поступай как знаешь. Приходи к десяти, пойдешь за сахаром и маслом.

После ухода матери я засовываю пистолет за пояс и иду похвастаться к Эдеку Религе. Он сразу же начинает уговаривать меня продать пистолет, но я не хочу его и слушать.

- Пойдем в сарай, кое-что тебе покажу,- говорит Эдек доверительным тоном.

Мы входим в большие ворота. Эдек влезает на лестницу и из соломенной крыши вытягивает сверток. Через минуту вынимает из свертка что-то стальное и длинное. Он устанавливает это "что-то" на бревне и объясняет:

- Это советский танковый пулемет. В диске помещается семьдесят четыре патрона. У меня три таких диска. Предлагаю обмен.

Я с некоторым недоверием отношусь к его предложению.

- Откуда он у тебя? - спрашиваю я.

- Видишь ли, в сорок первом, в июне, я ездил на велосипеде к Бугу, знаешь, туда, где проходили бои, и снял пулемет с танка. С обменом я не шучу. Давай по рукам- и пулемет твой.

Мы меняемся. Домой я возвращаюсь без пистолета, но и без пулемета, который мне не в чем было вынести. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Поэтому я начал серьезно обдумывать, где можно достать еще один пистолет. Но все решил случай...

В один из жарких июльских воскресных дней меня неожиданно навестил Ганс Матиас в обществе какой-то девушки. Они искали хороший пляж, но прежде всего одиночества. Я проводил их на полянку среди малинника, а сам быстро взобрался на чердак и высунул голову в слуховое окно. Вот оба сбросили одежду. Ганс как бы взвешивает в руках кобуру парабеллума, обдумывая, что с ней делать. Он оглядывается и, не заметив никого вокруг, прикрывает ее носками, ставит сверху корзиночку с безделушками девушки, еще раз внимательно оглядывается и, схватив ее за руку, бежит к воде.

Я решаюсь: стремительно бегу к малиннику, вынимаю пистолет, прячу в густых кустах крыжовника и - уже плыву рядом с Матиасом, нарочито громко фыркая и взбивая фонтаны воды. Немец бросает взгляд в мою сторону. Увидел меня - это хорошо!

Купание окончено. Залезаю на чердак и с замиранием сердца смотрю, как Ганс медленно одевается. Один носок, другой, брюки... Наконец он нагибается, протягивает руку к ботинку, затем к другому, нервно оглядывается и беспомощно разводит руками. Вижу, как он прикладывает палец к губам. Оба поспешно уходят.

Волнуюсь: что будет дальше?

Солнце заканчивает дневное странствие. Берега реки пустеют. Приближается комендантский час. В совершенной темноте я покидаю свой наблюдательный пункт и осторожно иду в сторону кустов крыжовника, где лежит спрятанный парабеллум. Прислушиваюсь к тишине. Дрожащими руками раздвигаю колючие кусты и вынимаю пистолет. Медленно возвращаюсь домой. В мансарде, в окне сержанта запаса Свитковского, мерцает керосиновая лампа. Я решаю зайти к нему.

- Войдите,- раздается за дверью.

Свитковский жарит на примусе яичницу и, не отрываясь, жестом приглашает меня занять место на диване. Я сажусь так, чтобы кобура большого пистолета высовывалась из кармана коротких штанов.

- Что слышно? - спрашивает он.

- Ну, очень жарко. На реке сегодня было много людей.

- Да, жарко не только... Что это у тебя?! - восклицает он, не закончив мысль.

- Вы это имеете в виду? - со значительным видом похлопываю я по кобуре парабеллума.- Это, как видите, мой пистолет.

Свитковский подскакивает к двери и поворачивает ключ в замке. Затем уменьшает огонь и без того едва светящей лампы и подходит на цыпочках к дивану, на котором я сижу. Он, вероятно, боится поверить собственным глазам: то смотрит на пистолет, то холодным взглядом измеряет меня с ног до головы. Наконец он повелительным тоном бросает:

- А ну, выкладывай!

Подробно рассказываю ему обо всем, а под конец как бы между прочим добавляю:

- Это уже второй немец, которого я разоружил,- первый пистолет я выменял на танковый пулемет. Видите ли, я очень хотел бы уйти в партизаны...

Сержант крепко пожимает мою руку. Поднимает висящий над диваном коврик и откалывает старательно сложенные листки.

- Читай,- предлагает он.

Из заглавия вижу, что это - "Информационный бюллетень". Позднее, когда я закончил чтение, Свитковский начал мне объяснять, что такое конспирация.

- А теперь я покажу тебе еще кое-что,- произносит он загадочно.- Видишь, у меня тоже есть пистолет...

Пистолет очень похож на мой ФН, калибра 6,35 мм, также покрыт кое-где ржавчиной.

- А здесь, в подзольнике, я прячу ручную гранату,- объясняет сержант.

- Я еще не держал в руках гранаты...- говорю просительным тоном.

- Сейчас, сейчас, только выну взрыватель. Внимательно наблюдаю, как Свитковский вынимает из корпуса гранаты блестящую медную трубку.

- Теперь можешь смотреть. Она безопасна. Это советская оборонительная граната.

Он объясняет принцип ее действия. Беседуем долго, обстоятельно.

- Заходи ко мне время от времени,- говорит он на прощание,- я тебе дам почитать еще что-нибудь из подпольных изданий. А в партизаны успеешь: ведь тебе только пятнадцать лет.

На следующий день я показываю пистолет Эдеку Религе и братьям Данилевичам. В глазах товарищей - зависть. Приходится рассказывать, как я стал обладателем такого сокровища...

В один из августовских дней по городу с быстротой молнии разнеслась весть: в партизанскую засаду попали немецкие автомашины с солдатами. В ходе завязавшегося боя погибло несколько гитлеровцев, а среди них майор и еще какой-то офицер. Вскоре было объявлено о торжественном погребении обоих офицеров.

В день похорон в город с самого утра съезжаются из окрестных деревень "фюреры" местного значения. Кроме пистолетов все вооружены в основном автоматическим оружием.

Около дома фрау Киршибель полно бричек. Я тоже иду на похороны. Замечаю, что немцы взяли с собой на траурную церемонию только пистолеты. Автоматы и карабины остались в комнате Верзе! Брички медленно направляются к комендатуре.

У меня в голове молниеносно созревает план: вернуться сюда, пока нет немцев,- и можно брать все что хочешь. Перед комендатурой - толпа. Глухо бьют барабаны. На лафетах орудий установлены гробы с останками убитых гитлеровцев, а рядом шпалерами выстроились фашистские офицеры и гражданские лица немецкого происхождения из различных оккупационных учреждений. В толпе замечаю "старых знакомых" - Виста, Верзе, Адамского и фрау Киршибель. Подхожу ближе, так, чтобы и они меня заметили. Придаю лицу печальное выражение. Через некоторое время ловлю на себе их взгляды. Процессия трогается под звуки траурного марша. Иду медленно, намеренно давая себя обогнать, а теперь - бегом домой.

Заворачиваю в газету мешок и спешу на улицу Сокульскуго. Обхожу дома, в которых живут немцы,- везде тишина и спокойствие. Где-то вдалеке, за городом, играет военный оркестр. Вот и окно комнаты Верзе. К счастью, оно открыто. Еще раз

оглядываюсь - и одним прыжком преодолеваю забор. Крепко хватаюсь за подоконник, отталкиваюсь от земли. Попадаю в квартиру и - застываю как вкопанный. Я в настоящем арсенале: по всем стенам расставлено оружие различных типов, около печки лежит несколько вещевых мешков, из которых торчат деревянные рукоятки гранат. Разворачиваю мешок и кладу в него все, что попадет под руку,- два автомата, три карабина, большое количество гранат и запасных магазинов. Пытаюсь все это унести - и не могу. С сожалением вытягиваю назад два - как мне кажется - самых плохих карабина. Перебрасываю мешок за окно. Через мгновение я уже у забора.

О ужас! Ствол карабина сантиметров на тридцать торчит наружу. Беспомощно оглядываюсь и лихорадочно соображаю, что бы такое предпринять. Нет, ни за что на свете не оставлю мешка здесь, под забором, и тем более не понесу обратно. Около мусорного ящика лежит куча соломы. Накладываю ее в мешок так, чтобы побольше вылезало наружу, перебрасываю мешок через плечо и как можно быстрее покидаю опасное место. По дороге решаю отнести добычу в старый, полуразвалившийся ледник у реки.

Все прошло успешно. Закапываю мешок с оружием в опилки, которые когда-то предохраняли лед от таяния. Отряхиваю штаны и - бегу на место погребальной церемонии... Появляюсь на госпитальном кладбище, когда еще звучат напыщенные, изобилующие угрозами по отношению к "бандитам" речи. Ищу взглядом мать - она стоит недалеко со знакомыми - и подхожу к ней. Она и не заметила моего отсутствия. Воздух сотрясают залпы траурного салюта.

Еще полчаса - и толпа начинает расходиться. Вместе с матерью подхожу к фрау Киршибель. Через минуту около нас оказываются Вист, Верзе и еще несколько незнакомых мне немцев. Чувствую, как у меня дрожат руки. Как обычно, начинаю размышлять, что будет дальше. Подъезжают брички. Немка забирает мать. Жестом руки Вист разрешает мне занять место на козлах около возницы. Глухо стучат колеса бричек по булыжной мостовой улицы Фарней. Через минуту мы несемся уже по Кафедральной и Сокульской.

От обилия впечатлений и страха, что вот-вот произойдет самое худшее, у меня разболелась голова. Вот мы и на месте. Опасливо сажусь на скамейку, где так часто отдыхают мать и Шафиньская. Начинаются поминки, и немцы солидно накачиваются водкой. Вскоре из открытого окна доносятся пьяное пение и смех. Некоторые выходят во двор, еле держась на ногах. В голове у меня бьется одна-единственная мысль: отсутствия

оружия еще не заметили. В дверях показывается Вист с бутылкой водки и стаканом. Опираясь о дверной косяк, он зовет:

- Адамский, иди сюда... Выпей водки!

Подходит рыжий Адамский и цедит водку из поданного Вистом стакана.

"Все еще ничего не заметили",- мысленно утешаю я себя. В это время шатаясь выбегает Верзе и кричит:

- Карл, иди, иди скорее! Проклятые бандиты!

Я встаю и подхожу к вознице, с которым ехал на козлах. Не знаю, что делать - исчезнуть или еще немного подождать. В конце концов остаюсь.

- Ну и напились же немцы,- говорю я.

- Генек, иди сюда! - слышу голос матери. - Что, идем домой? - спрашиваю совершенно спокойно.

- Ты знаешь, сынок, что здесь случилось, когда мы были на похоронах? Кто-то забрал у немцев оружие! Они в бешенстве. Не знаю, что теперь будет...

- Что мне делать? - нетерпеливо спрашиваю я.

- Пока подожди. Проклинают большевиков и Сталина. Нас, вероятно, не тронут...

Я возвращаюсь на скамейку, но на всякий случай смотрю, куда же лучше всего бежать отсюда.

Немцы группками выходят из дома и занимают места в бричках. О чем-то полушепотом разговаривают. Наконец все разъезжаются...

Итак, все закончилось благополучно - я, как и первые два раза, отделался испугом.

- Сынок, идем домой,- зовет меня мать.

Я вижу, что она взволнована. На улице спрашиваю:

- Мама, а что, собственно, случилось?

- Я же говорила тебе: кто-то украл оружие.

- И что же будут делать немцы?

- Из их разговоров я поняла, что оружие они где-то достанут. Во всяком случае никому не говори о том, что здесь произошло. Они не собираются сообщать об этом в гестапо.

Дело приняло неплохой оборот. После ужина ненадолго выбегаю из дома. Темно, поэтому я напрягаю слух до предела: нет ли кого-нибудь поблизости? Но тишину нарушает только кваканье лягушек. Иду к старому леднику. Здесь еще раз внимательно прислушиваюсь - кругом спокойно. Вхожу - и мои ноги сразу утопают в мягких опилках. Я вытягиваю из тайника мешок и огородами несу его в наш сарай. Со страху мне кажется, что дверные петли скрипят слишком громко. С огромным облегчением кладу мешок на пол. Затем отодвигаю от стены

клетки с кроликами и укладываю там оружие. Теперь можно спокойно возвращаться домой.

На следующий день я навожу порядок в сарае: чищу клетки, укладываю остатки дров, а одновременно произвожу учет оружия. Мои запасы довольно значительны: карабин со ста восьмьюдесятью патронами; два автомата с магазинами, полными патронов; семь ручных гранат; двадцать пять патронов к пистолету калибра 7,65 мм; голландский фонарик с динамо-машинкой. От радости я чуть не плачу. А в голове только одна мысль - теперь меня наверняка примут в партизаны!

И вдруг все чуть было не обернулось трагедией.

Через два дня гитлеровцы устроили публичную казнь советского партизана. Везде полно вооруженных солдат. Среди немцев я вижу рыжего Адамского с автоматом. Мой товарищ Чешек Квятковский{2} вздыхает:

- Этот автомат - настоящее сокровище.

- Хотел бы такой? - спрашиваю я ни с того ни с сего.

- Конечно! - Чешек недоуменно пожимает плечами.

- Тогда зайди ко мне через пару дней,- выпаливаю я неожиданно даже для самого себя.

Я и сейчас не знаю, что побудило меня принять такое решение...

На следующее утро, около одиннадцати часов, я подхожу к дому Адамского. Как обычно, в это время здесь никого нет. Обхожу дом. С минуту размышляю, что предпринять, а затем вынимаю стекло из маленького оконца в дверях черного хода. С внутренней стороны в замке торчит ключ. Поворачиваю его и вхожу в квартиру немца. На вешалке висит пояс с кобурой. Приподнимаю ее - легкая, значит, пистолета нет. Оставляю пояс в том же положении и прохожу в комнату. Оружия не вижу... Кто-то открывает ключом фронтальную дверь - я ясно слышу скрежет замка. Подбегаю к окну, открываю его и одним прыжком выскакиваю во двор. Перелетаю через забор и бегу в направлении пустого гетто, на улицу Водопойную и далее, по Гипотечной, домой. Запыхавшийся, влетаю в квартиру. Мать стирает белье.

- Мигом беги за водой. Поспеши, а то я должна идти на работу,- просит она.

Я сильно взволнован. У меня дрожат руки и ноги. С трудом поднимаю ведра и самой короткой дорогой, через двор Гоклеров, направляюсь к колонке. Рядом со мной, визжа тормозами, останавливается автомашина. В пей жандармы и шуцман Яшка Залуцкий.

- Мальчик, иди сюда,- доносится оттуда. Я оглядываюсь и вижу, что из автомашины меня манит: пальцем жандарм Венцке.

Я медленно подхожу.

- Где находится улица Сокульская? - спрашивает он.

- Надо повернуть назад, на улицу Кафедральную и затем свернуть в первую улицу налево,- объясняю я

- Иди сюда, садись в машину, покажешь, где это,- приказывает Залуцкий.

- Некогда,- вмешивается Венцке, и автомобиль разворачивается.

Теперь я хорошо вижу, что в нем кроме людей сидит немецкая овчарка. На спине у собаки широкая желтая лента с надписью: "Polizei".

Я быстро набираю воду и бегу домой. Хотя на улице жарко, надеваю теплую одежду и сапоги. Пытаюсь незаметно выйти из квартиры.

- Куда идешь? - останавливает меня мать вопросом.

- Сейчас вернусь.- Почти силой я отстраняю ее от двери.

Бегу к бетонному мосту на реке Лудзе. Делаю вид, будто разглядываю резвящихся в воде уклеек, но в действительности внимательно наблюдаю за своим домом. Внезапно я цепенею от ужаса: по улице Водопойной в направлении моего дома идут жандармы, в нескольких метрах впереди них бежит собака с желтой лентой. Вот немцы уже на нашем дворе. На мгновение овчарка останавливается, а затем, поднявшись по лестнице, входит в открытые двери квартиры...

В партизанском отряде

В родной дом я уже не вернулся.

В ту ночь я сплю у Квятковского, которому сообщаю:

- От шмайсера пошли нити, и дома полно жандармов.

На следующий день я ночую у другого товарища, Казимежа Данилевича, на улице Усчилугской. После обеда его брат Роман и Яловицкин, который работает шофером в немецкой транспортной фирме, отвозят меня на грузовой автомашине к Бугу. Я получаю от них записку с адресом Феликса Молодкевича из Городло и вплавь нелегально пересекаю границу. Вечером я уже в Городло. Коротко объясняю Молодкевичу и его старшему сыну Брониславу, что меня привело к ним. С этого момента я становлюсь родственником этой замечательной польской семьи. Все относились ко мне, как к родному.

Несмотря на это, месяц в Городло тянулся для меня очень долго. С Волыни доходили вести о деятельности польских партизан. Я много раз собирался уйти в лес. Однако пан Феликс обычно заявлял:

- Сиди, сынок. Куда пойдешь? Тебе ведь только пятнадцать лет...

10 ноября я узнаю, что живущий здесь, в Городло, пан Косёрек, у которого бандеровцы вырезали часть семьи, отправляется на следующий день во Влодзимеж. Я твердо решаю, что иду вместе с ним. Во время обеда я говорю об этом своей новой семье. Старый Молодкевич вначале возражает, но вмешивается другой его сын, Тосек.

- Отец, пускай парень идет. У него ведь столько оружия, которое лежит без дела,- вступается он за меня.

- Ну хорошо,- соглашается хозяин.

- Соберу мальчика в дорогу,- добавляет его жена.

Я пока не задумываюсь, к кому пойду в родном городе и как потом попаду в партизаны. Самое главное для меня в эту минуту - это начать действовать.

Получаю теплое белье, свитер и кусок ржаного хлеба с салом и утром трогаюсь с Косёреком почти в двадцатикилометровый путь.

На мосту через Буг немцы, которые его охраняют, забирают у меня еду и разрешают перейти на другой берег. Около полудня мы на окраине Влодзимежа. Здесь я прощаюсь с моим попутчиком и прошу его, чтобы он передал привет матери, не сообщая, однако, что я в городе. Мы расстаемся. Я иду к Эдварду Религе. Короткое сердечное приветствие, а затем сразу же: где был и что делал?

- Ну, парень,- рассказывает Эдек,- тебе повезло, что ты тогда успел сбежать. Немцы перевернули весь дом. Хорошо, что ничего не нашли, а то забрали бы мать, а так сидит теперь дома и плачет. В течение нескольких дней они наведывались к вам. Сейчас оставили мать в покое. Что намереваешься делать?

- Хочу уйти в партизаны.

Эдвард испытующе смотрит на меня, а затем, сердечно пожимая мою руку, громко говорит:

- Сегодня вечером пойдем вместе. Танковый пулемет- в твоем распоряжении.

- Согласен! - Обрадованный, я крепко целую друга. Ноябрьский день короток. Сразу после обеда за нами приезжает какой-то крестьянин на телеге.

- Это мой хороший приятель. Он тоже едет с нами,- представляет меня Эдек.

Крестьянин недоверчиво смотрит из-под нависших бровей.

- Пускай едет, только уж слишком молод...

Как мне хотелось тогда казаться более взрослым, хотя бы восемнадцатилетним, знают только те, кто взялся за оружие в том же возрасте, что и я!

Выносим из сарая два снопа соломы: в одном - винтовка-

маузер, в другом мой танковый пулемет. Прощаемся с родителями Эдварда. Его мать крепко целует нас и крестит. Лошади трогаются резво.

По дороге мы останавливаемся, и па подводу усаживается парень такой же молодой, как и я. В руках у него тоже сноп соломы.

Едем. Телега немилосердно трясется на скованной первыми заморозками грунтовой дороге. Эдек, видимо полностью нам доверяя и отказавшись от каких-либо принципов конспирации,объясняет:

- Мы едем в отряд, которым командует Петрусь Маленький. Что это за отряд и где он располагается, увидите вечером сами. Сейчас выберите себе клички. Я Дикая Кошка, и только так вы должны меня называть. Уже этой ночью у вас будет работа. Для начала - все. Так как же с вашими кличками?

- Может, я буду Тигром,- предлагает парень, присоединившийся к нам по дороге.

- Неплохо,- сразу соглашается Дикая Кошка.-А ты что придумал? - обращается он ко мне.

- Орел. Вроде бы тоже хорошо.

- О нет,- возражает Дикая Кошка.- Такая кличка уже есть, ты должен выбрать себе другую.

- А Страус, как ты думаешь? - немного неуверенно произношу я первое пришедшее на ум название птицы.

- Сойдет,- улыбается Эдек.- Помните, что с этого момента вы называетесь только так,- поучает он нас. Въезжаем в деревню.

- Это Марянувка,-сообщает Дикая Кошка.-На другом конце деревни, у леса Барыш, живет крестьянин Рудницкий, у которого мы и будем квартировать.

Лошади встают. Каждый из нас развязывает свой сноп соломы. Забираем оружие и вслед за Дикой Кошкой входим в дом. За столом, над которым поднимается пар от большой миски с бигосом, сидят несколько мужчин. Дикая Кошка представляет нас, в ответ они называют только свои клички. Многих из них я знаю: это Блеск (Владек Овчарский), Волк (Вацек Коханьский), капрал Туча (Петровский, сапожник из Тушиска).

За ужином я узнаю, что в любой момент могут прибыть комендант и отряд самообороны из Спащчизны под командованием сержанта Быстрого (Яна Матушиньского).

Вскоре в открытых дверях появляется высокая фигура в дубленке, с автоматом на груди, а рядом с ней знакомый мне по Влодзимежу харцерский вожатый Владислав Чеслиньский.

- Это наш комендант, а тот, в дубленке,- Быстрый,- шепчет мне Волк.

Вслед за комендантом протискиваются вооруженные люди. В избе становится тесно и шумно. Прибывшие закуривают самокрутки, и через минуту в избе становится серо от табачного дыма. Внимательно приглядываюсь к прибывшим: может, увижу знакомое лицо?

Открываются двери соседней комнаты.

- Рядовой Страус, к коменданту,- зовет один из партизан.

У меня подгибаются колени. Мысленно составляю первый в своей жизни солдатский рапорт. Вхожу, щелкаю каблуками и четко произношу:

- Пан комендант, рядовой Страус по вашему приказанию прибыл!

- Подойдите ближе. И не так громко - здесь глухих нет. Ну что, хотите быть партизаном?

- Так точно.

- Сколько вам лет?

- Исполнилось шестнадцать,- добавляю себе больше года.

- Какое у вас оружие?

- Здесь - советский танковый пулемет, а дома - еще два автомата, карабин с патронами, немецкий парабеллум и семь ручных гранат.

- Что? Столько оружия и боеприпасов? Откуда?

- Так точно! Имею честь доложить, пан комендант, что добыл все это у немцев!

- Хорошо, об этом оружии поговорим позже. А теперь - персональные данные и год рождения.

Быстро повторяю за комендантом слова партизанской присяги. Поворачиваюсь через левое плечо и выхожу из комнаты, а в душе горячо благодарю харцерских вожатых за науку, которая так пригодилась мне сегодня.

Разговор с Тигром менее продолжителен. Вскоре к собравшимся в самой большой комнате дома Рудницких партизанам выходят Петрусь Маленький и Быстрый. Старшина отряда призывает всех к тишине, после чего комендант приступает к изложению задачи:

- Нас вместе с людьми сержанта Быстрого почти шестьдесят человек. Целью сегодняшней ночной операции является разгром бандеровекого гарнизона в селе Лиски. Поведут проводники из Марянувки. Капрал Туча с пулеметчиками отрезает деревню Лиски от леса Барыш. Места для занятия огневых позиций покажет проводник. Остальные ударят по деревне с противоположной стороны и погонят противника к лесу, на наши пулеметы. Наступать только огородами. Для освещения района боевых действий можно поджечь несколько сараев. В гражданское

население не стрелять. Через пятнадцать минут выступает передовое охранение, которое поведет старшина отряда. Сигналом к окончанию операции будет крик "Банзай!".

Наконец мы выступаем. Ночь очень темная. Рядом со мной идут Волк и Дикая Кошка. Я несу пулемет, который, видимо, слишком тяжел для меня. Короткая остановка. Курить и разговаривать нельзя. Несмотря па запрет, шепотом прошу Дикую Кошку:

- Поменяемся оружием...

- Ты с ума сошел?

- Боюсь из этого стрелять,- объясняю я.

- Испугался? С этого начинаешь партизанскую службу? Ха-ха-ха... Хорошо, поменяемся около деревни, а пока неси и не жалуйся.

Трогаемся дальше. Через некоторое время пулеметчики под командованием капрала Тучи отделяются от остальной группы. Я меняюсь оружием с Дикой Кошкой и занимаю огневую позицию. На полосе в несколько десятков метров установлено шесть ручных пулеметов. Я лежу рядом с Дикой Кошкой и слышу, как сильно бьется у меня сердце. Время тянется медленно-медленно. Внезапно где-то в темноте, кажется, перед нами, раздаются первые выстрелы. Кто-то страшно кричит. Загорается подожженный сарай - от огня становится немного виднее. Стрельба усиливается. Теперь горит уже несколько строений. По дороге, на которой установлены наши пулеметы, в направлении леса бегут люди, хорошо различимые на фоне огромных языков пламени. Перевожу на левую сторону рычажок предохранителя, неумело прицеливаюсь, нажимаю спусковой крючок и - вижу, как кто-то падает. "Значит, вот как убивают людей!" - с удивлением думаю я.

- Банзай! - передается в это время но цепи.

Операция закончилась. К лесу стягиваются партизаны, передовое охранение быстро трогается в обратный путь. Сохраняя абсолютную тишину, идем и мы. Под утро мы уже в Марянувке...

Проходят дни и недели. Все больше людей прибывает в отряд. Создаются взводы и отделения. Я служу в первом отделении, командование над которым принимает капрал Сокол (Вацлав Зелиньский), железнодорожник из Влодзимежа. Взводом командует сержант Карась (Мариан Коц).

Вскоре вместе с оперативной группой, прибывшей из Луцкого повята, мы выступаем в село Краки, где ведем тяжелый бой с бандеровцами. У нас имеются убитые и раненые. Ночью, не прекращая боевых действий, отходим в Марянувку. Отсюда через несколько дней перебазируемся в село Спащчизна, где остаемся

до января 1944 года. Мое отделение располагается на постой у крестьянина Лобановского.

За несколько дней до сочельника в отряд с инспекционными целями приезжают поручник Белый (инженер Сильвестр Броковский) и сержант Тур (Францишек Захарчук, бывший командир взвода саперов 23-го пехотного полка). Оба подпольщики из Влодзимежа.

Когда все собрались, поручник начинает инструктаж.

- Я попросил собрать весь отряд, чтобы познакомить с заданием, выполнение которого возлагается на вас,- говорит офицер.- Вблизи городской скотобойни во Влодзимеже живет осведомитель гестапо Васыль Трояновский, прозванный Хромоногим. Подпольный суд приговорил его к смертной казни. Сегодня ночью вы должны привести приговор в исполнение. Адрес знает командир отряда...

- Так точно!-вытянувшись по стойке "смирно", отвечает за нас Петрусь Маленький.

- Это все. Солдаты свободны, командира прошу остаться.

Мы расходимся по квартирам. Блеск проверяет исправность кольта, из которого он должен застрелить осведомителя,- ведь именно ему поручено приводить в исполнение приговор.

Сразу же с наступлением темноты мы выступаем. Вместе с Волком и Дикой Кошкой я должен охранять дом Трояновского со стороны входа. Уже виден свет казарм на улице Усчилугской. Петрусь Маленький уверенно ведет отряд, оставляя в стороне главное шоссе.

Вот мы и на месте. Из небрежно занавешенных окон пробивается свет лампы. Командир открывает дверь. В его руке я вижу пистолет. Вслед за ним в дом входит Блеск. Из-за неплотно закрытых дверей слышится женский плач и твердо произносимые слова приговора. Тихий звук выстрела - и все смолкло. Задание выполнено - можно возвращаться.

Вскоре мы снова выступаем, на этот раз в Водзинов. Вместе с нами уходит сын нашего хозяина Тадеуш, который получает кличку Искра. В Дубниках мы ведем бой с немцами, берем в плен шестерых. В этом бою смертельно ранен Выдра.

Однажды ночью в отряд привозят мое оружие, Я уже не боюсь стрелять из пулемета. Танковый, с которым я вступил в отряд, теперь у рядового Рыбака (Станислава Браницкого), а я получил трофейный ручной пулемет.

В новогоднюю ночь мы устраиваем засаду на шоссе Влодзимеж - Усчилуг. Во время боя хорошо показали себя Волк, Гром (Збигнев Пабян) и Осина (Феликс Коц). Сжигаем немецкую автомашину, убиваем нескольких офицеров и добываем немного

оружия. Однако погибает капрал Сокол. Новым командиром отделения назначается капрал Заяц (Вацлав Лясковницкий, житель Киселина).

Январь - это месяц нашего наступления на бандеровцев. Уничтожаем их гарнизоны в Гнойне, Людмирполе, Вирове, Стшелецкой, Пузове и Никитычах. Благодаря уловке сержанта Тура нам удалось взять в плен более восьмидесяти немцев, а также захватить рацию на гусеничном мотоцикле. Через район наших действий проходят на запад, в Польшу, советские партизанские отряды. Мы помогаем им в организации переправ через Буг.

Немцы начинают проявлять активность. В борьбе с врагом героически гибнут сержант Быстрый и рядовой Рыбак. Гитлеровские самолеты обстреливают деревни, в которых стоят наши отряды.

В один из пасмурных дней из-за леса появляются четыре вражеских самолета и с бреющего полета бьют из пулеметов по месту нашего очередного базирования. Мы выскакиваем из домов и открываем ответный огонь по самолетам. Один из Ю-87 падает на поле. Остальные начинают относиться к нам с большим почтением и набирают высоту. Мы бежим к подбитому самолету. Оба пилота убиты. Извлекаем длинные ленты с трассирующими пулями. Сержант Кружка (Олек Матушиньский) упорно уверяет всех, что это он подбил самолет. Капрал Леопольд Коссовский, батальонный оружейник, с помощью нескольких человек снимает пулеметы. Он надеется, что сумеет переделать электрическое пусковое устройство на механическое. Со стороны леса Пятыдне нас атакуют немцы со своими союзниками. С обеих сторон имеются убитые и раненые. В моем отделении погиб рядовой Блинчик. День ото дня растет число партизанских могил около костела в Белине.

В первые дни марта началась мобилизация партизанских отрядов в соответствии с планом "Буря". Мы становимся одним из подразделений 27-й пехотной дивизии АК. Нага отряд получил условное название "Основа". Однажды в нашу роту прибывает мой школьный товарищ Януш Вежбовский с украденным у немцев станковым пулеметом. Януш берет себе псевдоним Синичка.

На пасху произошла радостная встреча с советскими кавалеристами. Вместе с ними мы наносим удары по немецким гарнизонам во Влодзимеже и Ковеле. Неожиданной контратакой из этих городов, поддерживаемые большими силами авиации и танков, немцы отрезали 54-й советский гвардейский кавалерийский полк от главных сил. Мы ведем тяжелые оборонительные бои с многочисленным противником, имеющим

и тому же превосходство в технике. Отступаем. Контратакуем вместе с советскими кавалеристами под Стензажицами и Никитычами.

Перед районом обороны нашей роты широкий мелиорационный ров с сожженным мостиком па сельской дороге. Со стороны Писажовой Воли беспрерывно слышится грохот орудий. Над лесом в направлении Усчилуга летят девять бомбардировщиков; они начинают бомбить Белин. Мы энергичнее работаем лопатами, оборудуя огневые позиции. Возвращаются конные разведчики. Рысь (Генрик Сурмачиньский) докладывает Петрусю Маленькому:

- Немецкая цепь находится на расстоянии менее двух километров от нашей обороны.

Поспешно проверяем оружие и маскировку. Прилетает "рама". Мы лежим в неглубоких окопах, плотно прижавшись к земле. Самолет исчезает за домами Стензажиц. На опушке леса появляются немцы. Сильнее сжимаю оружие. Недалеко от меня вползают в окоп командир роты и фельдшер Завиша (Збигнев Бараньский). Гитлеровцы выпускают несколько очередей, прислушиваются и по рву подходят к сожженному мостику.

- Огонь! - громко подает команду Потрусь Маленький.

И ожила партизанская оборона. Немцы пытаются рассредоточиться вдоль рва.

- Вперед, в атаку!-кричит командир роты и первым выскакивает из окопа.

Как из-под земли появляются здесь же два кавалериста и мчатся с поднятыми саблями на гитлеровцев. Около меня строчат пулеметы Вазы и Летчика (Романа Шевчука). Мы бежим густой цепью и на ходу стреляем. Немцы отступают в сторону леса. Мы преодолеваем ров. Партизаны из взвода сержанта Казимежа Сондак и советские кавалеристы ведут нескольких пленных. Возвращаемся в окопы. Около дороги горит овин, и кровавое зарево рассеивает наступающие сумерки. В вышине слышен гул самолета. Поднимаются вверх столбы огня - немцы бомбят Стензажицы!

Опять есть убитые и раненые. Партизанский госпиталь переполнен. Не хватает лекарств и перевязочных материалов...

И вот мы окружены в Мазурских лесах. Со всех сторон бьет немецкая артиллерия. Гибнет на поле боя командир дивизии подполковник Олива (Ян Киверский). Ночью мы прорываем кольцо немецкого окружения в районе деревни Замлыне на реке Неретве, но в лесах остается большая часть партизанского обоза и госпиталь, полный раненых. Утром немцы пытаются с помощью танков и бронепоезда на железнодорожной линии Ковель - Хелм

Любельский остановить выходящих из окружения партизан и советских кавалеристов. Частично это им удается.

С наступлением ночи мы предпринимаем очередную попытку выйти из окружения, и она завершается успешно. По освещенному врагом полю устремляются вперед партизаны. Я стараюсь стрелять по вражеским окопам длинными очередями. Рядом храбро сражаются партизаны Петруся Маленького - Волк, Дикая Кошка, Гром, Ваза. Поднимает в атаку залегших перед железнодорожной насыпью партизан сержант Большой. Искра забрасывает гранатами блиндаж. Мы прорываем оборону противника и переходим па другую сторону железнодорожных путей. Бронепоезд отъезжает. Мы вступаем в Шацкие леса. На нашем пути встречаются в основном сожженные деревни.

На партизанские стоянки заглядывает голод. В мае немцы вновь проводят операцию по очистке лесов. Мы снова ведем тяжелые бои. Первый батальон 23-го пехотного полка под командованием поручника Зайца (Гурки-Грабовского) совершает успешный налет на немецкие позиции артиллерии и минометов в селе Гута Ратненьска.

Жаркий день подходит к концу. Краем леса мы подходим к участку, который обороняют советские партизаны. Занимаем позиции рядом с ними. Советские товарищи по оружию рассказывают о боях, прошедших в течение дня. С гордостью показывают стоящий недалеко от леса сожженный немецкий бронепоезд. Командир батальона внимательно рассматривает в бинокль село, по которому мы должны ударить этой ночью, а затем вызывает к себе командиров подразделений. Мы продолжаем неторопливую беседу с советскими партизанами. Лешеку (Вавжшювичу) они дарят ППШ и два запасных диска с патронами - о таком подарке мечтает каждый. Наконец возвращаются командиры от поручника Зайца. Они быстро отдают приказы. Под прикрытием ночи мы должны дойти до села незамеченными. Сигнал для атаки - красная ракета.

Над лугами поднимается туман. Мы двигаемся густой цепью и через мгновение скрываемся в темноте. До объекта атаки около трех километров. В течение получаса мы идем в полный рост, преодолевая многочисленные рвы и обширные топи. Чтобы не потеряться в темноте, через определенное время чмокаем, слушая подобные ответы слева и справа. Рядом со мной шагает мой второй номер рядовой Вереск. Винтовка у него повешена через плечо: в руках он несет ящик с патронами. Я на всякий случай опоясался двумя пулеметными лентами, каждая по пятьдесят патронов. Укрепил их таким образом, чтобы в темноте можно было легко размотать. Теперь мы двигаемся медленнее.

Гитлеровцы методично освещают ракетами подступы к своим позициям и непрерывно стреляют из автоматического оружия. Все это служит для нас дополнительными ориентирами. С ближайшего болота с криком поднимается стая диких уток. Останавливаемся. Лечь некуда - всюду вода, топи. Поэтому отдыхаем стоя. Я снимаю с предохранителя свой пулемет. Вереск жалуется на то, что тяжелый ящик с патронами не позволяет ему воспользоваться оружием. С левой стороны подходит к нам подпоручник Петрусь Маленький.

- Сейчас начнем,- говорит он шепотом и идет дальше.

Снова тишина. Небо на востоке слегка сереет. Глухо охает ракетница. В вышине вспыхивает красная звездочка и медленно падает, увлекая за собой белую полосу дыма. Пригибаясь, устремляемся вперед. Несколько метров - и кончается белая стена тумана.

Наконец-то мы чувствуем под ногами твердую землю. Где-то сбоку надрывно лает пулемет, разрывая темноту трассирующими пулями. Но вот начинается и партизанский "концерт". В ответ немцы беспорядочно выпускают осветительные ракеты. Село уже близко. Я падаю, я вот мой пулемет подает свой "голос". Короткими очередями строчат по ближайшим строениям партизаны. Трассирующие пули рекошетируют вверх и исчезают в низких облаках. Гитлеровцы ведут неистовый огонь.

- Ура! - несется со всех сторон.

Еще две-три очереди - и мы с Вереском устремляемся вперед. Вот мы и в селе. Кругом горят дома. От огня, охватившего их, становится светло как днем. На дороге стоят грузовые автомашины. Из-за хаты выскакивают два немца.

- Не стреляйте! Не стреляйте! - кричат они.

Еще немного - и бой затихает. Горящее село занято партизанами. Несколько человек несут захваченные минометы и мины к ним. Командир батальона поручник Заяц осматривает поле боя, затем обращает свой взгляд на добытые минометы и автомашины. Подходит группа партизан, которые несут кого-то на плащ-палатке. Я слышу, как капрал подхорунжий Филипек (Антони Арматыньский) докладывает:

- Пан поручник, командир роты Сокол убит.

Заяц резко склоняется над телом убитого:

- Видно, судьба его была погибнуть здесь, именно здесь...- говорит он глухим срывающимся голосом.

Мы знаем, что оба они пришли к нам из Варшавы, были друзьями.

- Подожгите автомашины,- приказывает Заяц после минутного молчания.Возвращаемся в лес.

Отходим. За плащ-палаткой, на которой несут Сокола, тяжелым шагом ступает командир. Затухающие пожары смешиваются с рассветом и освещают нас. Необходимо как можно быстрее достичь леса, прежде чем появятся самолеты врага...

Засада

Мы прибываем в район базирования. Вскоре появляется командир нашей дивизии майор Жегота (Тадеуш Штумберк-Рыхтер). Поручник Заяц докладывает ему о результатах ночной вылазки. Офицеры осматривают захваченные минометы.

- Маловато мин,- отмечают они.

На перекрестке лесных просек партизаны из пятой роты копают могилу для поручника Сокола (Витковского). Над лесом летает "рама", вероятно пытается нас высмотреть.

- Тревога! Тревога! - вдруг слышим мы - это Петрусь Маленький.- Вдоль узкоколейки Вилица - Заблоче идут немцы!

Мы продвигаемся лесной просекой. Где-то в стороне, над лесом, гудят самолеты. Солнце поднимается все выше и начинает сильно припекать. Я смотрю на лица товарищей. На них видна усталость, вызванная трудностями лесной жизни. Украшающую их многодневную щетину помнят еще Мазурские леса. Из обмундирования хуже всего обстоят дела с обувью. Не все запаслись сапогами в Гуте Ратненьской, поэтому сейчас идут в постолах из лыка{3}.

Глубоко в лесу завязывается перестрелка.

Вот и заржавевшие рельсы узкоколейки. Мы останавливаемся в тени карликовых сосен и березок. Командиры идут на рекогносцировку.

- Вереск, как у нас с боеприпасами? - спрашиваю я.

- В Гуте Ратненьской подцепил немного. Наша машинка - большая лакомка. Если так и дальше пойдет, то скоро мне нечего будет носить...

- Встать! За мной! - доносится до нас из-за ближайших кустов знакомый голос командира.

Мы поднимаемся на высоту, поросшую чахлыми сосенками. Согласно указаниям подхорунжего Молли (Алерса) мы с Вереском и Волком занимаем огневую позицию. Устанавливаем пулемет около небольшого бугорка. Я ложусь и провожу стволом по виднеющимся путям, которые в этом месте образуют небольшую дугу в нашем направлении.

- Вереск, выломай вон те сухие кусты, а то закрывают обзор,- прошу я.- Да, так! Теперь хорошо!

Лопаткой, с которой Вереск никогда не расстается, поправляем наш окоп. Вот мы и готовы принять непрошеных гостей.

Лежим так долго, что нас начинает одолевать сон. Солнце пригревает спину, от одежды идет пар. Вверху с монотонным жужжанием курсирует "рама". По опыту мы знаем, что если хоть чуть-чуть демаскировать себя, то вслед за "рамой" сразу налетят Ю-87, поэтому стараемся ни одним движением не выдать своего присутствия.

Где-то далеко, за поворотом железнодорожных путей, которые исчезают в лесу, раздается несколько выстрелов. В районе засады слышен металлический скрежет заряжаемого и устанавливаемого на боевой взвод оружия. Перед нашими позициями все еще пусто. Вдоль путей едут верхом на низкорослых конях пять советских партизан. Петрусь Маленький окликает их. Они объезжают нашу засаду, где-то в тылу под присмотром одного из товарищей оставляют лошадей и присоединяются к нам. У них такие же автоматы, как недавно полученный Лешеком, и, кроме того, сабли.

- Намнем бока немчуре,- весело подмигивают они с немалой долей уверенности.

Последняя минута нервной тишины... Внезапно с той стороны, откуда приехали конные разведчики, показываются фигуры солдат противника. Они останавливаются на мгновение, выпускают несколько очередей из автоматов и продвигаются вдоль путей дальше. Ясно видны засученные рукава и расстегнутые воротники мундиров. Они на расстоянии восьмидесяти - ста метров от нас. На край поляны, где минуту назад находился передовой дозор врага, теперь выходит большая группа немцев. Они не соблюдают никаких мер предосторожности. Идут небольшими группками по нескольку человек, оружие держат на ремнях, в руках несут лишь каски. Толкаю Вереска локтем:

- Держи ленту, сейчас начнется...

Советский партизан, лежащий рядом с Волком, многозначительно подмигивает и слюнявит большой палец правой руки. Гитлеровцы уже совсем близко. Недалеко от них с треском разрывается граната - и вот уже склоны возвышенности содрогаются от адского грохота стрельбы. Выпускаю длинную очередь - ни один из врагов не уходит живым. Сбегаем со склона. Вот мы и на месте побоища. Быстро распределяем довольствие - оружие и боеприпасы. Из-за железнодорожной насыпи поднимаются три фигуры в венгерских мундирах. Так, значит, кое-кто остался в живых. Забираем их с собой и возвращаемся на лесную базу. По дороге нам повстречался большой конный отряд советских партизан под командованием Иванова. Русские сообщают нам, что немцы плотным кольцом окружили Шацкие

леса.

Короткий сон прерывает артиллерийская канонада. Над лесом с воем летят снаряды и разрываются в топи болот. Сразу же после артиллерийского обстрела над партизанским лагерем появляются самолеты. Лежим, распластавшись на земле. Едва улетают самолеты, как снова принимается за работу артиллерия. Несколько снарядов разрываются в кронах ближайших деревьев. Партизаны заметно нервничают. Приходят Петрусь Маленький с Молли, у которого на погонах вместо знаков различия подхорунжего одна офицерская звездочка. Мы узнаем, что он принимает командование ротой вместо убитого в ночном бою Сокола. Молли тепло прощается с нами, а мы начинаем рыть окопы на близлежащей поляне. Не успели закончить эту работу, как объявляется построение. Петрусь Маленький ставит перед Карасем задачу - произвести с частью взвода разведку в западном направлении, одновременно обеспечив охрану саперам, которые заминируют дорогу.

Сержант Карась отбирает людей для выполнения задания. Вызывает только по кличкам:

- Ваза, Осина, Лешек, Щука, Медведь, Вереск, Амур, Дубок, Береза, Заяц, Дикая Кошка, Волк, Нарцисс, Вулкан, Стена, Страус...

- Достаточно, Карась, достаточно,- прерывает его командир роты.- Дикая Кошка, Волк, Стена и Страус, останьтесь и ждите около шалаша.

Остальные уходят с Карасем и саперами на задание. Наши незаконченные окопы занимают партизаны советского отряда. Позади них поручник Заяц с несколькими партизанами устанавливает трофейные минометы.

Вместе с Дикой Кошкой, Стеной (Тадеуш Нерадко) и Волком я копаю противовоздушную щель около шалаша командира. Когда работа закончена, мы приносим ветки ельника и выстилаем ими дно. Со всех сторон бьет по лесу немецкая артиллерия. На душе тяжело: никто не знает, что будет дальше, да и не пытается предугадать.

Наступает ночь. Некому позаботиться о нашем ужине. Волк вынимает тряпку, в которую что-то завернуто, с благоговением разворачивает ее на пне, и перед нашим взором появляется кусок сала. Дикая Кошка разрезает его штыком и выдает каждому по кусочку. Хлеба у нас нет, но еда и без того кажется необыкновенно вкусной. Невдалеке разрывается артиллерийский снаряд. Осколки, пронзительно свистя, ударяются в кроны деревьев. Мы прыгаем в окоп.

Ночь проходит в коротком сне, часто прерываемом

артиллерийскими выстрелами. Из шалаша доносится здоровый храп Петруся Маленького. "Если бы я мог так спать",- думаю я с сожалением. Солнце медленно поднимается золотым диском над горизонтом и своими лучами разгоняет ненасытные тучи комаров. Слышу треск сучьев.

Поднимаюсь и вижу, как к шалашу стремительно приближается капрал Заяц.

- Где командир? - взволнованно спрашивает он.

- Спит здесь, в шалаше... А что случилось?

- Эти сукины дети...- ругается капрал.- Дезертировали, трусы проклятые. Пошли сами пробиваться из окружения... Карась и остальные...

Из шалаша выходит Петрусь Маленький. Капрал, встав по стойке "смирно", докладывает командиру о дезертирах. По мере того как он говорит, лицо командира бледнеет, а руки трясутся все сильнее. Наконец не выдержав, он кричит:

- Стена, давай быстрее лошадей! Мне бы только догнать этого Карася!{4}

Петрусь Маленький и Заяц берут с места галопом. Мы остаемся одни. К нам подходит Стена. Вчетвером мы обсуждаем поступок Карася и других наших товарищей, с которыми нас связывало столько радостных и горестных переживаний.

Весть о дезертирстве почти всего первого взвода молниеносно разносится по лесу. К шалашу Петруся Маленького подходят любопытные и выспрашивают, как это произошло и что мы обо всем этом думаем. Сильнее всех взволнован командир третьего взвода сержант Большой. Он - бывший полицай из Белина. Как только началась мобилизация в 27-ю пехотную дивизию АК, сержант забрал оружие, подчиненных ему людей и ушел в партизаны. Сейчас он проклинает своего земляка - Карася.

В этот момент невдалеке раздается выстрел - и мы слышим сдавленный крик. Оглядываюсь и вижу, как Степа поднимает вверх изуродованную кисть левой руки. Подбегает санитарка ефрейтор Верная. Появляется фельдшер первой роты Завиша. Стене делают перевязку. Оказывается, это несчастный случай: Стена хотел разрядить оружие и нечаянно выстрелил.

Этот случайный выстрел не остается без внимания: над лесом снова со свистом проносятся снаряды. В небе лениво качается "рама". Партизаны расходятся. Возвращается погоня - дезертиров не настигли...

Около полудня вместе с советскими партизанами занимаем огневые позиции, которые мы им передали вчера. Самолеты с черными крестами безнаказанно летают над самыми кронами деревьев - высматривают цели для бомбежки. Лежим, ничем не

выдавая себя. Со стороны Гуты Ратненьской зло лают пулеметы. Над пашей обороной громко разрываются несколько снарядов. Мы с Волком прижимаемся к поваленной сосне. Далеко впереди слышен шум танковых двигателей. Советские расчеты противотанковых ружей готовятся к бою. Через несколько минут гул танков доносится значительно ближе и яснее. Над лесом поднимаются тучи пыли. Уже слышен лязг гусениц.

- Внимание, танки! - раздается команда по-русски.

- Волк, смотри, вон появился первый! - Я показываю перед собой, где под напором могучей силы ложатся молодые сосны.

На край поляны выползает стальная коробка и останавливается. По бокам этого танка вылезают еще два чудовища. Ближайший находится от нас не более чем в двухстах метров. Мы ясно видим, как он водит длинной пушкой, потом покрывается дымом, слышим, как воздух сотрясается от грохота - на линии нашей обороны разрывается снаряд. К обстрелу подключаются другие танки. По лесу распространяется запах сгоревшего тротила. Вперед пошла немецкая пехота. Танки все еще стоят на месте и стреляют по нашим оборонительным рубежам. И все-таки вражеские пехотинцы идут неуверенно. А с нашей стороны не раздалось еще ни одного выстрела. Мы ждем, когда немцы подойдут ближе.

Первыми открывают ответный огонь трофейные минометы и две советские гаубицы. Выпущено уже несколько снарядов, но ни один из них не попал в цель. Танки медленно двигаются на нас. Заработали партизанские пулеметы и автоматы. Немцы показывают спины и выпускают красные ракеты. Вдоль линии нашей обороны тихо передается приказ:

- Отходим! Отступаем, ребята!

Ставлю пулемет на предохранитель и под прикрытием Волка, пригнувшись, бегу в тыл. Мы останавливаемся. только в глубине леса, на заросшей молодыми березками просеке. Командиры собирают своих людей и наводят порядок в подразделениях. С громким свистом рассекают воздух артиллерийские снаряды и разрываются в районе, из которого мы отошли минуту назад. Только поручник Заяц еще отстреливается остатками мин. Наконец к нам присоединяются и минометчики. Они расстреляли весь запас мин, а тяжелые и непригодные без боеприпасов минометы разобрали и разбросали по кустам.

В ходе марша формируется колонна по два. Мы отходим в северо-восточном направлении. Дорога заминирована, и мы идем по обочине. Педантичные немцы продолжают обстрел покинутых нами огневых позиций.

Через фронт на Припяти

Опустились сумерки, а мы все еще петляем по лесным просекам. В небе стоит красное зарево - это после боевого дня горят окрестные деревни, а частично и леса. И вот долгожданный отдых. Подпоручник Петрусь Маленький набирает добровольцев в походное охранение. К нескольким желающим присоединяюсь и я вместе с Волком и Искрой.

Своему второму номеру - Волку я обещал, что боеприпасы и пулемет мы понесем по очереди.

- Слушай, а выпустить пару очередей тоже дашь? - совершенно наглеет он.

- Обязательно,- тут же соглашаюсь я, опасаясь, как бы Волк не отказался от принятой на себя обязанности. Что бы я тогда делал?

Походное охранение уверенно ведет капрал Заяц. За ним неотступно следует наша санитарка Верная. На незначительном расстоянии от дозорных идут несколько солдат из взвода Большого, готовые в любую минуту открыть огонь из автоматов. Вот кончается просека, и мы вступаем в трясину. Грунт под ногами ходит ходуном, а под ним, в глубине, что-то зловеще булькает. Темп марша значительно замедляется. Продвигаемся дальше держась за руки. Как охранение мы уже не играем никакой роли, но другого способа преодолеть эту трясину у нас нет.

Артиллерийская канонада давно утихла. Обе стороны ведут подготовку к дальнейшим схваткам. "Мы стремимся во что бы то ни стало выскочить из котла, а немцы обдумывают, как нам помешать" - эта мысль бьется у меня в голове даже в тот момент, когда я по колени в грязи бреду по полесскому болоту. Наконец мы выходим из трясины. Вскоре кончается и лес. Останавливаемся: перед нами лежат поваленные во все стороны деревья. Это верный признак, что мы приближаемся к железнодорожной магистрали Брест - Ковель.

Еще в начале 1943 года, когда в этих местах появились партизаны, немцы прежде всего вырубили лес по обе стороны путей на ширину сто метров. Эти завалы из поваленных деревьев трудно преодолеть, особенно ночью. Какое-то мгновение прислушиваемся: не приближается ли случаем поезд, не выдадут ли немцы своего присутствия на железнодорожных путях? Тишину нарушает только тарахтенье славных "кукурузников", которые, вероятно, доставили боеприпасы и снаряжение советским партизанам.

Как можно тише и осторожнее приближаемся к насыпи. Капрал Заяц посылает в тыл двух связных с известием, что мы находимся у железнодорожной магистрали. Очередной раз

спотыкаюсь, и по лицу больно ударяют ветки, которые отпустил идущий впереди меня товарищ. Последнее усилие - и мы стоим на полотне железной дороги.

- А все-таки мы вышли из окружения! - шепотом радуется Дикая Кошка.

Командир отделения посылает в обе стороны вдоль железной дороги по три человека с пулеметами для прикрытия перехода через нее партизанской колонны. Двух оставляет на путях, остальные идут за насыпь и занимают огневые позиции.

Одна пара рельсов, затем другая... Кто-то, невидимый в темноте, тихим голосом объясняет то ли себе, то ли остальным:

- Для немцев это очень важная железнодорожная магистраль. Они снабжают по ней войска...

С оружием, готовым к стрельбе, мы ложимся среди редких карликовых березок. Лежим так до восхода солнца, лязгая зубами от холода.

Группировка 23-го пехотного полка выходит из окружения. Остальные части и подразделения дивизии выбираются из ловушки в других местах. Мы все еще называемся дивизией, но это уже не та дивизия, которая в марте на Волыни насчитывала почти шесть тысяч человек. Еще существуют те же самые части и подразделения, только они значительно поредели. Отряд "Основа", ибо такое условное название дано группировке, переправляющейся через железную дорогу, имеет солидный боевой опыт. Много товарищей полегло в боях, но те, которые остались в живых, сумеют мужественно сражаться и выполнить любой приказ командования...

Первый день в новых лесах мы проводим около железной дороги. Немецкие самолеты постоянно летают по ту сторону путей, оттуда доносится также артиллерийская канонада. Порядочно проголодавшиеся еще до наступления вечера, мы удаляемся от железнодорожной магистрали, по которой в течение дня проехало несколько поездов. Начинается майский дождь, становится холодно. Мы проходим через какую-то относительно уцелевшую деревню. Колонна в поисках еды разбегается по домам. Забегаю и я в ближайшую хату. За столом ужинает семья. Простокваша, картошка в мундире и буханка черного хлеба...

- Дайте что-нибудь поесть,- не могу удержаться от немедленной просьбы.

Жадно выпиваю из горшка молоко, кладу в карман немного вареных картофелин и забираю хлеб. Даже не говорю "спасибо". Быстро выбегаю из хаты и присоединяюсь к растянувшейся колонне.

На окраине деревни товарищи берут из скирды снопы

соломы. Делаю это и я вместе с Волком и Дикой Кошкой. Несем снопы по очереди и мечтаем, что выспимся на сухой чистой соломе. Светает. "Соломенная" дорога, по которой мы идем, ведет прямо к месту нашего привала. Но она может послужить хорошим ориентиром и для гитлеровцев, поэтому мы вынуждены сменить район запланированной дневной стоянки. На перекрестке просек стоят офицеры и зорко наблюдают, чтобы никто не унес на своей одежде ни соломинки.

Наконец ночной переход заканчивается. Углубляемся в подмокший березняк. Те, кто.не заступает в наряд, валятся на землю и сразу же засыпают. Взвод сержанта Большого охраняет лагерь. Около одиннадцати на него неожиданно натыкаются немцы. Завязывается перестрелка, в результате которой у нас двое раненых. Гитлеровцы отступают. Опасаясь, что нас могут окружить, выступаем раньше запланированного времени. Партизаны, которые несут носилки с ранеными, часто меняют друг друга, так как передвигаться с тяжелой ношей среди кустов и топей, да еще ночью - занятие довольно утомительное. Один из раненых умоляет оставить его, но командир не хочет об этом и слышать.

Через некоторое время дорога становится лучше. Наиболее инициативные партизаны приводят откуда-то две подводы, на которые поручник Гриф (Федоровский), один из наших врачей, укладывает раненых и больных. Теперь мы двигаемся гораздо быстрее. Лес кончается, и мы выходим на полевую дорогу, которую пересекает небольшая речушка. Мост разрушен, поэтому преодолеваем ее вброд. Неожиданно в тылу что-то сверкает, а через мгновение до нас докатывается сильный грохот. На какой-то миг колонна замирает. Снова вспышка огня - и опять неистовый грохот.

- Нащупали нас,- нервно вскрикивает кто-то в темноте.

Но взрывы больше не повторяются. К нам подбегает какой-то партизан и прерывающимся от волнения голосом объясняет:

- Обе подводы с ранеными и больными подорвались на минах. Нечего собирать...

А колонна продолжает свой нелегкий путь. До рассвета мы проходим еще пару километров. Останавливаемся на отдых около затерянного среди болот хутора, насчитывающего всего несколько убогих хат. Оказывается, здесь расположились советские разведчики. Вступаем с ними в разговор. Разведчики охотно объясняют, что несколько дней назад они перешли линию фронта. Нас особенно интересует, когда начнется наступление и в скольких километрах от линии фронта мы находимся. На первый вопрос они не в состоянии дать конкретного ответа, а до линии

фронта, по их данным, около двадцати километров.

Все взволнованы этим известием: один ночной переход - и мы за линией фронта! Разведчики, проникнувшись к нам доверием, рассказывают о польской армии под командованием генерала Берлинга, сформированной в СССР. Эта необыкновенная новость с быстротой молнии разносится среди партизан. Начинается паломничество к советским солдатам. Каждый хочет лично услышать что-нибудь о польских войсках.

Около полудня мы узнаем, что "Основа", то есть наша группировка, первой из частей 27-й пехотной дивизии должна пробиться через немецкий фронт на Припяти и перейти на советскую сторону. Мы очень рады, что именно нам дано это важное задание. Все воспрянули духом, у всех поднимается настроение при мысли, что завтра мы окажемся на советской стороне. Как там нас примут и через сколько дней мы будем в настоящем Войске Польском?

Как обычно, после наступления темноты среди партизан начинается оживление. Первыми выходят группы, назначенные в передовое охранение. В конце колонны сформирован транспорт раненых советских солдат. Вместе с нами они должны перейти линию фронта.

Идем лесными урочищами, соблюдая абсолютную тишину. Остановок во время марша не делаем. Около полуночи вверх взвиваются ракеты. Они ярко освещают нейтральную полосу, и нам кажется, что она совсем близко. У меня даже создается впечатление, что линия, разделяющая противоборствующие стороны, проходит где-то за ближайшими кустами или поворотом лесной тропы. Начинает светать. Ракеты теряют яркость, а до фронта мы все еще не дошли. Вдоль просеки, по которой мы идем, лежат несколько полевых телефонных кабелей. Среди идущих заметно волнение. Наконец показались опушка леса и хорошо видимые немецкие деревоземляные укрепления. За ними - заграждения из колючей проволоки и мелиорационные рвы, полные воды. Дальше, среди лугов, течет скрытая в утреннем тумане Припять; на другом ее берегу - свободная от оккупантов земля.

Наше оружие готово к бою. Не спеша, шаг за шагом мы приближаемся к немецким окопам. Вот и они... Здесь еще хранится тепло, но пусто. Гитлеровцы куда-то исчезли. Вместе с Волком и Искрой мы врываемся в первый попавшийся на нашем пути блиндаж. Около смотровой щели стоит станковый пулемет. Рядом па лавке лежат пять касок, наполненных патронами, и несколько ручных гранат. С бревенчатого потолка на брезентовом ремне свешивается телефонный аппарат. Мы поспешно хватаем

все это и выбрасываем в ближайший ров с водой. В других блиндажах наши товарищи делают то же самое. Выбираемся из окопов. Волк прикладом карабина проделывает проход в проволочных заграждениях. Я неудачно прыгаю через широкий мелиорационный ров и по шею окупаюсь в болотистую жижу. Из затруднительного положения меня вызволяет Завита (Юзеф Червиньский).

На ничейной земле все больше партизан. Но немцы ужо опомнились. Они открывают заградительный огонь из орудий и минометов. Вокруг нас поднимаются фонтаны болотной воды... Через минуту к ним присоединяются пулеметы. Первые очереди проходят высоко над нашими головами. Среди партизан начинается замешательство.

- Влево, там мелко! - зовут одни.

- Вправо, там мост! - кричат другие.

Эти возгласы еще больше усиливают смятение. Мы бросаемся то в одну, то в другую сторону под стремительно усиливающимся огнем гитлеровцев. И что еще хуже, с противоположного, спасительного для нас берега тоже начинают бить пулеметы. Кто-то истерично кричит:

- Ребята, там тоже немцы! Конец нам! Предательство!

Тем временем лучшие пловцы форсировали Припять и теперь кричат в сторону виднеющихся у леса окопов:

- Не стреляй, свои!

После этих криков огонь с другого берега сразу прекращается. Но не так скоро стихают боль и обида за потери, понесенные от своих.

В боевой суматохе я потерял из виду Волка и Искру. Перебежками продвигаюсь в сторону Припяти. Во рву, мимо которого я бегу, по грудь в воде стоят капрал Отважный (Зигмунт Магуза), ефрейтор Метко (Ришард Балшан) и Омела (Мечислав Рох). Они отстреливаются длинными пулеметными очередями.

Подбегаю к берегу реки. Подгоняемый свистом снарядов, в полном обмундировании, с оружием, прыгаю в воду и пытаюсь плыть. Однако снаряжение тянет меня вниз, и я начинаю тонуть. Находящийся недалеко Березка (Бронислав Носаль) помогает мне выбраться на берег.

- Брось все это в воду,- советует он мне,- а то не сможешь переплыть на другую сторону. Главное, чтобы голову целой унести! На той стороне нам дадут новое оружие!

Действительно, па реке в это время разыгрываются ужасные сцены. Широко разлившиеся и лениво текущие воды Припяти притягивают па глубину тех, кто плохо плавает, особенно если они пытаются переплыть реку в полном обмундировании, как я

минуту назад.

На берегу скапливается все больше людей, которые не умеют плавать. Из скрепленных застежками ремпей они пытаются сделать какое-то подобие каната, перетянуть его на другую сторону и тем самым облегчить себе переправу.

Едва удалось скрепить канат, как масса людей бросается в воду. Один из ремней не выдерживает, лопается, и многие начинают тонуть. А немецкие пулеметы все неистовствуют...

Я лежу, втиснувшись между кочек, и вижу, как к берегу подбегает недавно произведенный в подпоручники Молли. Второпях раздевается догола и прыгает в воду. И мне ждать нечего. Сбрасываю шинель, мундир, ботинки. Бросаю в воду пулемет и плыву.

Плыву медленно, размеренно - экономлю силы. Сзади раздаются какие-то радостные, возбужденные крики. Оглядываюсь и вижу, как вдоль берега бежит Молния (Габриэль Вонсович) и громко призывает:

- За мной, там недалеко, вверх по реке, есть мостик!

Однако я не возвращаюсь назад: верю в собственные силы. Ведь меня учил плавать капрал подхорунжий Мар-цель, а друзья недаром прозвали его Торпедой. Несмотря на это, я плыву все медленнее, еле двигая руками и ногами. У меня темнеет в глазах. "Ну, еще немного, уже близко берег",- пытаюсь придать себе бодрости и заставить сделать последнее усилие. Наконец я чувствую под ногами спасительный грунт. Судорожно хватаюсь руками за камыш. Минуту отдыхаю. Все еще запыхавшийся, вылезаю из воды. Ноги постепенно наливаются прежней силой.

Рядом со мной карабкается с простреленной ладонью Стена. На лугу вижу супругов Бараньских, которые устремились в сторону советских окопов. Мы оба следуем их примеру. Над нами с визгом разрезают воздух артиллерийские снаряды. Впереди поднимаются четыре фонтана взрывов. Бараньские падают - оба ранены. Очередной снаряд разрывается недалеко от меня и обрызгивает липкой грязью. Правую ногу пронизывает жгучая боль. Смотрю на нее и вижу, как вниз вместе с грязью стекает кровь. Снова свист снарядов. Я падаю и ищу глазами какое-нибудь углубление, где можно было бы спрятаться. Снаряды ложатся все дальше, почти у советских окопов. В нескольких метрах от меня притаился раненный в лицо Стена, а около него - окровавленный подпоручник с пистолетом в руке и молодой парень с оторванной стопой.

- Спа-а-аси-и-те! -кричит он жутким голосом.

При виде раненых на глазах у меня невольно появляются слезы. Я ничем не могу им помочь, да и мне никто не спешит на

помощь. Пытаюсь двигать пальцами раненой ноги - боли не чувствую, встаю.

- Лежи, здесь полно мин! - предостерегает раненый подпоручник.

Осматриваюсь - действительно, в двух шагах от себя вижу притаившуюся в траве мину ПОМЗ-2. Далее, зловеще выставив усы, торчат другие. На верхней части каждой из них укреплена звездообразная проволочка. Даже не умея обращаться с минами, я догадываюсь: достаточно дотронуться до нее - и сработает взрыватель, мина взорвется. Поднимаю ногу и осторожно перешагиваю через блестящий проводок. Пронесло! Вот еще одна проволочка, и я снова перешагиваю через нее. Не далее чем в сорока - пятидесяти метрах от меня окопы. Советский солдат, стоя на бруствере, отчаянно жестикулирует и громко кричит мне:

- Стой, стой! Куда лезешь? Здесь минное поле! Взорвешься!

- Пройду,- отвечаю я и упрямо шагаю дальше, соблюдая еще большую осторожность. Пока все идет хорошо.

И вот я уже в траншее рядом с двумя советскими солдатами - расчетом пулемета. Старший смотрит на мою раненую ногу:

- Пойдем, надо как можно скорее сделать перевязку.

Мы входим в неглубокий блиндаж. Сержант сажает меня на чурбан и водой из котелка обмывает кровоточащую рану. Его индивидуального пакета не хватает.

- Вася,- зовет он,- дай свой пакет!

В землянку входит солдат, который недавно кричал мне с бруствера, развязывает висящий на деревянном крючке вещмешок и подает бинт. Сержант, как профессиональный санитар, обматывает мне ногу. С интересом разглядываю солдатское хозяйство. В одном углу лежит куча соломы, покрытая плащ-палаткой, на крючке висит еще один вещмешок с притороченным к нему прокопченным котелком. На полке, наскоро сделанной из старой доски, лежат два куска черного хлеба. На остальное я уже не смотрю. Во рту появляется слюна. Не могу пересилить себя и прошу:

- Дайте хлеба...

Почти одновременно солдаты тянутся за хлебом и подают мне. Какой прекрасный хлеб! Он был вкусен, как какой-нибудь деликатес, и моментально исчез в моем пустом желудке. Я с надеждой оглядываю землянку.

- Больше у нас ничего нет,- по-деловому объясняет Вася.- Теперь закури,продолжает он, вытягивая кисет с махоркой и кусок газеты.

- Не курю.

- Тогда мы закурим,- говорит он и ловко сворачивает толстые

цигарки.

- Ты, сынок, поляк?

- Польский партизан,- отвечаю я.

- Да...- говорит сержант в раздумье.- Нехорошо получилось, ошиблись мы. Что ж, бывает и так. Ведь мы думали, что это немцы идут в атаку... Ну, а теперь, если можешь ходить, иди на санитарный пункт. Там тебя осмотрят, дадут поесть...

Я осторожно встаю. Прощаюсь с гостеприимными солдатами и медленно, хромая бреду по ходу сообщения в тыл. У лесной дороги траншея заканчивается. Я вылезаю из нее и через несколько десятков метров наталкиваюсь на группу наших партизан, беседующих о чем-то с советскими солдатами. Подпоручник Молли стоит еще голый и лязгает зубами. К нему подходит советский солдат и протягивает шинель. Молли благодарит. Какой-то лейтенант велит нам идти к полевой кухне, которая стоит за ближайшим поворотом. Мы направляемся туда все вместе. Из-за деревьев тянет запахом жареного лука. Здоровые спешат, обгоняя раненых. А вот и кухня. Около нее классически толстый повар жарит свиное сало с луком. Завидев нас, объясняет:

- Еще минуточку подождите. Хм-м, у вас нет котелков... О, возьмите консервные банки. Ложек, к сожалению, у меня нет.

Из землянки выходит усатый старшина и, глядя на нас, командует:

- Построиться в очередь. Раненые будут накормлены первыми.

- Видишь,- говорит раненный в ногу и в руку Гром,- где армия, там и порядок.

Мы получаем по литровой банке густой пшенной каши, хорошо заправленной тушенкой и свиным салом с луком. Обжигая губы, с жадностью опорожняем банки.

Вокруг нас собирается большая группа советских солдат. Вскоре приходят несколько офицеров и формируют маршевую колонну, Я пытаюсь встать, но только теперь чувствую, как сильно болит у меня нога. Ко мне подходит советский офицер.

- Отдыхай, сейчас прибудут подводы,- разрешает он.

Часть партизан уходит. Около кухни остаются только более десятка раненых. Повар угощает всех настоящим грузинским чаем. Подъезжают санитарные подводы, и санитары помогают раненым погрузиться.

В госпитале

По дороге мы обгоняем наших легко раненных партизан, отдыхающих на обочине. Над ними поднимаются густые клубы дыма от самокруток, которые они с жадностью курят. Обрадованные, расспрашиваем друг друга о друзьях и знакомых.

Наконец наши подводы подъезжают к одиноко стоящей лесной сторожке, над которой развевается флаг со знаком Красного Креста. Вокруг большое число санитарных автомашин, возле которых заметно оживление. Раненых кладут на носилки. Медсестры разносят чай и пшеничный хлеб, меняют или поправляют повязки. Нам делают уколы, и мы снова отправляемся в дорогу, на этот раз на санитарных автомашинах.

В каждой машине есть санитар или санитарка. Наш сопровождающий утешает, что скоро мы выберемся с типично полесской, грязной и ухабистой дороги на лучшую и поедем быстрее. Одни раненые спят, другие - сидят в молчании, третьи - стонут и просят пить. И все-таки это первый спокойный вечер в далеком тылу. Наконец колонна автомашин останавливается. Санитары устанавливают носилки с ранеными под раскидистыми липами около дома священника, в котором размещается операционный зал. Мы узнаем, что все дома деревни использованы для нужд полевого госпиталя.

К работе приступает младший персонал вспомогательной медицинской службы. Нас направляют в баню. При свете коптящих керосиновых ламп несколько солдат заполняют истории болезни. Тут же, за ширмой, с нас снимают завшивевшую одежду и забирают для дезинсекции. Затем следует не совсем приятная процедура полного бритья. И вот мне покрывают клеенкой раненую ногу и на носилках несут под душ. Впервые за несколько месяцев я моюсь горячей водой с мылом и испытываю при этом ни с чем не сравнимое удовольствие.

Потом на меня надевают белье с иголочки, укладывают на носилки, покрывают одеялом, суют под мышку историю болезни и несут в дом священника. Перед дверями операционного зала застыла в напряженном ожидании очередь. К моим носилкам подходят две белые фигуры. По голосам определяю, что это женщины. Операция проходит быстро и почти безболезненно. Через стекла очков в металлической оправе на меня внимательно смотрят ласковые глаза врача. На лбу у нее выступает пот.

- Осколков вынимать не будем,- произносит она.

Быстро делают перевязку, затем один дренаж, другой. Теперь смазывают рану какой-то жидкостью, ставят термометр, делают укол - и все мои страхи позади.

- Следующий,- слышу я.

Меня выносят. За дверями операционного зала все еще стоит

длинная очередь. На дворе темно. Пахнет скошенной травой. Вот и хата, в которую меня вносит на плечах санитар. Дежурная сестра показывает на большую печь:

- Положите его там...

На этой необычной госпитальной кровати лежат уже два товарища по несчастью. Не успел я устроиться, как сестра подает на жестяной, сделанной из консервной банки тарелке гуляш с гречневой кашей и душистый чай. Через пятнадцать минут к нам на печь прибывает еще один коллега.

Наконец убавляют свет - пора спать. Но сон не приходит. В избе чувствуется запах йода и керосина. Стонут раненые. Вдобавок дают о себе знать клопы. Вспоминаю события последних суток. Который раз подряд считаю до тысячи, но сна как не было, так и нет.

За окнами светает. Снова начинаю считать. Непродолжительный сон - и кто-то меня будит. Открываю глаза, медсестра подает мне термометр. Оглядываюсь вокруг. На полу установлены ряды носилок с ранеными. У окна Лежит бледный мужчина. Там, где у него должны быть ноги, одеяло плотно прилегает к носилкам.

После завтрака к нам приходит врач. Те, кто в состоянии передвигаться, выходят на солнце. Остальные лежат, прикованные к носилкам и печи. Завязываются первые нити знакомств. Я смотрю на человека у окна. Наконец спрашиваю:

- Крепко досталось?

Он не отвечает. Входят двое раненых с повязками на руках и прямо от двери обращаются к нему:

- Как живешь, Костя?

Значит, это советский солдат или партизан.

- Жить будегаь,- бодро утешают они его.

Оп слушает, глядя в потолок, но ничего не отвечает. Один из товарищей Кости вынимает из кармана больничного халата две ложки и начинает ловко выбивать ими такт.

- "Дайте в руки мне гармонь..." - напевает он.

Лежащий около меня на печи вахмистр Гриф (Апджей Понцилюш) говорит с удивлением в голосе:

- Необыкновенные это люди, русские. Умирают с песней на устах...

Сестра приносит второй завтрак. Только теперь я узнаю, какая трагедия произошла с сыном вахмистра Понцилюша Брониславом, известным нам под кличкой Марс. На первый взгляд неопасная рана, полученная в щеку от шального осколка, привела к парализации половины тела и потере речи. Глядя на поседевшую голову мальчика, вахмистр, повидавший немало горя

и крови за свою солдатскую службу, не может удержаться от слез.

Советские врачи и медсестры не оставляют нас заботой и вниманием, и наше здоровье улучшается день ото дня. Сержанта Явора (Ян Яворский), супругов Бараньских, а также многих других тяжелораненых эвакуируют в Ростов-на-Дону, в госпиталь No 5343.

1 июня, после обеда, нас посетил заместитель начальника госпиталя. Он объявил, что через несколько дней мы поедем в польский госпиталь, а перед этим у нас побывает офицер Войска Польского. Радость, охватившую нас, трудно описать.

Действительно, через два дня к нам пришел молодой подпоручник. У всей партизанской братии чуть глаза не вылезли на лоб при виде настоящего польского мундира. Офицер рассказал о 1-й польской армии, о битве под неизвестным нам поселком Ленине, ответил на вопросы и сообщил, что армия стоит недалеко от Луцка и готова принять участие в боях за освобождение родины.

- До скорой встречи в Войске Польском,- прощается с нами офицер.

Ах как долго тянутся эти два дня, которые отделяют пас от встречи с соотечественниками! Здесь, в советском госпитале, нам очень хорошо, но ведь каждого тянет домой, к своим.

5 июня с самого рассвета в госпитале царит оживление: мы, польские партизаны, отъезжаем в польский госпиталь. Завтрак, сухой паек на дорогу, сердечное прощание и - в автомашины. Сестра Дуня из нашей палаты, добродушная, уже далеко не молодая, тихо плачет. Каждый из нас благодарит ее за заботу и сердечность. Дуня вытирает фартуком глаза и говорит:

- Бейте, орлы, фашистов, но в госпиталь не попадайте.

Мы уверяем, что ее желание непременно выполним. Автомашины трогаются. Персонал госпиталя машет нам на прощание платками. Наша Дуня снова начинает плакать и сквозь слезы громко кричит:

- Не забывайте! Пишите!

Погода стоит прекрасная. На небе ни облачка. По обочинам приветливо зеленеют березки, которых здесь много, радостно щебечут птицы. Грузовики и санитарные машины с каждой минутой увозят нас все дальше от советского госпиталя... Около полудня обширные леса наконец кончаются. Колонна автомашин проезжает Камень Коширский, который очень сильно пострадал во время военных действий. За городом мы видим длинный ряд стоящих на обочине автомашин с бело-красными флажками.

- Ребята, наши! - кричит Бронек Носаль.

- Наши?! - как эхо отзываются остальные.

- Где, где? - спрашивает кто-то.

- Вон там, видите? - показывает рукой Бронек.- Польские автомашины!

- Ура-а-а! - орем мы во все горло. Останавливаемся. К нам наперегонки бегут польские солдаты. Они кричат:

- Да здравствуют партизаны!

- Да здравствует Войско Польское! - пытаемся мы ответить на сердечное приветствие, но у нас это получается несколько хуже.

- Есть тут кто-нибудь из Львова, Люблина? - раздаются со всех сторон вопросы.

К сожалению, на этот раз никому не удается найти земляков. Мы с интересом разглядываем солдат и спрашиваем, как два дня назад польского офицера: какая она, наша армия? есть ли в ней танки и самолеты? когда начнутся боевые действия за освобождение родины?

Дружеские приветствия и разговоры прерывают появившиеся офицеры. Они предупреждают, что нас ждет дальняя дорога, и отдают распоряжения перегрузить раненых на польский автомобильный транспорт.

К работе приступают польские санитарки, которым помогают водители автомашин обеих колонн.

- Хороши грузовики! - восхищенно восклицает Гром (Збигнев Пабян).

- Те, у которых три ведущие оси, вероятно, американские,- размышляет вслух Щегол (Тадеуш Хмелевич).

Я очень хочу, чтобы меня обязательно погрузили на американскую машину, однако оказываюсь в кузове далеко не нового "зиса". Мы прощаемся с советскими водителями и отправляемся в путь. "Зис" прекрасно продвигается по песчаной дороге и даже обгоняет несколько "студебеккеров". Вместе с нами едет санитарка. Она много рассказывает о нашей армии, объясняет, что при обращении к вышестоящему командиру и старшему по званию необходимо добавлять слово "гражданин", что при отдаче рапорта уже не употребляется "имею честь доложить" и что в ротах и выше имеются офицеры по политико-воспитательной работе, к которым можно обращаться за помощью в любом затруднительном случае...

- Ты, сестричка, будь добра, расскажи нам что-нибудь о вооружении, какое у вас есть,- просит Гриб (Мечислав Серацен).

- О, оружия много, и разного. Когда подлечитесь, то постарайтесь попасть в артиллерию.

- А почему? - не понимаю я.

- Во-первых, будешь ездить на автомашине. Во-вторых, сам знаешь, что артиллерия - это бог войны.

- Сестра правильно говорит,-поддерживает ее Гриб.- Только нас всех, вероятно, в артиллерию не возьмут.

- Во всяком случае, постарайтесь. Некоторым это, может, и удастся. Мы все болтаем, а у меня для вас есть термос с горячим чаем. Кто хочет нить?

- Все, сестричка! - Вахмистр Понцилюш разворачивает пакет с едой, который мы получили на дорогу от советских товарищей. В упаковке - шесть черных сухарей, кусок крепко просоленного сала, два кубика какого-то концентрата, щепотка чаю и четыре куска сахару. Мы несколько разочарованы.

- Эх, недовольны сухарями и салом... Стыдно. Мы, до того как пошли в армию, получали гораздо меньше. В Советском Союзе все идет на нужды фронта, а вы здесь... Вижу, что избаловали вас в госпитале...

- Нам в обед давали компот из изюма, а в дорогу - эти сухари! - пытается оправдаться сержант Кабан (Станислав Яворский).

- Вы должны еще многое понять, ребята,- заканчивает разговор медсестра и наливает всем чай.

В сумерках автомашины проезжают село Пшебраже. На дорожных указателях название населенного пункта написано дважды - по-польски и по-русски.

- Скоро будем на месте,- сообщает сестра.

Въезжаем в лес. Часовой поднимает шлагбаум. За ним, в глубине, стоят палатки, на высокой мачте развевается польский флаг. К нам бегут солдаты. Наша автомашина пришла второй, поэтому, вероятно, они и проявляют такой интерес к нам. Мы расстаемся с водителем "зиса". Раненых на носилках несут в распределительный пункт. Здесь просматривают истории болезни и сортируют раненых по палаткам. Я попадаю в ту, где лежат уже несколько наших партизан с первой автомашины и солдаты из артиллерийской бригады. Меня размещают во втором ярусе. Не успел я прийти в себя с дороги, а уже подают ужин. Медсестра в белоснежном фартуке, с накрашенными губами, запрещает всякие разговоры.

- На болтовню у вас будет достаточно времени. А сейчас раненые и больные должны спать.

Она гасит керосиновую лампу и выходит из палатки. Гром выжидает немного и вздыхает:

- Как видно, здесь другие сестры и другой порядок. Это не наша Дуня. Только охнешь- и она уже около тебя, уже спрашивает, что с тобой. Здесь, как мне кажется, надо будет хорошо постонать, чтобы чего-нибудь допроситься.

Сквозь брезентовые стенки палатки слышен шум автомашин и разговоры. Это прибывают остальные раненые.

Первый день в польском госпитале начинается с радостного известия союзники высадились во Франции! После завтрака и врачебного обхода заместитель начальника госпиталя по политико-воспитательной работе проводит в палатках короткие беседы на эту тему. После обеда в госпиталь приезжают корреспонденты газеты "Звыченжимы"{5} и берут интервью у раненых партизан.

Неожиданно у меня начинается озноб и поднимается температура. На следующий день после визита врача меня переводят в изолятор. Здесь уже лежит Орех (Ян Квятек). Он родом из здешних мест, и его навещают мать и сестра. Они приносят еду и рассказывают о том, что произошло в этих краях в период его отсутствия.

Температура все не спадает. Я прохожу ряд обследований, включая рентген. Мне назначают кучу лекарств, а среди них - хинин, потом делают переливание крови. Адрес донора, жительницы Казахстана, написан на бутылке с живительной жидкостью. Врач, переливающий кровь, рекомендует мне послать в Казахстан благодарственное письмо. Наконец температура спадает, и я возвращаюсь в общую палатку. Рассказываю солдату автобригады о письме и спрашиваю, нет ли у него конверта и бумаги.

- У нас высылают треугольники без конвертов.

- Что за треугольники? - удивляюсь я.

- С конвертами туго. Их нигде нет, а письма писать надо. Вот и придумали треугольник: берешь листок из тетради, письмо пишешь на одной стороне, затем складываешь в треугольник, на другой стороне указываешь адрес - и можно посылать. Вот и все...

Бумагу мне принес политрук. Письмо я написал сам. Артиллерист вывел карандашом адрес, сложил письмо в треугольник, остальное - дело полевой почты.

Разнообразие в нашу госпитальную жизнь вносит показ фильмов, а однажды к нам прибывает даже армейский театральный коллектив. Мы горячо аплодируем артистам в солдатских мундирах, которые показали нам веселую программу.

С каждым днем мы чувствуем себя все лучше. Я уже пробую ходить без костылей, но пока мне это плохо удается. Однажды нас навещают бывший командир нашего партизанского батальона поручник Заяц (Зигмунт Гурка-Грабовский), а также хорошие знакомые из первой роты- командир отделения сержант Заяц (Вацлав Ласковский), капрал Дикая Кошка (Эдвард Релига), Волк (Вацлав Коханьский) и другие. Оба Вацлава направлены в артиллерию, которую нам так расхваливала санитарка. Юзеф и Эдек зачислены в 1-ю пехотную дивизию, остальные - в другие

армейские части.

После этого визита время для нас тянется еще медленнее. Наконец выписывают первую группу партизан. Я, как и многие другие, остаюсь еще на несколько дней в госпитале, а затем с очередной группой выписавшихся попадаю в опустевший лагерь около местечка Киверцы, где принимали присягу партизаны нашей группировки.

Из-за гор и рек...

Шумит неумолчно сосновый бор, что протянулся вдоль железной дороги. Землянки опустели. Здесь осталась только небольшая интендантская группа, которая ликвидирует оставшееся от партизанского лагеря капитана Гарды хозяйство. Из госпиталя нас привозят сюда на грузовике. Нашей группой из семнадцати человек командует Кабан (Станислав Яворский), бывший партизан из конной разведки партизанской дивизии, совсем недавно получивший звание старшего сержанта. Пока представители интендантской службы подбирают для нас на армейских складах обмундирование, мы осматриваем место, где недавно проходила церемония принятия присяги. На многих специально очищенных от коры соснах химическим карандашом написаны многочисленные фамилии и клички. Это наши товарищи организовали таким образом бюро розысков.

В палатке коменданта лагеря работает "военкомат". Здесь решают, кого в какую часть направить. Рядом, на автомашине, расположился экипировочный пункт. Получаем новенькое обмундирование. Мне никак не удается подобрать подходящую обувь. Наконец выбираю сапоги на два номера больше. Быстро одеваюсь в настоящий польский мундир. Немного некрасиво выглядит узкий брезентовый ремень, который остряки моментально прозвали "фитилем", зато конфедератка с пястовским орлом сидит на мне великолепно. Запихиваю углы фуражки внутрь и направляюсь в канцелярию.

- Персональные данные, год рождения?

- Тысяча девятьсот двадцать восьмой.

- Что?! А разрешение родителей на вступление в армию у тебя есть?

- У меня здесь, пан капитан, нет родителей. Мать осталась за линией фронта, а отец умер в фашистской тюрьме.

- Не хватало еще с молокососами возиться... Что так скривился? Не разревись мне только. Пойдешь в 3-ю пехотную дивизию. Это все. Понял?

- Так точно, пан... гражданин капитан!

- Следующий!

Согласно полученному предписанию мы отправляемся к

месту назначения. Нас ведет старший сержант Яворский, не старший вахмистр, а именно старший сержант, так как мы будем служить не в кавалерии, а в пехоте. До штаба 3-й пехотной дивизии имени Ромуальда Траугутта нас подбрасывает водитель попутной автомашины. Его интерес к нам неизмеримо возрастает, когда он узнает, что мы бывшие партизаны, о которых несколько раз писала армейская газета "Звыченжимы".

- Правда, нам не совсем по дороге, но партизан надо доставить по адресу,говорит водитель.

После обеда мы докладываем о своем прибытии в штабе дивизии. Дежурный офицер показывает нам ближайшую пустую землянку и сообщает:

- Это дивизионная гауптвахта. В данный момент она пустует, поэтому там и переночуете, а утром получите направления в полки.

Около места нашего ночлега собирается группка солдат. Они ведут нас на кухню ужинать. После вкусной еды мы долго рассказываем солдатам о жизни в оккупированной стране и о проведенных боях. Так и начинается наша служба с ночевки на гауптвахте.

Утром приходит тот же дежурный офицер и приказывает нам сразу после завтрака явиться в штаб дивизии. Повар улыбается и говорит стоящим в очереди солдатам:

- Надо быть гостеприимными, накормить наших "арестантов" вне очереди.

Мы дружно подставляем котелки, и он наливает нам двойную порцию густого супа с макаронами. Ложек у нас еще нет, поэтому мы выпиваем суп прямо из котелка, помогая себе коркой от хлеба.

Офицер, занимающийся вопросами кадров, быстро оформляет наши личные дела. Я пытаюсь заикнуться об артиллерии, но в ответ он лишь усмехается:

- В пехотных полках тоже есть пушки. Если очень повезет, то получите назначение и какую-нибудь батарею.

Нас направляют в 9-й пехотный полк. Небольшая прогулка по лесу - и вот мы уже на месте. Старший сержант Яворский идет доложить о прибытии группы, а остальные ждут около палаток и землянок штаба полка. Через несколько минут возвращается наш командир с группой офицеров. Мы выстраиваемся в шеренгу. Так как я самый маленький, то занимаю последнее место на левом фланге. Прибывшие офицеры внимательно смотрят на нас.

- Сколько вам лет? - обращается ко мне капитан.

- Шестнадцать, гражданин капитан,- отвечаю я.

- Не хотите стать моим ординарцем?

- Я хотел бы в артиллерию...

- Жаль, у меня вам было бы хорошо,- улыбается он.

Стоящий рядом в шеренге Лентяй (Юзеф Ставицкий), пожилой мужчина, одобрительно цедит сквозь зубы:

- Правильно, что отказался. На такие должности идут только те, кто уклоняется от фронтовой службы.

В конце концов меня направляют в пятую пехотную роту второго батальона. Батальоном командует майор Антон Дроздов, а ротой - бывший партизанский командир подпоручник Алерс. Для начала мне поручают навести порядок на аллейках, поэтому в роте я появляюсь только вечером, после ужина. Сразу же объявляют отбой. На ночлег я устраиваюсь в шалаше второго отделения станковых пулеметов.

Тишину пробуждающегося утра нарушают лишь размеренные шаги часовых да птичьи трели. Вдоль ровных аллеек, тщательно выметенных и посыпанных желтым песком, стоит длинный ряд маленьких домиков, сделанных из жердей и покрытых плащ-палатками. Из-за тонких стенок слышно глубокое дыхание уставших от изнурительных учений солдат. С ближайшей полянки тянет запахом готовящейся пищи. Когда бряцание котлов становится нестерпимым, а старший повар капрал Герман зычно покрикивает на подчиненных, чтобы быстрее поворачивались, иначе не успеют вовремя приготовить завтрак, дневальные второго батальона будят дежурных сержантов рот. Правда, согласно распорядку их необходимо будить за пятнадцать минут до подъема, но этого трудно требовать от солдат, у которых нет часов. Непосредственно перед подъемом из палатки выходит дежурный офицер вместе с трубачом. Сигнальщик взбирается на специальную вышку и ждет указаний офицера.

- Играть! - приказывает тот.

С этого момента и до отбоя сигналами трубы регулируется распорядок дня. Переливчато звучит труба - и объявляется перерыв в занятиях. Особенно приятно ласкает она ухо перед обедом: "Бери ложку, бери бак, хлеба нету - лопай так..."

Сразу же после сигнала мертвый до этого лес оживает.

- Подъем! Подъем! Вставать! - слышится вокруг. Не успел еще надеть гимнастерку, а дежурные уже объявляют построение на утреннюю зарядку.

- До каких пор будете в рубашке? Что, еще и портянки не намотали?! Может, маму позвать вам на помощь? - так "подбадривает" нас старшина роты старший сержант Бронислав Мазурек.

Почти годичное пребывание в партизанском отряде не прошло для меня даром. "Не все так трудно и страшно, как хотели бы это представить некоторые наши младшие командиры,-

утешаю я себя.- Хуже всего, кажется, портянки, но в партизанском отряде бывало и похуже. А может, вначале и нужно так кричать, как старшина Мазурек?"

На первой утренней зарядке чувствую себя немного неуверенно, и это прежде всего потому, что я самый молодой солдат в роте не только по стажу, но и по возрасту. В партизанском отряде были в основном люди молодые, здесь же, наоборот, преобладают пожилые. Умываться бежим к ближайшему рву. Как тени нас сопровождают дежурный сержант и старшина роты.

- Быстрее! Быстрее двигайтесь! - покрикивают они по очереди.

Несмотря на это понукание, голова колонны останавливается, и мы поправляем портянки. Я прихожу к выводу, что перед утренней зарядкой их вообще не стоит наматывать, так как они сползают во время бега.

После умывания наводим порядок в помещениях. Это совсем не трудно, потому что там ничего нет, за исключением временных нар и чурбанов для сидения.

Солдатский день состоит из целого ряда построений. После зарядки мы идем на молитву. В течение десяти минут слышно только пение псалмов. В то время как одни подразделения начинают молитву, другие уже ее заканчивают. Наша рота располагается недалеко от батальонной кухни. И как только мы краем глаза замечаем, что кто-то марширует на завтрак, то спешим как можно быстрее закруглиться. С особым нетерпением ждет окончания молитвы рядовой Копер, портной. Не раз его ругали за проявление нетерпения, но Копер не обращает на это никакого внимания. У него свои заботы. Он беспокоится о судьбе семьи, которую оставил во Львове, о том, успеет ли перешить и подогнать все шинели и мундиры - ведь рот и батарей в полку много, а швейная машина в части только одна.

Построение на завтрак. Мы стоим в две шеренги. Идет утренняя поверка. Дежурный докладывает старшине о численности личного состава, а тот проверяет котелки и ложки. Проходит перед строем и посылает нескольких солдат мыть посуду.

- А где ваша ложка? - обращается он ко мне.

- Еще не получил, гражданин старший сержант.

- Писарь, принесите сюда ложку!

Через минуту писарь вручает мне деревянную, красиво расписанную ложку. Оказывается, она имеет большие преимущества: даже самую горячую пищу ею можно есть без опасения, что обожжешься.

После завтрака, во время построения на занятия, старшина представляет меня как вновь прибывшего командиру роты. В командире я узнаю подпоручника Алерса. Он здоровается со мной как со старым знакомым и расспрашивает об остальных раненых. Рота марширует на занятия, а мы с Алерсом садимся на лавке около его землянки и беседуем. Его интересуют подробности пребывания в госпитале, а меня - жизнь в роте. Наша память невольно возвращается к партизанским временам...

- Эти вояки,- говорит он,- в основном и пороха не нюхали. Причем большинство из них старички, у которых за плечами только горечь скитальческой жизни. Родом они из Западной Украины и Белоруссии, много силезцев и жителей Поморья, которые убежали от службы в вермахте. Теперь ты понимаешь, почему их нельзя погонять по-настоящему. Сразу запыхаются, закашляют и один за другим потянутся к Женьке. Такое войско не по мне...

- Что значит "потянуться к Женьке"?

- Да, ты ведь не знаешь. Это батальонный фельдшер... Он дает освобождение от занятий, и "отцы" вместо обучения убирают территорию. Иногда ходят собирать картошку. Ведь должны же они что-то делать...

- А молодых солдат разве нет?

- Двадцати - тридцатилетних очень мало. В других ротах вообще-то есть, но это в других...

Нашу беседу прерывает дежурный сержант. Он подходит строевым шагом и докладывает:

- Гражданин подпоручник, командир батальона майор Дроздов просит вас к себе.

- Хорошо, иду! - Алерс смотрит на меня и как бы в оправдание добавляет: Вероятно, Антон собирает командиров в связи с завтрашней стрельбой. Как вернусь, еще поговорим...

Провожаю его взглядом до тех пор, пока он не исчезает среди деревьев.

- Знакомы? - слышу сбоку.

На расстоянии нескольких шагов от лавки, на которой я сижу, стоит старшина роты. Вскакиваю и вытягиваюсь по стойке "смирно".

- Так точно, гражданин старший сержант, еще по партизанскому отряду,отвечаю я.

- Присядем. Мировой он парень. Любит армию. Не терпит растяп. Копер по гроб жизни его не забудет.

- Я, вероятно, тоже. Ой и задавал он нам работы! Во время обучения, прежде чем приказать, сам показывал, как надо делать, но зато потом требовал точного исполнения.

- Ребята боятся его, но и любят, Если только что-нибудь не досмотрю... Именно такого командира солдаты уважают, в огонь и в воду за ним пойдут. Ну, идем. Ты ведь должен получить оружие. А стрелять-то умеешь?

- Будьте спокойны, гражданин старший сержант. Неудобно хвастаться, но стреляю я метко. Именно подпоручник научил меня этому.

Входим в землянку, где находится ротный оружейный склад. Как только зрение привыкает к темноте, я различаю оружие, ровными рядами разложенное на плащ-палатках. Одна около другой лежат длинные винтовки с привязанными к шомполам тонкими штыками. Около стены стоят два ручных пулемета. Рядом лежат несколько десятизарядных СВТ. За ними ППШ - предмет особой зависти партизан- и еще какое-то оружие, бережно прикрытое несколькими номерами "Звыченжимы". Поднимаю одну из газет и замираю от восхищения, увидев снайперскую винтовку. "Такая бы мне подошла",- думаю про себя. Однако старшина не обращает внимания на мой восторг и приказывает расписаться за обыкновенную винтовку, противогаз и приборы для чистки оружия.

- Может быть, ту, с оптическим прицелом, гражданин старший сержант? несмело прошу я.

- Многого хочешь,- отвечает старшина.- Такие винтовки получают только лучшие стрелки, и то лично от командира роты. Не привередничай. Бери, что дают, и беги чистить.

- Так точно,- отвечаю я. Поворачиваюсь кругом и выхожу, задевая концом длинного ствола за низкий потолок землянки.

- Осторожно, а то мушку собьешь,- слышу я вдогонку.

Сажусь на мох и медленно начинаю чистить полученную винтовку, однако думаю при этом о той, с оптическим прицелом. Откуда-то из-за поворота до меня доносится пение:

Из-за гор и рек мы вышли на берег...

Прерываю работу и вслушиваюсь в мелодию незнакомой мне маршевой песни. Пение доносится все ближе, все отчетливее. Хорошо различаю слова, полные тоски по родной стране.

Да, там, за линией фронта, нас ждут. По ночам всматриваются в даль в поисках вспышек артиллерийских выстрелов - предвестников приближающейся свободы. "Когда мы придем туда?" - задумываюсь я под впечатлением солдатской песни.

Из клубов поднимающейся пыли появляется рота. Солдаты идут стройными рядами, с оружием за спиной. Пот стекает с их лиц, но, несмотря на это, поют они лихо. Это ничего, что под глазами у них морщины и большинству более сорока лет. В их

поступи чувствуется сила и вера в победу. Песня обрывается, раздается сигнал трубача, призывающий на обед.

Обед вкусный, и никому не мешает, что в одном котелке перемешаны оба блюда. Наиболее привередливые подбираются парами. Один получает две порции супа, другой - две порции второго.

После обеда наступает тихий час, а затем мы чистим оружие. Несколько солдат под руководством старшины готовят мишени для предстоящих стрелковых занятий. После третьего или четвертого дня пребывания в роте делаю важный для себя вывод: не стоит отдавать оружия на проверку раньше назначенного срока, так как командиры выполненную работу оценят на двойку и винтовку придется чистить заново. Когда закончится время, отведенное согласно распорядку дня для чистки оружия, капрал наверняка скажет:

- Ну, рядовой, очень хорошо...

Вечером возвращается портной Копер. Он приносит половину вещмешка "лепешек" - так солдаты называют большие деревенские вареники с пшенной кашей или фасолью. Оказывается, что в поисках швейной машины портной забрел в деревню.

- Швейную машину нашел, только в первую очередь должен обшить ее хозяина, а потом начну шить для офицеров! - возбужденно сообщает он.- Сегодня за то, что скроил пиджак, получил полмешка "лепешек".

Он угощает ими всех по очереди.

Из гражданской одежды у меня каким-то чудом сохранилась поплиновая рубашка, которая прошла со мной через два госпиталя. Когда я узнаю, что Копер собирается и завтра в деревню, то не колеблясь предлагаю:

- Выменяй на "лепешки".

- Хорошо. Красивая рубаншка, жаль ее, но как хочешь. "Шмуль бецуль" - и продана. Скажи мне,- меняет он неожиданно тему,- как гитлеровцы поступают с евреями?

Я рассказываю ему о еврейском гетто во Влодзимеже. Копер, а рядом с ним и другие солдаты слушают сосредоточенно. Об установленном оккупантами "новом порядке" они знают только из политико-воспитательных занятий. Я смотрю на портного и вижу, как стекленеют у него глаза. Слова застревают у меня в горле...

Снова объявляют построение. Мне кажется, что "Рота" звучит сегодня особенно возвышенно.

Укладываемся спать. Над лесом разносится сигнал трубы - тяжкий солдатский день подошел к концу. Засыпаю под тихие, размеренные шаги часового, которые слышны за тонкой стенкой.

А перед глазами у меня стоит новенькая снайперская винтовка...

Пригорелая каша

Просыпаюсь я задолго до подъема. Кончился сон о великолепной винтовке. В правой голени чувствую ноющую боль - это дает о себе знать рана. Начинает светать. До подъема, вероятно, еще часа два. Поворачиваюсь на другой бок, чтобы немного поспать, однако сон так и не приходит. Мысленно я переношусь за линию фронта, в родной дом. Что там делает мать, сестра, которая, вероятно, уже сильно подросла? А может, немцы их куда-нибудь вывезли?..

- Подъем! Подъем! Вставать!

Вскакиваю как ошпаренный. Сегодня я должен во что бы то ни стало одеться первым. Сую портянки в карман и встаю в строй. Я удивлен, увидев командира роты. Может быть, его интересует, как проходит подъем в подразделении и хорошо ли "отцы" занимаются физзарядкой?

Дежурный сержант бегает вдоль домиков, заглядывает внутрь, громко ругается на писаря, который еще не встал.

- Ничего, оставьте его,- спокойным голосом приказывает подпоручник Алерс.Я сам им займусь...

- За мной бегом - марш! - выкрикивает дежурный и занимает место впереди колонны.

Боль в ноге становится все сильнее. Оглядываюсь налево и направо. Рядом резво бегут "отцы". "Неудобно отставать",- проносится в голове, и я ускоряю темп.

Физзарядка заканчивается. Еще небольшая пробежка ко рву. Наматываю портянки, умываюсь и только теперь вспоминаю о полотенце, которое забыл в спешке. Ничего не поделаешь, вытираюсь носовым платком. Снова пробежка - и опять я чувствую боль в правой ноге.

- Сегодняшний дежурный слишком уж усердствует,- громко отмечает рядовой Куява.

- Это потому, что появился командир роты...- откликается кто-то.

Бегущие поднимают столбы пыли.

А нога, как назло, болит все сильнее. "Вероятно, надо будет пойти к Женьке",- размышляю я.

- Сразу же после завтрака идем на стрельбище! - обращается старшина к своему помощнику.

"В таком случае к эскулапам выберусь завтра,- продолжаю я размышлять.Сегодня надо стрелять. Ведь если все пройдет хорошо, я смогу получить винтовку с оптическим прицелом". Меня волнует сама мысль об этом. Мы возвращаемся с завтрака, а подиоручник все еще муштрует писаря.

- Ну и упражняется наш штабник,- громко шутит кто-то из колонны.- Командир должен чаще приходить на подъем, а то погибнет наш писарь в каптерке.

Раздается взрыв смеха.

- Рота, запевай! - приказывает старшина.

Из-за гор и рек...

затягивает кто-то в голове колонны.

Рядом с марширующими едет на породистом монголе подпоручник и покрикивает:

- Громче, ничего не слышно! Вы что, "отцы", не завтракали?

Я не знаю этой песни, но на всякий случай широко раскрываю рот, чтобы только не навлечь на себя гнев командира. Наконец мы приходим на полевое стрельбище. Пение затихает. Рота останавливается.

- Десять минут на перекур,- разрешает командир. С облегчением вытягиваюсь на зеленой траве, но старшина Мазурек поднимает нас на ноги:

- Перекур был для меня, а для вас - оружие в козлы! Что, забыли, что в армии должен быть порядок? Только не подпирать винтовок мушками, собьете, а потом господу богу в белый свет будете стрелять и жаловаться, что оружие плохое...

Вижу, что у некоторых солдат веревочные ремешки или петельки, которыми они укрепляют козлы из винтовок, и те стоят как влитые. Вот теперь можно отдохнуть. С лугов приятно тянет сеном. Слышно, как кто-то точит косу. Сверху доносится гул самолета, и его сразу же заглушает злобный лай зениток. Через мгновение орудия умолкают, только в лазурном небе висят еще черные дымки. Рота отдыхает. Запах сена перемешивается с крепким дымом махорки, которую курят "отцы". Дым этого "фимиама" долго стелется над тем местом, где мы лежим.

Чувствую какое-то удивительное волнение перед первыми стрельбами на оценку. Очень хочется выполнить все упражнения на пятерку, чтобы потом получить снайперскую винтовку. Я смотрю на лица товарищей - на каждом видны серьезность и сосредоточенность.

Опершись о сильно искривленную березу, сидит Копер. Подхожу к нему:

- Не пошел в деревню?

- Как я мог пойти, когда сегодня стрельбы? На фронте я ведь не буду шить обмундирование! Там надо уметь метко стрелять.

- Верно говоришь, Копер. В этой войне с гитлеровцами мы должны рассчитаться за то огромное зло, которое они нам причинили...

- На меня нападает страх перед стрельбой. Боюсь грохота и

отдачи винтовки.

- Нечего бояться. Ты сейчас так правильно говорил! Ты ведь старый, опытный. Помни: надо делать все спокойно. Тщательно прицелься под яблочко и медленно нажимай на спусковой крючок. Даже не будешь знать, когда произойдет выстрел. И полная гарантия, что пуля попадет в цель.

- Тебе хорошо говорить, ты уже столько раз стрелял. А я? Мне, портному, это было не нужно. Я жил благодаря игле и нитке, занимался своим делом...

- Ты сейчас должен отбросить сомнения. Делай так, как я тебе говорю, только спокойно, без нервов.

- Кончай курить. Рота, стройся! - прерывает нашу беседу старшина.

Перед строем стоит командир.

- Ну что ж, стрелять не трудно,- говорит он.- Цель на расстоянии ста метров, время не ограничено. Проверка результатов - после каждого выстрела. Смена стреляет один раз, затем все встают и идут к мишеням. Каждый сделает по три выстрела. А сейчас шесть добровольцев на первую смену три шага вперед!

Я выхожу вперед. Команды отдаются быстро:

- На исходный рубеж - шагом марш!

Мы получаем по одному патрону. И опять звучит команда:

- На огневой рубеж - шагом марш!

Я ложусь и занимаю удобное положение для стрельбы. Заряжаю винтовку и направляю мушку под яблочко.

- Справа по одному, огонь! - слышу я громкую команду и чуть не нажимаю на спусковой крючок. Еще немного, и я упустил бы шанс стать снайпером. Решаю делать так, как только что советовал Коперу.

Снова начинаю старательно целиться. Мушка уже в прорези. Тщательно выравниваю ее и стреляю. Почти одновременно слева раздается выстрел, а затем слышатся проклятия:

- Черт побери, сорвалось из-за тебя!

Делаю вид, что не слышу намека в свой адрес и спокойно выдыхаю. Идем к мишеням. По пути командир еще раз напоминает:

- За три шага до мишеней всем остановиться. Никто не подходит к ним, пока результат не будет зафиксирован.

Издалека сверлю взглядом свою мишень - ищу пробоину. Мне становится легче, когда я замечаю какую-то точку. Но, оказывается, желанная точка - это не что иное, как греющаяся на солнце муха. Шагаю огорченный, с опущенной головой.

Командир подходит к моей мишени. Стою по стойке "смирно"

и вижу, как он химическим карандашом перечеркивает на ней отверстие. Еще два раза подходим к мишеням, и старшина каждый раз отмечает крестиком место попадания. "Вечером надо будет попросить у командира роты снайперскую винтовку",- размышляю я.

После стрельбы нас обступают товарищи и с интересом спрашивают:

- Попал? Куда целился?

Кто-то слегка ударяет меня в спину и просит:

- Одолжи свою винтовку.- Оглядываюсь на любителя чужого оружия и вижу круглое, добродушное лицо Копера.- Дай пострелять из твоей винтовки, она так точно бьет.

- Копер, я бы охотно тебе дал, но пойми, на фронте ты должен будешь стрелять из своей. Там я тебе одолжить винтовку не смогу.

- На фронте мы не будем стрелять на оценку...

- Нет, конечно, не на оценку, а на жизнь. В партизанском отряде меня учили, что надо верить в свое оружие. И твоя, и моя винтовки одинаково хороши, все зависит от стрелка.

- Это, конечно, так... И я буду стрелять из своей винтовки, но сейчас все-таки предпочел бы из твоей.

Один за другим грохочут выстрелы. Промахов мало. Можно сказать смело, что "отцы" не подкачали, и напрасно беспокоится командир, что с ними будет тяжело в бою. Даже портной Копер сумел поразить мишень. После учений всем, кто поразил цель три раза, командир объявляет благодарность перед строем. Мы забираем мишени и, распевая бравурную песню, возвращаемся в лагерь.

Во время обеденного перерыва подпоручник Алерс вызывает меня к себе. Вхожу и громко щелкаю каблуками.

- Видел сегодня на стрельбище, что наша партизанская наука не прошла для тебя даром. Хорошо стреляешь...

- А нельзя ли мне получить снайперскую винтовку? - спрашиваю я несмело.

- Именно поэтому я тебя и вызвал. Винтовку ты заслужил. Обратись к старшине, он уже знает.

- Слушаюсь, гражданин подпоручник! Благодарю! - радостно восклицаю я.

Сразу же, по горячим следам, иду к старшему сержанту Мазуреку и сдаю полученную вчера винтовку. Взамен беру прекрасного "мосина" с оптическим прицелом. Чищу винтовку с благоговением, а ефрейтор Куклиновский, который уже несколько месяцев как стал снайпером, объясняет мне особенности ее устройства.

- Понимаешь,- растолковывает он,- нашей задачей на ноле боя является уничтожение наиболее важных целей. Это значит снайперов, офицеров, расчеты пулеметов и всех тех, кто задерживает наступление наших войск. А вот скажи, как ты узнаешь офицера?

- Откуда я знаю? Никогда над этим не задумывался.

- Ну, тогда слушай внимательно. У рядового винтовка или автомат, а у офицера только в исключительных случаях оружие с длинным стволом. Зато у него есть планшет, полевая сумка, бинокль. Об этом надо помнить, особенно на поле боя. Может, для начала достаточно? - спрашивает он через минуту.- Работай, а я пойду к заместителю командира по политико-воспитательной работе. Должен сегодня еще написать статью для стенной газеты о вашей стрельбе.

Недолго радуюсь я снайперской винтовке. Рана, хотя и хорошо зажила, дает о себе знать тупой болью в ноге. Так что пришлось мне в конце концов пойти к фельдшеру Женьке. Получаю на несколько дней освобождение от занятий и вместе с другими "больными" убираю территорию. Меня страшно злит такой оборот дела.

Однажды меня неожиданно вызывают в ротную канцелярию. Здесь старшина сообщает о моем переводе в хозяйственный взвод на должность писаря. Конечно, с одной стороны, обязанности штабника не требуют участия в утомительных занятиях, не надо быстро одеваться, никто тебя не торопит на утреннюю зарядку, а с другой - находишься вдали от непосредственных боевых действий. И все-таки быть писарем во время войны нелегко. Химический карандаш всегда где-нибудь найдешь, но с бумагой, необходимой для разного рода ведомостей, рапортов, списков и аттестатов, дела обстоят гораздо сложнее. Не раз грыз я конец карандаша, обдумывая, где можно срочно найти бумагу. Приходилось использовать для канцелярских нужд даже упаковку от разных концентратов и не однажды можно было наблюдать, как писарь хозяйственного взвода бдительно следит за распаковкой продовольственных продуктов, чтобы забрать у повара эти клочки бумаги. В значительно худшем положении находятся ротные писаря: у них нет даже такой возможности.

Постепенно составление различных документов, связанных с продовольственным снабжением батальона, становится для меня привычным делом. Капрал Герман, силезец, по-отечески заботится обо мне и частенько приносит кусок хлеба с тушенкой:

- Кушай, сынок, а то вон какой ты худой. Быстрее выздоравливай.

Лето в самом разгаре. Погода стоит прекрасная, но мы этого

не замечаем. Каждый день полон для нас напряженного ожидания.

- Когда же мы наконец выступаем? - то и дело спрашиваем офицеров.

Однако никто не может дать нам точного ответа. К нам в батальон прибывают новые сержанты, только что окончившие дивизионную школу, и с энергией, свойственной выпускникам, принимаются обучать подчиненных. Иногда в моей землянке появляется Копер и рассказывает о новостях в пятой роте. Злится на нового командира отделения за то, что тот постоянно придирается к нему: за плохо застеленную постель, за недочищенную винтовку, даже за грязь под ногтями. Портному уже порядком надоела эта лагерная жизнь в лесу и возня с переделкой шинелей. Он мечтает о марше на запад, на родину.

Так проходит половина июля. С безоблачного неба буквально струится жар. В свободные минуты смотрю на возвращающиеся с полевых учений подразделения. На уставших лицах солдат пот смешивается с пылью, только радостно блестят белки глаз. Не щадят ребята сил, готовясь к предстоящим боям.

Боевая подготовка, конечно, важнее всего, но мы не забываем и о нашем внешнем виде. Стираем форму, подшиваем белые подворотнички,-а самое главное, пытаемся обновить наши потрепанные конфедератки. Для этого каждому необходима проволока. Даже колючую проволоку после удаления шипов можно вкладывать в фуражки. После такой переделки она изменяется до неузнаваемости.

Однажды в монотонную лагерную жизнь врываются резкие звуки трубы. Тревога! Грозно разносятся над лесом звуки сигнала. Роты бегом возвращаются с учебных плацов в места расположения. Работающие на кухне солдаты расходятся по своим подразделениям. Поспешно запаковываю свою канцелярию в ящик из-под патронов, складываю в вещмешок свои скудные пожитки - пару портянок, полотенце и мыло и выхожу из каптерки. Везде оживленное движение. Роты батальона в полном снаряжении почти бегом спешат в район сбора. Полевые кухни хозяйственного взвода с истинно тыловым воодушевлением готовятся к выезду. Лошади нервно переминаются в упряжке, беспрерывно поводя ушами. Достаточно громкого окрика капрала Германа, как одна из лошадей испуганно срывается с места, увлекая за собой дымящуюся кухню. Не привыкшая к упряжке, она мчится галопом вслепую...

- Стой! Стой, черт побери, куда тебя несет?! - неистово кричит капрал.

Но его призывы не помогают. Повозка цепляется за большую

сосну, с треском лопаются постромки, полевая кухня падает набок, а из-под неплотно закрытой крышки выливается суп. Лошадь, безразличная к тому, что она натворила, спокойно щиплет траву.

Мы подбегаем к месту происшествия. Обжигая ладони, ставим кухню на колеса.

От батальона не осталось и следа, а его тылы все еще не могут двинуться с места. Время, которое особо ценится в армия, летит неумолимо.

- Ну, наконец-то,- с облегчением вздыхает командир хозяйственного взвода, когда проходит еще более десяти минут и тыловая колонна вытягивается на дороге. В этот момент до нас доносится сигнал отбоя.

- Пока учебная...- слышу голос капрала Германа.

Сажусь на пень и начинаю распаковывать канцелярию. Не успел я разложить свои бумаги, как меня вызывает командир взвода:

- Писарь! Быстро ко мне!

Я срываюсь с места и бегу в его сторону. И вот вижу красного как рак командира и вытянувшихся в струнку поваров.

- Куда же вы, черт побери, смотрели?! Недостаточно того, что из одного котла половина супа вылилась, так еще и каша пригорела! - распекает он провинившихся.

"Но что ему от меня-то надо? - лихорадочно соображаю я.- Ведь я не имею к этому никакого отношения..." Подхожу к поварам и слышу:

- Мы еще поговорим о пригорелой каше. А пока вместе с главным писарем вы должны навести порядок. И чтобы из котла гарью не пахло...

Стою как вкопанный, недоумевая, почему именно я должен мыть котлы. Повара, надев белые куртки, уже приступили к выполнению задания, а я все еще топчусь в раздумье.

- Чего ждете? - громко окликает меня хорунжий.

Я поворачиваюсь к нему и вижу, как он окидывает убийственным взглядом мою маленькую фигурку. И все-таки я набираюсь храбрости и спокойным, но вместе с тем решительным тоном заявляю:

- Гражданин хорунжий, я котлов чистить не буду. Кажется, вся кровь приливает к и без того красному лицу командира.

- Немедленно приступайте к работе! - кричит он.- Я вам покажу, что такое армия! Каждый сопляк будет тут распоряжаться. Этого только не хватало. Ну, чего еще ждете?!

- Гражданин хорунжий, я вступил добровольцем в армию не для того, чтобы мыть котлы и...- снова пытаюсь возразить я.

- Что вы мне здесь глупости плетете?! Здесь армия, а не партизанский отряд! Мойте котлы, или я вас отведу к командиру батальона майору Дроздову!

Какое-то время мы молча глядим друг на друга. Я вытягиваюсь по стойке "смирно", а сам думаю, что, может быть, все-таки следует взяться за работу и вымыть этот злосчастный котел. Но какой-то внутренний голос подсказывает: "Нет, не дай себя запугать. Ты ведь был уже под огнем, поэтому убеждай командира батальона, что твое место в строевом подразделении".

- Ну, вы еще пожалеете о своем ослином упрямстве! - нарушает молчание хорунжий.

- Я, гражданин хорунжий, согласен на любое, даже самое трудное задание, но не на мытье котлов.

- Чтобы через десять минут вы были с чистым подворотничком и в начищенных сапогах,- говорит уже спокойным голосом офицер.- Я отведу вас к командиру батальона.

- Слушаюсь!

Поворачиваюсь кругом и бегу чистить сапоги и пришивать подворотничок, который я приготовил ко дню вступления на родину. У меня дрожат руки от волнения и страха: мне предстоит впервые встретиться с майором Дроздовым, да еще объясняться, почему я не выполнил задания. "Может быть, меня посадят под арест?" - мелькает в голове тревожная мысль. К тому же я криво пришиваю подворотничок, перешивать его у меня уже нет времени, так как появляется командир и мы направляемся в штаб батальона.

Следую за хорунжим на расстоянии нескольких шагов. Будто осужденный, тяжело передвигаю ноги и упираюсь взглядом в его тщательно начищенные сапоги. Лес вокруг наполняется шумом возвращающихся подразделений. Слышится позвякивание котелков.

Приближаемся к штабной землянке. Около нее нервно ходит какой-то подпоручник и жадно затягивается дымом толстой самокрутки. Из землянки доносится чей-то голос, явно оправдывающийся. Мой хорунжий вступает в разговор с незнакомым мне подпоручником.

- Видишь ли,- жалуется подпоручник,- эти чертовы лошади налетели на противотанковую пушку. С ними-то ничего не случилось, а вот одного солдата из прислуги поранили. Не сильно, больше шуму наделали, ну и вызывает теперь командир батальона.

- Кажется, у него уже кто-то есть на исповеди?

- Да. Командир роты станковых пулеметов. После этой

тревоги, наверное, многим сегодня достанется: старик зол, как оса. А ты чего сюда пришел?

- Видишь этого парня? - Хорунжий показывает на меня пальцем.- Котлов, говорит, мыть не буду. Это мой писарь, партизан, а интеллигента из себя строит. Полевая кухня опрокинулась, и суп из одного котла вылился, а в другом, как назло, каша пригорела. А этот, видишь ли, в армию вступил не для того, чтобы котлы чистить. Ты слышал что-нибудь подобное?

От командира батальона выходит поручник и бормочет что-то под нос.

- Вацек, стой! - окликает его мой хорунжий.

Но Вацек не останавливается. Машет обреченно рукой и идет дальше.

Перевожу взгляд на подпоручника. Он одергивает мундир и поправляет ремень. Какое-то мгновение колеблется, еще раз поправляет пояс и несмело приподнимает заслоняющую вход плащ-палатку.

Теперь уже начинает нервничать мой хорунжий. Он смотрит на меня с укором, и в его глазах можно прочитать, что вот, мол, его писарь является виновником предстоящей бури в, спокойном до этого хозяйственном взводе. Я обдумываю план защиты и возможно более достоверного объяснения своего поступка. Но каждый из вариантов имеет какие-то недостатки.

Из землянки выходит подпоручник, а за ним появляются майор и поручник. Майор - командир батальона, поручник - его заместитель по политико-воспитательной работе. Командир хозяйственного взвода энергичным, парадным шагом подходит к майору.

- Гражданин майор, писарь отказался выполнить приказ.- И объясняет ему, что произошло.

Наступает мертвая тишина. Грозный взгляд майора останавливается на моей фигурке. Кажется, я слышу, как сильно стучит мое сердце. Ноги становятся деревянными и дрожат в коленках.

- Подойди сюда,- слышу я обращенные ко мне слова майора.

С трудом двигаюсь с места. Подхожу и рапортую. На мгновение бросаю взгляд на своего хорунжего. Лицо командира взвода ничего не выражает. Заместитель командира батальона улыбается.

- Ты ефрейтор, а где твоя нашивка? - спрашивает майор на ломаном польском языке. Я не знаю, что ему ответить.- Так котлов не хочешь чистить? продолжает он.- Но войну выигрывают не только винтовкой. Работа повара - это тоже почетная обязанность. Черпак на войне так же нужен, как и винтовка.

Попробуй повоюй без еды.

Он замолкает и бросает на меня хмурый взгляд, в котором я, однако, замечаю искорки тепла. У меня немеет язык. Хорунжий переступает с ноги на ногу и тоже молчит. Только заместитель командира по политико-воспитательной работе чувствует себя непринужденно, а его лицо светится улыбкой. Это открытое, добродушное лицо придает мне смелости, и я пробую объясниться.

- Гражданин майор, я действительно хочу воевать и... не могу смириться с мыслью, что вместо этого я должен скрести котлы от пригоревшей каши.

- Я же вам сказал, что войну выигрывают не только винтовкой. Это вам еще не ясно?

- Гражданин майор, может, от него будет больше пользы в батальонной разведке? - вмешивается поручник.- Я был сегодня у разведчиков, им не хватает одного пулеметчика...

- Подождите-подождите, но так нельзя. В таком случае все повара уйдут с кухни.

Стою по стойке "смирно", но если бы мог, кинулся к заместителю командира с благодарностью.

- Но, гражданин майор, в разведке от партизана будет больше пользы, чем на кухне. В хозяйственный взвод мы можем направить какого-нибудь пожилого солдата, а таких ведь в нашем батальоне достаточно.

- А ты умеешь стрелять из пулемета? - спрашивает командир батальона.

- Так точно, гражданин майор! - отвечаю я не задумываясь.- В партизанском отряде я был первым номером пулеметного расчета, стрелял из немецкого пулемета. Кроме того, знаю много других типов...

- В порядке, в порядке,- прерывает меня майор.- Сегодня же перевести его в первый взвод роты подпоручника Казимерчака. Это все. Выполняйте,- обращается он к хорунжему. Мой командир кивает мне головой: "Идем", но майор останавливает нас и говорит на прощание: - Вот плохо, что каша пригорела. Так делать нельзя. После тяжелых учений солдаты должны получать вкусную еду. А ты, партизан,- грозит он мне пальцем,- помни: войну выигрывают не только винтовкой. Каждый солдат должен делать то, что ему прикажет командир... Ну, идите, а нашивки пришей, чтобы товарищи видели, какое у тебя звание.

Последние приготовления

После передачи дел в хозяйственном взводе, уже в сумерках, являюсь в четвертую роту. Согласно распоряжению командира батальона меня направляют в первый взвод, который выполняет

функции внештатной батальонной разведки. Хотя довольно поздно, везде кипит работа. Подразделения готовятся к маршу. Домики из жердей стоят уже без крыш. Снятые плащ-палатки приторочены к вещмешкам, которые ровными рядами лежат вдоль аллейки.

Командир взвода, старший сержант, знакомит меня с моим будущим вторым номером - рядовым Зеноном Краковяком. Затем мы вдвоем направляемся к старшине за пулеметом. По дороге, пользуясь случаем, я внимательно присматриваюсь к товарищу, с которым мы теперь будем составлять одно целое - расчет ручного пулемета.

Оружейный склад уже запакован на повозке. Ищем старшину роты, чтобы получить у него пулемет. Краковяк тем временем расспрашивает меня о семье, о прохождении военной службы - вообще обо всем. Впрочем, похожие вопросы задаю и я. Он загорается, узнав, что я из партизанского отряда, и с интересом спрашивает:

- Как было там, в лесу?

Я обещаю ему рассказать об этом в другой раз, когда будет больше времени.

Краковяк родом из Тарнопольского повята. В 1941 году был призван в ряды Красной Армии и в том же году получил ранение в левое бедро. Потом госпиталь, запасной полк, строительный батальон и снова запасной полк. Когда он узнал, что в СССР формируется польская армия, то добился перевода в наши войска. Месяц назад получил письмо из дому. Родители писали, что брата и сестру немцы отправили на принудительные работы в Германию.

- У меня со швабами,- заключает он рассказ,- свои счеты, и от нас теперь зависит, как быстро мы расквитаемся с ними.

- Побыстрей бы только началось. Половина твоей семьи уже свободна, а моя далеко отсюда, во Влодзимеже. Но там все еще фашисты. Живы ли мать с моей маленькой сестрой? - вздыхаю я.

- Ничего, скоро и твой Влодзимеж освободим. Немцы так драпают, что нам придется поторопиться, чтобы успеть за ними. Мы можем выступить в любую минуту. Я немного разбираюсь в этом. Пробная тревога закончилась, но упаковка манаток важнее, чем сто таких тревог...

Старшина с обозом расположился за поворотом дороги, нам идти до него еще полкилометра. По пути мы разглядываем лагерь, который еще утром сиял безупречной чистотой аллеек. Сейчас же большинство домиков разобраны, а в зарослях стоят замаскированные автомашины, повозки, орудия с запряженными лошадьми - все готово к маршу.

Вот и ротный обоз. Возы нагружены сверх допустимой нормы. Между грудами вещмешков торчат стволы станковых пулеметов. Около одного такого воза-горы стоит старшина и ругает солдат:

- К черту таких повозочных, которые считают, что ротный обоз - это склад для всяких там вещмешков. С перегруженными возами вы в преисподнюю приедете, а не в Польшу! Немедленно сбросить это барахло!

Однако ни один из повозочных не спешит выполнить приказ. Сержанта разбирает злость. Он вырывает из руки ближайшего повозочного плеть и хлещет ею по крупам спокойно стоящих лошадей. Животные резко дергаются, одна из постромок лопается, а воз стоит на месте.

- Я же говорил?! - кричит старшина. Разорванная постромка, вероятно, действует на него умиротворяюще, так как он немного успокаивается и начинает сворачивать цигарку.

Мы на всякий случай некоторое время выжидаем.

- Не торопись,- шепчет Краковяк,- в такой ситуации за что угодно можно получить нагоняй. Лучше пока не показываться ему на глаза.

Однако старшина замечает нас.

- Ты чего здесь, Зенек, торчишь? - обращается он к Краковяку.

- Разрешите доложить, гражданин сержант. Мы пришли получить ручной пулемет. Он,- Краковяк указывает на меня пальцем, - переведен в нашу роту.

- Тоже нашли время, когда пополнение присылать! Все запаковано, а тут ищи им пулемет... А может, и нет худа без добра. При случае поможете мне навести здесь порядок. Все эти вещмешки с возов...

- Слушаюсь! - дружно отвечаем мы и приступаем к делу.

Сгружаем на землю вещмешки, противогазы, каски и даже котелки, с которыми солдаты так неохотно расстаются. Сваливаю с повозки солдатские пожитки, а сам думаю: "Кто потом все это разберет?" И решаю никогда не отдавать под чужой присмотр своих вещей.

Наконец добираемся до оружия. Старшина достает из массивного ящика добросовестно законсервированного "Дегтярева", запасной ствол, приборы для чистки и комплект необходимых принадлежностей, а также две сумки с магазинами. Кроме того, я получаю триста пятьдесят патронов, три гранаты, из них одну противотанковую. Если бы сержант не выдал мне и плащ-палатку, мы не смогли бы всего этого унести.

Солнце уже зашло, когда мы, немного уставшие, возвратились к месту расположения роты. Никто еще не спит. Солдаты занимаются своими делами, чтобы к назначенному дню

все было готово. А до этого дня осталось, может быть, всего несколько часов.

Мы с Краковяком пытаемся поудобнее разместиться на мху, чтобы немного поспать, но сон не приходит. Лежим рядом и смотрим в июльское звездное небо. С востока, где-то в вышине, слышится гул самолетов. Тяжелый и ровный, он с каждой секундой нарастает. Краковяк толкает меня локтем:

- Спишь?

- Нет.

- Вероятно, скоро начнется. Должно быть, везут для Гитлера солидные пилюли - все аж дрожит...

- Быстрее бы выступить! Не могу оставаться спокойным при мысли, что там нас ждут...

Мы еще долго обсуждали предстоящий марш на запад.

С утра приступаем к упаковке нашего снаряжения. Усердно чистим полученный вчера пулемет, набиваем магазины, тщательно проверяя каждый патрон. Затем сворачиваем шинели. У меня это получается не очень ловко: скатанная шинель слишком толстая. В конце концов я машу на это рукой в надежде, что все как-нибудь обойдется.

После завтрака узнаю, что через час построение в полном снаряжении. Только тогда убеждаюсь, как мне не хватает еще солдатской сноровки. Со страхом смотрю на массу различных вещей, которые я должен нести на собственной спине. Почти подавленный, вспоминаю недавние времена, когда вместо всего этого у меня был только пулемет с несколькими магазинами да кусок хлеба с салом. А тут тяжелый вещмешок с патронами, плащ-палаткой, бельем, куском мыла, полотенцем и портянками. Ремень давит под тяжестью гранат, запасного ствола к пулемету и лопатки. Тяжелый пулемет торчит над каской, которая при каждом движении съезжает на нос. Вдобавок плохо скатанная шинель немилосердно трет шею. И это еще не все: я просто не знаю, куда повесить противогаз.

Построение начинается, а я еще не готов. Стою во второй шеренге и молюсь всем святым, чтобы меня не увидел командир роты.

А тем временем перед строем появляются командир четвертой роты вместе с майором Дроздовым и его заместителем по политико-воспитательной работе. После принятия рапорта о готовности роты к маршу командир батальона говорит:

- Сейчас посмотрим, как она готова. Первая шеренга, пять шагов вперед!

Краковяк, который, как щитом, заслонял меня от вездесущего взгляда комбата, делает пять шагов вперед - и я оказываюсь

теперь как на витрине. Майор проходит между шеренгами и каждую секунду останавливается. - Плохо, плохо...- повторяет он.- Так далеко не уйдем. Вот, пожалуйста, рота готова... А, здесь и мой разведчик! - слышу над самым ухом.- Что, хуже было в хозяйственном взводе котлы чистить? Ну и вид у вас!

Я даже боюсь на него взглянуть. Кажется, предпочел бы провалиться сквозь землю, чем смотреть в голубые, глубоко посаженные под густыми бровями глаза майора. На счастье, комбат больше не интересуется моей особой. Ему надо проверить готовность к маршу всего батальона. Мне становится легче, что я не являюсь исключением. В компании всегда легче переносить неприятности.

Однако майор возвращается и всех "готовых к маршу" вытягивает из строя. Я стою вместе с другими провинившимися. Комбат отмечает, что мы выглядим как рязанские бабы на базаре, а не солдаты его батальона.

- А теперь, чтобы вы убедились, что я говорю правду, проведем занятия,говорит он в заключение осмотра.- Направо!

Едва я успеваю подумать, что у меня с подготовкой к маршу так же плохо, как у майора с польским языком, раздается следующая команда:

- Бегом - марш!

Делаю пару шагов и уже слышу очередную команду:

- Ложись! Ползком - марш!

Каска съезжает мне на нос - я ничего не вижу. Пробую ее приподнять, но безуспешно. Торчащая над вещмешком плохо свернутая шинель переместилась еще выше и уперлась в тыльную часть каски:

- Встать! Бегом - марш!

Теперь запасной ствол передвинулся с бока на живот и бьет по коленям. В тот момент, когда я отодвигаю его на свое место, каска спадает на нос, и так попеременно. В довершение мучений мне очень мешают лопатка, чехол с гранатами и злополучный противогаз. А тем временем команды подгоняют одна другую.

- Ложись! Ползком - марш! Встать! Бегом - марш! - И наконец, когда у меня уже не остается сил передвигать ногами, раздается желанное: - Стой!

Запыхавшийся, поправляю каску, из-под которой по лицу струится пот. "Готовая к маршу" часть роты растягивается по лесной дороге. Измученные занятиями, мы медленно возвращаемся в строй.

- Ну, солдаты,- подводит итоги командир батальона,- вы сами теперь прекрасно видите, как ваша рота подготовлена к маршу, а по дороге придется и в бой вступать. Тогда что мы с вами будем

делать? Стыдно вам! И мне тоже. Так вот, командир роты, времени у вас осталось мало. Чтобы к обеду рота была в полной готовности. Еще пару слов скажет мой заместитель. Прошу вас.- Майор жестом приглашает выступить поручника.

Поручник одергивает ремень, поправляет конфедератку и, как всегда улыбаясь, начинает:

- Солдаты! Мы стоим на пороге родной страны, измученной пятилетней гитлеровской неволей. Весь народ с оружием в руках борется с оккупантами. Там, за линией фронта, ждут нас, освободителей. Мы пойдем в бой за новую, демократическую Польшу. Устраните недостатки в снаряжении. Будьте готовы к далекому маршу и тяжелым боям. Перед нами благородная цель: свобода демократической Польши!

В строю воцаряется тишина:

Офицеры батальона уходят, а командир роты, вспотевший, как и все мы, дает практические советы - что, как и где укрепить. Солдаты помогают друг другу скатывать шинели и упаковывать вещмешки. Работа спорится, поэтому к назначенному времени мы действительно готовы к маршу.

С обедом управляемся быстрее, чем когда-либо. Прибегает ординарец майора. Маршевая колонна выстраивается на лесной дороге. Вековой лес полон суматохи и шума. Затем объявляется короткий перерыв, и мы сходим с дороги в тень деревьев. Нельзя тратить попусту даже нескольких минут: свободное время надо использовать для отдыха.

Движение войск не прекращается ни на минуту. Четверки лошадей с трудом тянут по песчаной просеке полковые орудия, замаскированные березовыми ветками. Мимо нас проходит первый батальон. Лежа наблюдаем за идущими. На пыльных и вспотевших лицах солдат видны улыбки и удовлетворение - мы ведь идем освобождать нашу родину!

- Рота! В колонну по четыре - становись! - отдает команду подпоручник Казимерчак.

Мы идем уже больше часа. Наступают сумерки. Вверху слышен гул самолетов ровными тройками в небе плывут "кукурузники".

- Ночь - это их союзник. Теперь до утра будут висеть за линией немецких окопов,- объясняет мне Краковяк. Разговор у нас не клеется. Тяжесть снаряжения и оружия делает свое, ни у кого уже не возникает желания поболтать.

- Пятнадцатиминутный отдых,- передают по батальонной колонне.

Встречаем это известие с радостью. Сходим на обочину с правой стороны дороги, задираем ноги как можно выше, чтобы

отдохнули.

- Ложись на бок,- советует Краковяк, - а то схватишь радикулит и не разогнешься.

Я не очень хорошо понимаю, что такое радикулит, но на всякий случай, доверяя опыту Зенека, выполняю его рекомендацию. Мы лежим и слушаем, как командир роты, не слезая с коня, отдает приказание командиру разведчиков старшему сержанту Фаберу:

- Вы должны где-нибудь по дороге раздобыть подводы. Назначьте проворных ребят, и пусть без подвод не возвращаются.

- Слушаюсь, гражданин подпоручник.

Подпоручник Казимерчак отъезжает в голову батальонной колонны, а старший сержант подзывает трех разведчиков и показывает им рукой на деревню, расположенную справа от дороги:

- Видите те хаты?

- Так точно!

- Приведите оттуда подводы.

- Подъем! - раздается команда.

Двигаемся дальше. На месте остаются только трое солдат, которым поручено достать подводы. Через несколько километров разведчики догоняют роту, управляя лошадьми, запряженными в телеги. Не останавливаясь, сваливаем на них часть снаряжения. Плечам стало легче, а значит, идем живее. Примеру нашей роты следуют и другие. Утром, когда рассвело, в колонне видно много таких телег.

Колонна с короткими остановками продолжает движение. Мы проходим мимо разрушенных деревень, кое-где торчат только одни остовы печей. Жители уцелевших домов с интересом смотрят на солдат в конфедератках - давно уже таких не видели. Ночью проходим по заново отстроенному мосту через речку Турью. Здесь несколько дней назад проходила линия фронта.

- Далеко еще до Буга? - спрашиваем офицеров во время стоянки.

Но конкретного ответа не получаем.

Пробуждающийся день в еще большей степени открывает ужасы войны. Поля сплошь изрезаны окопами, полузасыпанными от взрывов бомб и снарядов. Над землей стоит запах гари, смешанный со смрадом разлагающихся тел. Кто-то из солдат чуть отходит в сторону от дороги и подрывается на мине...

Дальше идем плотным строем, точно придерживаясь дороги. Около полудня минуем памятный для меня городок Ягодзин. Это здесь с тяжелыми боями партизаны выходили из окружения. Дальше дорога идет вдоль железнодорожного пути Ковель Хелм

Любельский, развороченного до такой степени, будто по нему прошлись дьявольским плугом.

До Буга осталось уже менее двадцати километров, а за ним - польская земля...

Рота, на родину, вперед - марш!

Знойный июльский полдень. Лес, через который мы проходим, пахнет смолой. Люди очень измучены, лошади тяжело дышат. Над колонной поднимаются клубы рыжей пыли. Она такая мелкая, что забивается во все поры, дерет горло. Люди, лошади, вооружение - все припудрено пылью. С запада едва веет приятный ветерок. Он несет с собой чуть заметную прохладу и легкий запах луговых цветов. Во главе роты едет верхом подпоручник Казимерчак и каждые десять шагов поднимается в стременах.

- Ребята, вон там,- внезапно кричит он и показывает рукой,- там, за кустами, Буг!

На мгновение замедляем шаги. Ищем взглядом реку, за ней - Польша. И вот через минуту среди лугов с копнами сена показывается блестящая лента Буга.

Колонна стихийно выравнивается. Даже самые уставшие быстро подтягиваются на свои места в строю. Минуем небольшой пригорок, и сразу же за ним лениво течет река. Саперы строят вторую очередь моста, которая обеспечит движение в двух направлениях.

- Рота, стой! Поправить снаряжение!

Приводим себя в порядок. Подтягиваем ремни и брезентовые ремешки у касок, вытираем лица от пыли, отряхиваем мундиры... И вот долгожданная команда:

- Рота, на родину, вперед - марш!

Эта необычная команда означает конец нашей скитальческой жизни...

Гудит под солдатскими сапогами деревянный мост. Мы вступаем на родной берег. Перед нами белеют среди деревьев стены сельских хат. На обочине дороги стоит длинная колонна советских грузовых автомашин, которая ждет, пока мы перейдем мост. Это улыбающаяся регулировщица предоставила нам право первенства.

Из ближайшего села, расположенного вдоль дороги, доносятся звуки военного оркестра - дивизионные трубачи играют марш для идущих на запад солдат траугуттовской дивизии. На сельской дороге становится все больше людей. Они приносят нам цветы, молоко, черешню. Женщины и даже мужчины сквозь слезы кричат:

- Наши! Наши, польские войска! Столько лет мы вас ждали!

На импровизированной трибуне стоит командир 3-й

пехотной дивизии генерал Галицкий, окруженный толпой жителей окрестных сел. Он салютует марширующим солдатам. Дети бросают цветы. Кто-то из толпы провозглашает:

- Да здравствует Войско Польское! Да здравствуют наши освободители!

И так на всем пути по освобожденной родной земле. На улицах Хелма Любельского масса народа. Люди съехались, вероятно, из окрестных сел, чтобы посмотреть, как идут польские войска. Везде цветы и радостные лица - ведь настал день свободы! Город принял праздничный вид. На окнах, на балконах, на каждом доме развеваются бело-красные флаги. Люди обнимают друг друга, целуются, у многих на глазах блестят слезы счастья. Каждый из нас тонет в море цветов. Мы уже не знаем, куда их девать, а к нам беспрерывно кто-то подбегает, вручает новый букет, обнимает, гладит оружие, мундир, целует...

А вот и западная окраина первого польского города. Знойный день клонится к вечеру, подходит к концу и наш март. Солнце уже зашло. Становится все темнее. Мы останавливаемся на отдых. Хозяева угощают нас свежим, еще теплым молоком. Девушки приносят полные фартуки желтой черешни. Солдаты моются около колодца с журавлем. Наконец прибывает и полевая кухня. Бойко гремят котелки, все с большим удовольствием едят густую пшенную кашу. Вместе с Краковяком идем спать в сад. На дежурстве остаются только расчеты станковых пулеметов и противотанковых ружей, установленных для стрельбы по самолетам. Солдатский бивак постепенно затихает.

Поднимаемся с рассветом. После завтрака марш на запад продолжается. Люблин минуем с северной стороны. В город спешат партизанские отряды. Идут лесные люди с бело-красными повязками, на которых четко выделяются буквы "АЛ" и "БХ". Мне интересно, что это за отряды. На первом привале, когда к нам подходят люди с повязками, я спрашиваю кого-то:

- Что означают эти буквы на партизанских повязках?

- Это наши, из Армии Людовой и Батальонов хлопских.

- А я был в АК, за Бугом.

- Вы действительно были в АК?

- Святая правда.

- У нас тоже есть аковцы. Их командиры говорят, что вы - большевики, переодетые в польские мундиры. Постоянно нас пугают, что, как придете...

- Подъем! Встать! Вперед - марш!

Иду и никак не могу понять того, что услышал.

Перед нами останавливается полковой "виллис". Наш командир, уверенно сидя в седле, докладывает, что четвертая

рота находится на марше.

- Как там партизаны? - доносится из автомашины.

- В порядке, гражданин капитан,- отвечаю я.

- Не хотели быть моим ординарцем,- улыбается капитан,- но я все равно дам вам задание. Вот вам записка. Идите с ней и интендантский взвод и возьмите кое-что для меня. Позднее найдете меня в голове колонны. Командир роты не возражает?

- Нет, гражданин капитан,- отвечает подпоручник.

- Ну, тогда бегите.

Отправляюсь в тыл в поисках интендантского взвода. По дороге встречаю старшину роты, показываю ему записку и объясняю, куда и зачем иду.

- Оставь пулемет и снаряжение на телеге. Возьми мой автомат, сразу легче станет.

- Благодарю, пан сержант!

Теперь мне идти намного легче. Маршевая колонна полка очень длинная, поэтому решаю сесть и подождать, когда подойдут тылы. Прежде чем появились подводы интендантства, начало темнеть. В конце концов с помощью солдат я нахожу командира взвода. Он читает записку, пишет: "Выдать" - и направляет меня к офицеру, занимающемуся вопросами продовольственного обеспечения. Офицер забирает у меня записку и выдает банку тушенки, кусок мягкого, подтаявшего масла, пачку хорошего табака и полфуражки печенья.

- Это все,- говорит он.- Только не умни половину по дороге. И смотри, чтобы ничего не пропало...

Только под утро я присоединяюсь к своим, неся в карманах и п руках целый, нетронутый офицерский паек. Краковяк, заметив у меня тушенку, многозначительно точит складной нож. Командир взвода допытывается, где это я пропадал всю ночь. Объясняю цель моего ночного похода. Коллеги становятся все более назойливыми:

- Вынимай тушенку и табак. Закурим...

- Это не наше. Все должен отдать капитану,- отбиваюсь я.

- Ну и дурак же ты! - делает вывод капрал Рыдзевский.

- Должен отдать капитану,- по-прежнему упорствую я.

Многие изъявляют желание помочь мне нести оружие и снаряжение, но при этом с завистью поглядывают на оттопыривающийся боковой карман моего мундира, в котором спрятана пачка офицерского табака.

После обеда перед местечком Руки вступаем на Варшавское шоссе. В небе гудят штурмовики. Земля стонет. До Вислы и фронта уже недалеко. Люди, так же как и перед Люблином, стоят вдоль дороги, по которой мы проходим. Они хлопают в ладоши и

провозглашают здравицы в честь наших войск.

Солнце заходит, а мы все еще в пути. В воздухе стоит тяжелый рокот немецких бомбардировщиков. Колонна углубляется в лес. Самолеты врага многочисленными ракетами освещают местность. Бомбы взрываются с такой силой, что кажется, будто под нами колышится земля. Мы останавливаемся и приступаем к рытью окопов. Самолеты снижаются, поэтому работать приходится в ускоренном темпе. Когда щели готовы, мы всерьез подумываем об ужине, но тылы где-то застряли, поэтому о еде приходится заботиться самим. Краковяк снова робко начинает:

- Как хорошо, что солдату дают хлеб на целый день... Слышишь, самолеты. Может, утром тебе не придется и объясняться. Подумай, всегда легче умирать на сытый желудок.- А затем предлагает: - Давай попробуем офицерского масла.

- Хорошо,- нерешительно уступаю я.- Съедим немного масла. В случае чего скажу, что растаяло.

- Наконец-то мы слышим мудрые речи,- радуется Зенек.

Хлеб с маслом всем очень нравится.

А потом тяжелый, прерывистый, непродолжительный сон...

На Пилице

Наступающие советские войска на широком участке фронта доходят до берегов Вислы. На далеких подступах к предместью Варшавы - Праге немцам удается сильными контратаками танковых дивизий остановить советское наступление. В бой вступают 1-я и 2-я дивизии Войска Польского. В начальном периоде они борются за овладение вражескими укреплениями в районе Демблина и Пулав, связывая своими действиями значительные силы немцев.

8-я гвардейская армия захватывает плацдарм на левом берегу Вислы (позднее историки назовут его варецко-магнушевским). Идут тяжелые, кровопролитные бои за его удержание. Туда и вводятся полки 3-й пехотной дивизии имени Ромуальда Траугутта.

* * *

Всю ночь самолеты люфтваффе бомбят переправы через Вислу. А утром, сразу после восхода солнца, обрушивают свои удары девять фашистских штурмовиков. На защиту переправ прилетают советские "яки", целый день висят они над зеркалом воды. Под таким прикрытием неутомимые инженерные войска вновь наводят мосты. Вблизи района переправ занимают огневые позиции зенитки. Нам, пехотинцам, говорят:

- Переправляться будете этой ночью.

Кухня с вчерашним ужином нашлась только к обеду, поэтому

мы и обедаем и ужинаем сразу. Солдаты, сытые, но не выспавшиеся, дремлют в окопах. Офицеры возвращаются с совещания. В подразделениях начинается движение. Повара раньше, чем обычно, выдают очередной ужин, в который мы с Краковяком потихоньку добавляем масла.

Солнце заканчивает свое дневное странствие. Вместе с его последними отблесками в небе появляются немецкие самолеты. Зенитки открывают заградительный огонь, но самолеты, преодолевая его, один за другим обрушивают свой смертоносный груз на наши переправы. В таких условиях переправа на другую сторону реки невозможна.

Только восходящее солнце и "яки" заставляют вражеские самолеты убраться восвояси. В направлении Вислы везут понтоны. После обеда мы получаем распоряжение подготовиться к переправе, быстро запаковываем свои скромные пожитки и отдыхаем в тени деревьев.

- Подъем! Строиться! - командуют офицеры.

Мы подходим к берегу широкой Вислы. На воде видно несколько плывущих понтонов. Идущий в авангарде первый батальон 9-го пехотного полка переправу уже заканчивает. Теперь наступает наша очередь. Разведчики быстро и четко занимают места в понтоне. Саперы длинными веслами отталкиваются от берега. Течение реки быстрое, и тяжелую, перегруженную лодку сносит в сторону.

- Ребята, помогите! - распоряжается капрал-сапер.

Командир взвода назначает к веслам нескольких солдат. Остальные берутся за саперные лопатки и усиленно гребут со стороны правого борта. Над переправой кружатся советские истребители, и мы чувствуем себя под надежной защитой. Неожиданно откуда-то сверху сваливаются два "мессершмитта" и палят из пушек. Самолет с красными звездочками на крыльях ловко заходит в хвост немцу. Тот пытается уйти в спасительные тучи, но советский истребитель следует за ним как тень.

Засмотревшись на воздушный бой, мы даже перестаем грести.

- Вон там, видите?! - радостно кричит капрал Рыдзевский.- Гитлер болтается на парашюте!

Еще выше задираем головы. Действительно, под белой чашей парашюта висит летчик.

- Грести! - прерывает нашу радость капрал-сапер.

Снова яростно перебираем лопатками. Еще немного усилий - и понтон садится на мель. А до левого берега осталось не менее десяти метров.

- Разведчики, вперед! - приказывает командир взвода.

- Только сапоги в воде не утопите,- предупреждает кто-то из

предусмотрительных.

Вода здесь по пояс, и вынужденное купание оканчивается благополучно. Мы вылезаем на берег - вода стекает с нас ручьями, поэтому не мешкая направляемся к ближайшему лесу, но он настолько забит солдатами и техникой, что нам приходится идти дальше. По обеим сторонам дороги разбросаны немногочисленные постройки, но жителей в них нет. К нашей роте присоединяются батальонные орудия и обоз.

Под вечер прилетает "рама" - немецкий разведчик дотошно обследует местность. Чтобы не быть обнаруженными, прячемся в придорожных кустах и канавах. По опушке леса бьет вражеская артиллерия. Из-за ближайших деревьев ей раскатисто отвечают "катюши". Черный столб дыма демаскирует расположение гвардейских минометов, однако они быстро меняют огневую позицию, и немецкая артиллерия не успевает их накрыть.

Уже темнеет. "Рама" улетает. Мы выдвигаемся на пятьсот - восемьсот метров в открытое поле и приступаем к рытью окопов. Надо спешить, и командиры поторапливают нас. Мы с Краковяком копаем по очереди. Наш окоп - сверху узкий, а снизу широкий - мы утепляем снопами соломы. Теперь можно и отдохнуть. Однако командир взвода думает иначе. Тех, кто закончил свою работу, он посылает помочь солдатам из обоза рыть укрытия для лошадей.

С запада нарастает тяжелый гул самолетов - это на очень большой высоте приближается к переправе авиационная армада. Противовоздушная артиллерия с правого берега Вислы открывает заградительный огонь. Мы с Краковяком пробуем подсчитать число самолетов, доходим до шестидесяти четырех, а Хе-111 и Ю-88 все прибывают. Они делают разворот на большой высоте и приступают к своей разрушительной работе.

В это время уже становится совершенно темно. Зенитки прекращают стрельбу. На небе загорается множество осветительных ракет, при таком свете можно было бы даже читать. Но нам не до чтения.

Бомбы летят на переправу и на те немногочисленные уцелевшие дома, в которых мы укрывались во время облетов разведывательной "рамы". Кругом все трясется и колышится. Комья земли падают на голову, и мы плотнее закрываемся плащ-палатками. Время от времени серии небольших фугасных бомб тарахтят, как пулеметные очереди. Этот адский концерт продолжается до утра. Однако усталость наша так велика, что мы валимся с ног и, несмотря на бомбежку, засыпаем.

Наконец выглядывает солнце. В его свете догорают пепелища деревень, подвергнутых бомбардировке. В воронках с серыми от

тротиловой гари краями стоит вода. Солдаты передают по цепочке тяжелые, острые осколки.

- Если бы кто-нибудь из нас получил такой, то Женьке со своими санитарами было бы нечего делать...- замечает кто-то меланхолично.

Перед заходом солнца выступаем, чтобы сменить на позициях советских солдат. Сначала идем батальонной колонной, позднее, когда появляются советские проводники, перестраиваемся в ротные. Некоторое время двигаемся по шоссе. Неожиданно враг обрушивает на нас несколько артиллерийских залпов. Близкие взрывы на мгновение ослепляют, но вскоре снова наступает тишина - немцы стреляли, вероятно, на всякий случай. В колонне чувствуется нервозность: выстрелит где-нибудь одинокая пушка, а солдаты уже падают в придорожную канаву. Довольно часто трещат пулеметы.

Советский проводник останавливает нас за небольшой высотой, а сам, забрав с собой офицеров, уходит к передовой. Мы припадаем к мокрой земле. Никто не разговаривает, даже не курит. Над ближайшими лугами стелется туман. На небе появляется красная луна, а здесь, на земле, темноту ночи то и дело распарывают трассирующие пули и снаряды.

- Первый взвод, встать! - раздается голос нашего сержанта.

Идем гуськом за советским проводником. Если загорается ракета, мы припадаем к земле, как только она гаснет, поднимаемся и идем дальше.

Перед нами тихо плещется Пилица, по которой длинной лентой прямо до противоположного, занятого врагом берега тянутся лунные блики. Через каждые десять шагов кто-нибудь из наших бойцов занимает позицию. Вот из тени кустов выходит советский солдат и указывает позицию для ручного пулемета.

- Сменяйте,- дотрагивается до меня командир взвода.

Остаюсь с Краковяком и советским солдатом. Над самой рекой, в неглубоком окопе, лежит за пулеметом его товарищ.

- Друзья, дайте закурить,- шепотом просят русские. Не колеблясь вынимаю пачку офицерского табака.

Они в восторге от хорошего табака. Краковяк, который скручивает цигарку последним, прячет начатую пачку себе в карман.

Устанавливаем свой пулемет в указанном месте. Солдаты с красными звездочками на пилотках передают нам патроны, несколько ручных гранат и объясняют улыбаясь:

- Наш участок обороны относительно спокойный. Кроме артиллерийских обстрелов и пулеметной трескотни, здесь ничего не слышно.

И вот мы с Краковяком одни. Перед нами освещенная луной река, а за ней таится смертельный враг. Мы чутко вслушиваемся в темноту. Немцы довольно часто освещают местность ракетами. Вот кто-то с правой стороны выпускает очередь из автомата. Через минуту стрельба повторяется.

- Зенек, дадим очередь,- предлагаю я.- Нам оставили много патронов, можно и не экономить...

- Стреляй!

Крепко прижимаю приклад к плечу. "Та-та-та-та..." - строчит пулемет.

- Постреляли, и хватит, а теперь за работу. Мы должны оборудовать солидную огневую точку, а то для двоих здесь тесновато,- решает Краковяк.

- Хорошо. Ты начинай, а я подежурю у пулемета. Потом поменяемся.

Так, работая по очереди, мы к утру сумели оборудовать окоп. Несколько раз в течение ночи пас проверяют офицеры. Некоторые задерживаются подольше. Посмотрят в сторону вражеских позиций, закурят самокрутку и перед уходом напомнят:

- Хорошо смотрите. Не спите. Завтра нужно подготовить данные для ночной стрельбы.

С рассветом отходим на сто - двести метров в глубь обороны. На переднем крае остаются только дежурные расчеты пулеметов и противотанковых пушек, огневые позиции которых находятся в нескольких десятках метров от реки.

Приезжает полевая кухня. Мы чистим оружие и расширяем искусную сеть окопов и ходов сообщения, запасных огневых позиций. Через несколько дней кропотливой работы некоторые участки окопов даже прикрыты сверху. Все это хорошо замаскировано.

То, что нам сказали советские солдаты, передавая позицию, вскоре подтверждается. Правда, гитлеровцы каждый день методично обстреливают нашу оборону, особенно ее передний край, но особого вреда нашим позициям они причинить не в состоянии. Да и находятся на переднем крае только дежурные расчеты.

На третий день пребывания на плацдарме назначается на дежурство наш расчет. К дежурству мы тщательно подготовились: я накопал на недалеком поле целый вещмешок картошки, а Зенек приготовил топливо - набрал сухих, как порох, сучьев. Вечером мы все это забираем с собой па позицию у Пилицы.

Ночь прошла без особых происшествий, а утром взвод уходит и мы остаемся одни. Я завтракаю ячневой кашей, которую нам принесли, а Краковяка каша не устраивает. Он выбирает

несколько кусочков консервированного мяса и принимается готовить более вкусный завтрак.

- Сейчас сварю картошку, хорошо поем, а потом и подежурить можно...приговаривает он.

"Бум!" - откуда-то со стороны вражеских позиций бьет одинокое орудие. Над нашими головами с сатанинским воем пролетает снаряд и разрывается на недалекой возвышенности, поднимая столб дыма и песка. Мы прячемся в окопе.

- Гады...- цедит сквозь зубы Краковяк. "Бум!" - снова свист, глухой хлопок - и все замирает.

- Не взорвался. Побольше бы таких! - радуется Зенек.

В течение нескольких минут ждем очередного гитлеровского "подарка".

- Ну, вроде кончилось,- облегченно вздыхает Зенек и предлагает: - Я пойду за водой, а ты почисть картошку.

Пока я на дне окопа чищу картошку, он возвращается с водой и мы разводим огонь. "Бум-бум!" - снова бьют орудия.

- У, проклятые! - ругает Краковяк немцев.

На этот раз снаряды проносятся где-то высоко и разрываются в воздухе. Облачка черного дыма показывают места взрыва. Мы недоуменно смотрим, куда это так ожесточенно стреляют немцы, и видим вдалеке солдата, который спешит к лесу, в район обороны нашего батальона. Снова грохочут орудия. Солдат бежит зигзагами по картофельному полю.

"Если добежит до кустов, где начинаются траншеи,- мысленно загадываю я,то спасен". Добежал! Радуюсь так, как если бы это мы с Зенеком благополучно перенесли огневой шквал. Краковяк снова разводит огонь. Котелок с картошкой мы вешаем над пламенем. Солнце поднимается все выше и приятно греет лицо. Глаза слипаются.

- Давай тушенку, и можешь спать,- милостиво соглашается Зенек.

- Но ведь она не наша...

- Если бы ее хозяин был голоден, он давно бы за ней пришел. Открывай смело - картошка сварилась. Возьми мой нож.

Картошка с тушенкой - действительно очень вкусное блюдо. Его мы готовим себе и на обед.

Только одно событие произошло во время нашего дежурства. Над нами в сопровождении двух "яков" появляются шесть горбатых "илов". Артиллерия на том берегу реки неистовствует. И вот мы с ужасом видим, как один из штурмовиков начинает терять высоту, а на его крыльях бушует огонь. Но летчик не только сумел сбить пламя, но и поджег немецкий самолет. В воздухе слышится какой-то небывалый рев.

- Это "илы" бьют фрицев! - радуется Краковяк.

К нам приходит командир взвода, которому мы докладываем, что в течение дня ничего существенного в районе обороны взвода не произошло.

- Хорошо. Продолжайте наблюдение, завтра отдохнете...

31 августа на рассвете в окопы второго батальона 9-го полка приходят солдаты из разведывательных взводов 7-го пехотного полка. Они внимательно наблюдают за неприятельским берегом. В нашем окопе разместились конные разведчики из братского полка - Генрик Сурмачиньский, известный мне еще по партизанскому отряду, Станислав Верещиньский и сержант Валь. Как я завидовал их тихо бряцающим шпорам и кривым казацким саблям!

- Ночью мы пойдем за "языком" на немецкий берег,- объясняет сержант Валь.Здесь Пилица неглубокая...

Мы уходим на завтрак в глубь обороны, а разведчики остаются в окопах - они ведут наблюдение. Вечером мы снова встречаемся. В маскировочных комбинезонах разведчики выглядят еще мужественнее.

- Присмотри тут за нашими саблями и шпорами,- просит Генрик Сурмачиньский, будто читая мои мысли.

- Конечно-конечно,- радостно соглашаюсь я.

Ночь выдалась на редкость темная. Луну плотно заслоняют тучи. Далеко за Пилицей гремят артиллерийские раскаты. Разведчики докуривают последние самокрутки.

Из близлежащего окопа раздается знакомый голос майора Дроздова:

- Вперед!

Бесшумно, как духи, исчезают в ночи разведчики. Теперь весь наш участок обороны наблюдает за противоположным берегом с удвоенным вниманием. На мою огневую позицию несколько раз заходит командир батальона и нервно прислушивается. Тишина. На востоке уже розовеет небо, а разведчиков все нет. "Та-та-та-та..." - раздается автоматная очередь на немецкой стороне. Через мгновение слышится вторая очередь. Мы ложимся у пулеметов.

- Огонь! - раздается крик с другого берега Пилицы.

"Та-та-та-та..." - гремят выстрелы из окопов второго батальона 9-го пехотного полка.

Немцы открывают ответный огонь. Пули свистят над нашими головами.

- Ребята, огонь! - снова кричат разведчики.

Сквозь прицел я вижу зеркало реки и поспешно возвращающихся разведчиков. Вот первые участники ночной вылазки появляются в окопах, а майор Дроздов поторапливает:

ему как можно быстрее нужен "язык". У меня отказывает пулемет.

- Что за черт? - нервничаю я.

Оттягиваю затвор в заднее положение, меняю магазин - и снова ничего. Ствол так разогрелся, что над ним дрожит воздух. Высокая температура размягчила возвратно-боевую пружину, поэтому боек слабо ударяет о патроп. Я не могу уже прикрыть огнем разведчиков, которые тащат через реку двух фрицев. Один из гитлеровцев ранен и умирает на нашем берегу. Второй, без одного сапога, предстает перед майором Дроздовым.

- Капитан Отто Габихт, из седьмой пехотной роты сто тридцать второй бригады гренадеров,- по-военному докладывает он. Сержант Валь переводит.

- Увести! - приказывает майор.

- Шпоры и сабли...- просит промокший Верещиньский.

- Как там было? - хочу узнать я.

- Потом! - бросает он на ходу и бежит за своими. Я смотрю ему вслед с нескрываемым восхищением и завистью...

На помощь столице

Осень 1944 года очень напоминала мне памятную осень 1939-го. И события, развернувшиеся на нашем участке, оказались не менее трагичными, чем события пятилетней давности.

Каждый день мы с жадностью ловили сообщения о неравных боях, которые вели с немцами восставшие варшавяне, и не понимали, как могло случиться, что восстание в столице началось без какого-либо согласования с советскими и польскими частями. Разве мы, рядовые солдаты Войска Польского, могли тогда представить, что именно такой ценой - ценой жизни тысяч поляков - вели большую игру лондонские политики?

В ночь на 12 сентября мы передаем оборону советской гвардейской части. Как когда-то советские товарищи сообщали нам данные о деятельности противника, так сейчас мы делимся своими наблюдениями с гвардейцами. Нашу огневую позицию занимают бравые советские парни, каждый из них имеет по нескольку боевых наград.

На правый берег Вислы переправляемся по одному из понтонных мостов. Наше направление - на Варшаву. По пути узнаем, что костюшковцы взломали немецкую оборону в районе Мендзыляса и теперь ведут бои за Прагу.

На следующий день марша отдыхаем уже на окраине Мендзыляса. С интересом разглядываем бывший передний край немецкой обороны. Он в буквальном смысле слова распахан артиллерией и авиацией. Вокруг валяется оружие, особенно много фаустпатронов. Деревья и дома страшно изувечены. А среди развалин уже суетятся местные жители.

Дальнейший марш в направлении Праги совершаем по хорошо асфальтированной дороге, по которой движется большое количество войск и боевой техник~и. На горизонте, в северо-западном направлении, виден черный дым гигантского пожарища - это горит Варшава. Мы приближаемся к правобережной ее части-Праге. Перед нами Гоцлавек и Саска-Кемпа. Радость жителей на освобожденной территории трудно описать словами. Цветы, улыбки, приветствия. А рядом, за Вислой, истекает кровью сердце Польши...

В роте говорят, что в бой за плацдарм на левом берегу в авангарде пойдет первый батальон 9-го пехотного полка. Одни завидуют тем, кто первыми ступят на многострадальную землю Варшавы, другие утверждают, что следующим будет легче переправляться через широкую водную преграду, когда на ее противоположной стороне уже есть наши войска. В действительности же все оказалось гораздо драматичней.

Тем временем мы занимаем Прагу и с нетерпением ждем боя. Местные жители не знают, чем нас лучше угостить. Один из них приглашает нас в гости.

Темноту обширного подвала освещает коптящая карбидная лампа. Собравшиеся произносят первые тосты.

- За победу! - провозглашает ефрейтор Калиновский.

- Прежде всего за наше Войско Польское и Варшаву! - перебивает его гостеприимный хозяин.

Зашумело в солдатских головах, и вот они бодро распевают "Оку". Заходят несколько соседей нашего хозяина, на столе появляются закуски и новые бутылки.

- Возьми стакан, выпей,- уговаривает меня Краковяк.

Но я по молодости лет еще не пил ничего крепкого. И на этот раз я остаюсь верен своему принципу.

В дверях подвала появляются новые солдаты и штатские. Среди прибывших командир нашего взвода. Все целуют и обнимают друг друга.

Постепенно песни и разговоры затихают, тут и там слышится похрапывание. В низком подвале нечем дышать, и я выхожу на свежий воздух. В колодце двора темно и пусто, на небе мерцают звезды. Из-за Вислы долетают приглушенные звуки выстрелов, на улице слышится топот множества ног. Через длинную темную подворотню выхожу на мостовую. Топот ног приближается - это солдаты первого батальона 9-го пехотного полка спешат к Висле, на переправу.

Изредка подает голос наша артиллерия. Немцы не отвечают. Вот начали переругиваться пулеметы. Ординарцы бегают во всех направлениях. Солдаты выходят из подвала, расспрашивают их о

положении на передовой. Те сообщают радостную новость:

- Наши уже на другом берегу Вислы.

- Где они высадились?

- Чуть выше разрушенного моста Понятовского.

- Это, вероятно, на Чернякуве! - предполагает кто-то. - Там еще держатся повстанцы. Может, удастся очистить Варшаву от гитлеровской нечисти?

- Рота, строиться! Получить хлеб и консервы! - кричит наш старшина.

Мы занимаем очередь и очень быстро получаем паек на пять дней - тушенку, хлеб и сухари. Командиры строят свои подразделения, а затем ведут их к Висле. Отчетливо вырисовывается противоположный берег. Направо в широком русле реки лежат искалеченные пролеты моста. Перед нами Чернякув. Его упорно обороняют остатки повстанческого отряда и солдаты нашего полка, под покровом ночи переправившиеся на левый берег.

Защитники небольшого плацдарма отстреливаются длинными очередями из пулеметов и автоматов. С нашего берега их поддерживает огнем артиллерия. Где-то в районе нынешнего музея Войска Польского тяжко грохочут танковые двигатели.

На противоположный берег переправляются новые подразделения нашего полка. Стараясь вести себя как можно тише, мы занимаем места в нескольких понтонах. Чтобы не выдать своего присутствия немцам, которые постоянно освещают ракетами русло Вислы, мы соблюдаем абсолютную тишину. С моста Понятовского веером разлетается над водой очередь трассирующих пуль. Осветительных ракет становится все больше. Прикрывая нас, бьет по немецкому берегу артиллерия.

Понтон благополучно достигает левого берега. Отовсюду веет трагедией. У самого берега Вислы, освещенные заревом пожаров, лежат убитые повстанцы. Пригнувшись, бежим от берега. Очереди трассирующих пуль прижимают нас к земле. Краковяк тащит запасные магазины и на чем свет стоит ругает немцев.

Наконец мы скрываемся в саду около какого-то здания. Везде полно людей. Особенно тесно в подвалах и коридорах. У солдат, которые прошлой ночью форсировали Вислу, пасмурные лица, у многих уже повязки. Какой-то офицер из первого батальона рассказывает капитану Олехновичу:

- Немцы целый день обстреливали плацдарм из автоматического оружия. Несколько раз мы отбивали атаки танков и самоходных орудий, но у нас так мало противотанковых пушек и ружей...

- Занять оборону! - приказывает капитан.

Выходим из переполненного здания. Под ногами трещит стекло. От Вислы тянет холодом и сыростью. Обстановка на плацдарме нервозная, командиры разыскивают своих людей. Немцы сумели определить, что сюда прибыли свежие силы, и не дают нам ни минуты покоя - минометный огонь беспрерывен.

- Берлинговцы, ищите какую-нибудь выемку, а то тут вам достанется! кричит молодой парень в "пантерке"{6}, со стэном{7}, висящим на шее.- Вот здесь хорошее место,- показывает он.

Мы оборудуем в указанном месте огневую позицию. Повстанец, помогая нам, рассказывает о боях с немцами.

- Как только рассветет, снова полезут в атаку,- заверяет он.

- Утром посмотрим, а сейчас отдохнем,- решает мой второй номер.

Укладываемся в неглубокой впадине, окруженной грудами развалин. Здесь жестко, как на твердой скале, но мы убеждены, что это место более безопасное, чем двор разрушенного дома, переполненного ранеными солдатами. Снаряды продолжают падать. Немцы простреливают занятый нами участок земли со всех сторон.

На рассвете просыпаемся от страшного холода. Открываем тушенку и вынимаем черные сухари.

- Чайку бы сейчас! - мечтает Краковяк.

- Полевой кухни на эту сторону Вислы пока еще не переправили,- насмешливо отвечаю я.

"Трах-трах-трах..." - разрываются мины.

- Вон там, слышишь, вроде танки? - оборачивается ко мне Зенек.

Я прислушиваюсь. Действительно, где-то за домами, с правой стороны кирпичного здания, работают моторы танков. Огонь неприятельских минометов и пулеметов усиливается. Краковяк поспешно запаковывает в рюкзак начатую банку тушенки, и мы готовимся достойно встретить врага.

Видны уже силуэты неприятельских солдат. Затарахтели наши станковые пулеметы, резко затрещали короткими очередями автоматы. Ну, теперь и наша очередь! Нажимаю на спусковой крючок. "Та-та-та-та..." - работает наш "Дегтярев".

- Драпают! - кричит Краковяк.

- Ура! - вырывается у наших солдат.

- Вперед, ребята, за Майданен! - кричит кто-то за углом.

- Бей гадов! - вторит ему Зенек.

Поднимаемся и бросаемся вперед. По бокам напирают товарищи. Перебегаем на противоположную сторону какой-то улицы. Влетаем в ворота частично разрушенного дома, а на

улице, за нашей спиной, уже кружатся в танце смерти трассирующие пули. Несколько наших солдат замешкались, перебегая улицу, и полегли, скошенные огненной очередью.

- Внимание, контратака! Занять круговую оборону! - приказывает молоденький хорунжий.

Дом сотрясается до основания. Везде полно известковой пыли. На одном из верхних этажей что-то с треском обрушивается. Кто-то пронзительно зовет на помощь во дворе.

Мы устанавливаем пулемет в подворотне. Рядом занимают позиции несколько солдат с автоматами и двое повстанцев с пистолетами в руках. Из окон верхних этажей слышны частые выстрелы. Стоящий в глубине слева дом загорается. Но вот и мы видим немцев. Я открываю огонь из пулемета. Мне вторят солдаты и повстанцы. С пражского берега яростно бьет артиллерия, но непосредственных результатов ее огня мы не видим: все застилает пыль и дым.

. В горле пересохло, глаза слезятся от известковой пыли, а немцы атакуют и атакуют. Мы отгоняем их огнем из автоматов. Все реже стреляют наши противотанковые ружья и пушки, а на третий день боя они и вовсе замолкают, поэтому гитлеровские танкисты наглеют. Уверенные в прочности двадцатисантиметровой брони "фердинандов", немцы подъезжают вплотную к мосту Понятовского и отсюда обстреливают плацдарм и пражский берег. А когда ниже моста переправляются товарищи из 8-го пехотного полка, немцам удается поразить несколько понтонов с войсками.

С каждым днем пребывание на маленьком клочке земли становится все более трудным. Защитников плацдарма остается все меньше. Не хватает боеприпасов, ощущаются трудности со снабжением. Раненые нуждаются в немедленной врачебной помощи, а оказать ее некому. В ожидании эвакуации в тыл они лежат в затхлых подвалах. Просят воды, а ее можно набрать в Висле только ночью. Они отдают себе отчет, что мы им ничем не можем помочь, поэтому умоляют только об одном о глотке воды. О, лучше было в те дни не заходить в подвалы и не смотреть на людские страдания...

Несколько дней пребывания на плацдарме приучили нас к немецкому распорядку дня.

До восьми утра обычно спокойно, только временами ухнет где-нибудь мина или прозвучит одинокий выстрел снайперской винтовки. Сразу же после восьми начинают обработку плацдарма минометы. Несколько минут ураганного огня - и немцы поднимаются в атаку. До обеда они предпринимают две-три попытки прорвать нашу оборону. Потом еще пару раз идут на

штурм наших позиций.

Наконец наступают сумерки. Освещаемые вспышками ракет и заревом пожирающих Варшаву пожаров, мы берем котелки и отправляемся за водой к Висле. Оставшиеся делят между собой последние сухари, чистят оружие и подсчитывают патроны в патронташах и вещмешках. Те, кто уходит за водой, возвращаются, как правило, па рассвете. Солдаты на огневых позициях дремлют, чутко вслушиваясь в ночную тишину в надежде уловить долгожданное тарахтенье "кукурузника". Однако обычно к нам попадает лишь малая толика из сбрасываемых боеприпасов и продовольствия. Это капля в море по сравнению с нашими потребностями...

С восьми часов следующего дня все повторяется сначала, чуть ли не с точностью лучших швейцарских часов. Только однажды этот порядок нарушило появление самолетов союзников. Они летели на небольшой высоте, чтобы сбросить груз для повстанцев. Немецкие зенитные орудия захлебывались от бешеного огня, а мы с завистью смотрели на висевшие в небе контейнеры: ни один из них не приземлился на наш плацдарм. Позже мы узнали, что повстанцам тоже не повезло: ветер отнес контейнеры в сторону и почти весь груз достался немцам.

Последние дни существования плацдарма самые драматичные. Немцы яростно атакуют, а нам уже почти нечем защищаться. Забираем последние патроны у раненых, оставив им по одному, Наша оборона уже не представляет собой сплошного рубежа. Из последних сил удерживаем мы несколько разрушенных кирпичных домов. Линия фронта проходит нередко по стене или потолку.

Роты несут огромные потери. Ранен капитан Олехнович. Вместе с ранеными и гражданскими мы теснимся на небольшом клочке земли, безжалостно простреливаемом с трех сторон. Все чаще слышатся разговоры о капитуляции. После семи дней ожесточенных боев у нас уже нет сил сдерживать натиск противника. А немцы, будто им мало огня автоматов, пулеметов, артиллерии и минометов, поджигают какие-то химические вещества, и ветер несет в нашу сторону едкий, удушливый дым...

Итак, капитуляция. В лучшем случае она означает неволю и бесчисленные мытарства, в худшем - гибель, а мне едва исполнилось шестнадцать лет. Так неужели придется сдаться в плен, и именно тогда, когда часть страны уже освобождена? Нет, ни за что на свете! И я решаюсь:

- Ну что, Краковяк, попытаемся вернуться на пражский берег, к своим?

- А как?

- Вплавь.

- Я плохо плаваю...

- Я тоже вырос не на Висле. Сбросим с себя все лишнее - ив воду. Как-нибудь доплывем.

- Ладно, продержаться бы только до вечера.

Вечером, почувствовав, что сопротивление на плацдарме слабеет, немцы меняют свой железный распорядок дня. Они почти непрерывно ведут ураганный огонь из пулеметов и минометов, а как только наступают сумерки, освещают местность ракетами. Ползем к Висле по-пластунски. Многие следуют нашему примеру. Ползти под огнем приходится довольно долго.

Наконец мы достигаем берега. Немного отдохнув, погружаемся в холодную воду. Перед этим сбрасываю с себя одежду, а конфедератку с пястовским орлом натягиваю поглубже на голову. Вода доходит уже до пояса. Экономя силы, стараемся идти по скользкому дну как можно дальше. Последние несколько шагов я делаю на цыпочках. Вот ноги уже не чувствуют дна, и я плыву. Над головой жужжат трассирующие пули, как бы указывая направление, в котором нам следует плыть. Слева, немного позади меня, плывет Краковяк. Снова темноту вспарывает огненная очередь. Вдруг я слышу впереди чей-то пронзительный крик: "Помогите! Помо..." - и все смолкло.

Мурашки пробегают у меня по спине, и я инстинктивно быстрее перебираю руками и ногами. Оборачиваюсь - перед глазами сразу встает горящая Варшава, а Краковяка поблизости не видно. Успокаиваю себя: раз не звал на помощь, значит, наверняка доплывет. Наконец впереди показалась темная полоска берега. Неуверенно опускаю ноги и нащупываю спасительное дно. Еще раз оборачиваюсь назад, ищу глазами Краковяка, но, кроме густо летящих над Вислой трассирующих пуль, на поверхности реки ничего не видно. Я жду до тех пор, пока не начинаю замерзать. "Доплывет",- упрямо внушаю я себе и медленно направляюсь к берегу...

Школа подофицеров

На пражском берегу меня встречают знакомым окриком:

- Стой, кто идет? Пароль?

- Свой, с плацдарма. Пароля не знаю.

Подхожу к нашим бойцам. Они набрасывают на меня плащ-палатку и отводят в землянку. Здесь уже сидят трое из нашей дивизии, которые переплыли Вислу несколькими минутами раньше.

Число возвращающихся из горящей Варшавы быстро растет. Подъезжает полевая кухня, и нам выдают по котелку горячего крупяного супа и по краюхе ржаного хлеба. Утром приносят чистое белье и... брюки. Остальное обмундирование получаем днем. К вечеру появляются двое офицеров и ведут нас в просторный подвал, превращенный в убежище.

- Некоторые из вас будут направлены на учебу в дивизионную школу младших командиров,- говорят они, записывая наши анкетные данные.

Я попадаю в число кандидатов. Ночью отправляемся пешком в Мендзыляс, Здесь на частных квартирах размещается дивизионный учебный батальон. Утром состоялся первый учебный сбор. От имени командования нас приветствует командир батальона капитан Дашков.

Вначале нам задают вопросы об образовании. Выясняется, что только один из нас закончил гимназию, остальные имеют низшее образование, а некоторые не успели даже закончить начальную школу.

К группе, в которой оказался я, подходит подпоручник.

- Хониксверт,- представляется он.- Вы назначены в мою учебную минометную роту, остальные - в пехотные и пулеметную. Минометная рота - лучшая в нашем батальоне.- Он улыбается и продолжает: - И если кому-либо дисциплина и военный порядок не по душе, пусть говорит об этом прямо. Потом будет поздно. До окончания курсов уйти от нас можно только через штрафную

роту. Это все, что я хотел сказать.

- Неплохо для начала,- ворчат бойцы.

Хозяйство минометчиков размещается на одной из вилл, частично разрушенной в ходе военных действий. В расположенном неподалеку от нее сарайчике устроили склад оружия, где хранятся ротные минометы. Учебный батальон состоит из курсантов, которые должны были через несколько дней закончить учебу, однако участие дивизии в боях за Варшаву перечеркнуло все планы, и программу обучения пришлось продлить еще на шесть недель. Обо всем этом мы узнали от командира взвода сержанта Фостаковского. Из вновь прибывших создают отдельную учебную группу, с тем чтобы мы прошли ускоренный курс вместе с курсантами-ветеранами.

Прежде чем расселить по квартирам, старшина роты придирчиво осматривает нас с головы до ног, проверяет снаряжение, а командиры взводов требуют сдать лишние боеприпасы и гранаты, запас которых был у каждого фронтовика. Нам достается заброшенная изба, без мебели, с выбитыми окнами.

Задача, поставленная перед нами командиром взвода, предельно ясна: к вечеру сделать нары и вставить стекла. Отправляемся на поиски необходимого материала. Из полуразрушенных и еще не заселенных домов притаскиваем двери, доски, оконные рамы. До поздней ночи при свете коптилок стучат топоры и молотки, визжат пилы. Постепенно изба приобретает жилой вид: уже готовы три табуретки и длинные нары. В печке весело потрескивают сухие щепки. Несколько раз к нам заглядывает старшина, по-видимому для того, чтобы убедиться, что мы не завалились спать, не закончив работу.

Жизнь в учебной роте отличается от жизни в строевых подразделениях. На первый взгляд распорядок дня один и тот же, с той лишь разницей, что обязанности командиров отделений и служб выполняют курсанты, поступившие в учебный батальон еще на Волыни. Нас они считают непрошеными гостями, по вине которых им продлили срок обучения. У каждого в кармане лежат капральские лычки, которые он готов в любую минуту пришить к погонам. Иногда ветераны высказывались довольно откровенно:

- Нас здесь оставили из-за вас. Мы уже капралы. С нами никто не церемонился, и вы от нас не ждите поблажек...

И они действительно не церемонились.

Помощником сержанта Фостаковского считался старший курсант Кропивщцкий, земляк моего подносчика Краковяка, среднего роста, широкоплечий, с изрытым оспой лицом. Его любимым занятием было освоение боевой техники. Война

требует, чтобы боец мастерски владел закрепленным за ним оружием. Это умение можно приобрести только путем постоянных, систематических тренировок. К радости Кропивницкого, в программе нашего обучения как раз много времени отводилось освоению техники. 82-мм миномет состоит из трех основных, довольно тяжелых частей - ствола, двуноги и опорной плиты. Все это расчет, состоящий из пяти человек, должен переносить во время боя на себе, выбирая темп движения в зависимости от конкретной обстановки. А Кропивницкий требовал, чтобы мы передвигались бегом.

- Расчет, бегом - марш! - командует он.

Бежим, развернувшись в цепь.

- Расчет, к бою!

Не успеваем установить миномет, как уже раздается новая команда:

- Сменить позицию! Бегом - марш! К бою! - И опять все сначала.

При третьей смене огневых позиций уже не хватает дыхания, при четвертой из-под каски ручьями течет соленый пот... Молодой курсант Миколай Бенецкий из Березы Картузской, участник боев под Ленино, угрюмо поглядывая на Кропивницкого, громко и сочно матерится.

- А где вы, гражданин старший курсант, были, когда я сражался на Мирее?

- Ложись! - слышится в ответ.- Ползком по-пластунски - марш!

- Ну, хватит, перерыв. Можно курить,- доносятся до нас спасительные слова командира взвода.

Усаживаемся в кружок, закуриваем. Усталость постепенно проходит. Появляется подпоручник Хониксверт. Из-под лихо сдвинутой на затылок пилотки торчат черные курчавые волосы.

- Видно, в хорошем настроении,- констатирует вслух командир взвода и бежит докладывать.

Подпоручник жестом разрешает сидеть, а поскольку некоторые уже встали, дополняет жест словами:

- Отдыхайте. Вас и так, наверное, загоняли. Поэтому, когда объявляется перерыв, бойцы должны отдыхать.

- Загоняли, да еще как,- ворчит кто-то из бойцов.

- Для того и школа, чтобы боец помнил ее всю жизнь. Знаете изречение: "Больше пота на учениях, меньше крови в бою"? О-о-о, вижу, что пулеметчики готовятся к учебной стрельбе,- подпоручник показывает рукой на отдаленный пригорок, возле которого стоит одиночная мишень, а в двухстах метрах от нее расположились пулеметчики со своими "максимами".- Мины есть?

- вопросительно смотрит он на сержанта Фостаковского.

- Есть, гражданин подпоручник.

- Установите один миномет возле тех кустов,

- Слушаюсь! Первый расчет - к бою! - командует сержант.

Быстро устанавливаем минометы, а курсант Адольф Тшечяк вынимает из голубого ящика боевую мину.

- Какая высота у их мишени? - спрашивает офицер.

- Метр семьдесят,- уверенно отвечает сержант.

Подпоручник приставляет к глазам бинокль, затем вынимает из полевой сумки листок бумаги и начинает что-то высчитывать.

- Шестьсот метров,- говорит он, направляясь к миномету. Он склоняется над визиром, быстро вращает поворотные ручки, еще раз смотрит в прицел, проверяя правильность установки уровня, и наконец произносит: - Мину!

Тшечяк подает. Офицер снимает перчатки, натягивает поглубже на голову пилотку и осторожно опускает мину в горловину ствола. Мы с интересом наблюдаем за его действиями. Курильщики даже погасили свои самокрутки. Воцаряется мертвая тишина - и тотчас же раздается грохот, миномет подпрыгивает, а из его ствола струится голубой дымок. Мы задираем вверх головы и ищем летящую в небе мину.

- Вон она! - показывает рукой Владек Кровицкий.

Вначале мина покачивает несколько раз стабилизатором то в одну, то в другую сторону, а затем устремляется вверх, как стрела, и исчезает в голубом воздушном пространстве.

Словно по команде переводим взгляд на одиночную мишень. Пулеметчики все еще продолжают возиться возле своих "максимов". Но вот в том месте, где стоит мишень, появляется облачко черного дыма. Вверх взлетают комья земли. До ушей долетает грохот взрыва. Ветер рассеивает дым - мишени не видно.

- Ну и врезал...- слышен отовсюду восхищенный шепот молодых курсантов.

Только спустя некоторое время командир роты поворачивается к нам:

- Теперь все убедились, что такое наш батальонный миномет. Неплохая штука, верно, ребята?

- Так точно, гражданин подпоручник,- отвечаем хором.

Офицер достает из кармана портсигар, вынимает сигарету, прикуривает и делает несколько глубоких затяжек.

- Немцы утверждают,- продолжает он,- что у нас хорошие артиллеристы, по плохие минометчики. Однако мы сделаем из вас таких специалистов, что им придется изменить о нас свое мнение, впрочем, как и пулеметчикам, до которых, наверное, уже дошло, кто у них под носом уничтожил мишень. Теперь

перестанут подшучивать над нами.

На следующий день снова занятия по освоению техники, только на этот раз их проводит не старший курсант Кропивницкий, а командир взвода. Перед выходом на местность получаем полевой бинокль па двоих, бумагу и карандаши. Кроме того, нам выдают деревянный метр, с помощью которого можно измерять расстояния. Сержант начинает занятия с устройства бинокля и с методов вычисления с его помощью расстояний до различных объектов, расположенных на местности. Называет высоту телеграфного столба, одноэтажного и двухэтажного домов, а мы должны высчитать расстояние до этих объектов с помощью бинокля, спичечной коробки и удаленного на полметра от глаз карандаша. Поначалу допускаем немало ошибок, однако с каждым разом ориентируемся все лучше, и курсанты, которые проверяют метром подаваемые нами расстояния, фиксируют все меньше и меньше расхождений. Затем полученные результаты пересчитываем на данные, необходимые для стрельбы. Благодаря неоднократным тренировкам каждый расчет превращается в дружный слаженный коллектив. Затем учимся заменять друг друга, и теперь, пожалуй, можем уже быть капралами.

В роте все чаще поговаривают о выпускных экзаменах. Сдавая в стирку белье, мы отпарываем тесемки, чтобы было из чего сделать лычки на погоны. Наконец в один из дней на щите, где обычно вывешивалось расписание занятий, появляется надпись большими неровными буквами: "Расписание экзаменов".

На экзаменах нам предстоит продемонстрировать свои знания и умение по таким дисциплинам, как огневая подготовка, владение техникой, топография, ветеринария. Дальше не читаю. Ведь ветеринарию мы в школе не проходили! Тотчас же делюсь своими опасениями с товарищами. Мой знакомый по партизанскому отряду курсант Тадеуш Лобановский, родом из деревни, пытается успокоить меня:

- Надеюсь, где у лошади голова, а где хвост, сумеешь отличить?

- Думаю, что сумею, но будет ли этого достаточно?

Я все-таки ужасно боюсь экзамена по ветеринарии. Поэтому войдя в комнату, где заседает экзаменационная комиссия во главе с женщиной - ветеринарным врачом, уже с порога неожиданно для себя заявляю:

- Гражданин поручник, я не из деревни и в лошадях не разбираюсь.

- Ничего,- успокаивает она по-русски.- Сколько килограммов овса полагается лошади в сутки?

- Наверное, четыре,- неуверенно отвечаю я.

- Отметку тоже получите четыре. Вот и весь экзамен.

Едва сдерживаю себя от радости. Щелкаю каблуками, поворачиваюсь и вылетаю во двор словно на крыльях.

Завтра огневая подготовка. Все расчеты стреляют одновременно. Командует подпоручник Хониксверт. Мы уверены, что все будет в порядке. Первая часть экзамена состоит из рытья окопов для себя и оборудования позиций для минометов. В это время сержант Хофман вместе с несколькими ветеранами устанавливает мишени и макеты боевой техники, которые мы должны поразить. Комиссия во главе с командиром учебного батальона осматривает вырытые окопы, и мы все получаем по саперному делу оценку "хорошо". Немного не дотянули до пятерки - подвела маскировка.

Подъезжают автомашины с боеприпасами. Каждый расчет получает по двадцать мин. Экзаменационная комиссия располагается на наблюдательном пункте, оборудованном на пригорке. Офицеры вынимают из футляров бинокли, а мы дрожащими руками проверяем визиры. Пристрелку начинает правофланговый расчет. Первая мина - недолет. Внимательно слушаем громкие команды командира роты, чтобы моментально установить нужный прицел и угол наклона ствола. Вторая мина попадает точно в цель. И вот звучит долгожданная команда:

- Рота, четыре беглым - огонь!

Раздается залп. На мгновение воцаряется тишина. Мины летят где-то в воздухе по направлению к цели. Через минуту доносится грохот взрывов, дьм окутывает мишени. Смена очередности в расчетах. Теперь первым стреляет второй миномет. Командир роты потирает от радости руки: мы поражаем мишени одну за другой. Наконец грохот утихает. Комиссия направляется к мишеням. С нетерпением ждем оценок строгих экзаменаторов.

- Возвращаются! - слышен возглас командира расчета правофлангового миномета.

Впереди шагает командир учебного батальона. Не доходя несколько шагов до огневых позиций, он кричит:

- Хониксверт, покажи курсантам мишени, пусть посмотрят, как стреляли.

- Слушаюсь, гражданин капитан! Рота, в колонну по четыре, стройся! За мной, шагом - марш! - громко командует командир роты.

Выскакиваем из окопов и ускоренным шагом направляемся туда, где только что взорвались мины. Подходя к мишеням, чувствуем, как ноздри щекочет резкий запах Сгоревшего тола. Внимательно осматриваем их. Некоторые разбиты вдребезги. С удовлетворением констатируем, что нет ни одной, которую бы не

задели острые осколки мин. Лицо подпоручника расплывается в довольной улыбке, мы тоже не скрываем радости.

Возвращаемся на огневые позиции с громким пением. Завтра отправимся в свои части, обогатившись новыми знаниями.

Перед ужином до нас доходят первые, пока еще не официальные слухи о повышениях. Больше всех радуется курсант Миколай Бенецкий, которому, как говорят, должны присвоить звание старшего сержанта. О себе я так и не смог ничего узнать. Старший курсант Кропивницкий явно недоволен: ожидал большего.

- Это какое-то недоразумение,- возмущается он.- Капралом я мог быть и шесть недель назад, когда вы только прибыли в школу.

На вечерней поверке узнаем официально, кто на какую оценку сдал и кому какое присвоено звание. Критерии взяты следующие: отличная оценка - старший сержант, хорошая - сержант, удовлетворительная - капрал. С завтрашнего дня я сержант.

На утренней поверке рота выстраивается не по ранжиру, как было до сих пор, а в соответствии с воинскими званиями. Обед устраивают раньше обычного, и он носит торжественный характер. Заместитель командира дивизии горячо, сердечно поздравляет нас с окончанием школы и присвоением новых воинских званий и выражает уверенность, что мы поможем обучать прибывшее к нам пополнение. Желает нам успехов в боях за освобождение из-под гитлеровской оккупации оставшейся территории страны. Заканчивая свою речь, он заявляет, что часть из нас останется в учебном батальоне еще на три дня и познакомится в общих чертах с политико-воспитательной работой, с тем чтобы, вернувшись в свои части, выполнять обязанности заместителей командиров взводов по этим вопросам.

На трехдневные курсы оставили и меня. Не успели мы попрощаться с товарищами по учебе, как и эти курсы уже закончились. Нас научили проводить политинформации и очень важную во время войны ежедневную информацию о событиях на фронтах. Теперь я знаю, что младший командир по политико-воспитательной работе обязан следить за тем, чтобы каждый боец получал все, что ему полагается, и, если потребуется, личным примером поднять бойцов в атаку. "Завоевать доверие солдат - самое трудное дело в политико-воспитательной работе" - эти слова последней лекции запали в душу навсегда. Я повторял их как заповедь, покидая учебный батальон и направляясь в 8-й пехотный полк.

В обороне

Группу выпускников дивизионной школы младших командиров, которая направляется в Зомбки, под Варшавой, где расквартирован 8-й пехотный полк, возглавляет старший сержант Миколай Беднарчук. Наше появление вызывает в штабе полка небольшое замешательство - среди нас слишком много минометчиков и мало пехотинцев. В полковую батарею 120-мм гаубиц не берут никого. Повезло только сержанту Квятеку и капралу Кропивницкому - они попадают в роту 82-мм минометов. Остальных направляют в пехотные роты.

Я получил назначение в четвертую роту на должность заместителя командира взвода по политико-воспитательной работе при 55-мм гранатометах. Этот вид оружия заменяет минометы. Командует ротой подпоручник Францишек Тшаска, а должность заместителя командира роты по политико-воспитательной работе, погибшего в Варшаве, занимает временно старший сержант Казимеж Добротливы.

Пока полк находится во втором эшелоне. Каждый день мы роем окопы углубляем и расширяем оборонительный рубеж армии. Ночью несем караульную службу. На улице становится все холоднее. Дом, в котором мы разместились, наполовину пуст - часть жителей покинула его. Однажды в поисках бумаги для стенной газеты я забрел на чердак и обнаружил там настоящий склад мебели. С разрешения командира роты в одной из больших свободных комнат мы оборудуем красный уголок, за что получаем благодарность от командира батальона. В красном уголке тепло и уютно. Я слежу за тем, чтобы на столах всегда лежали свежие номера газеты "Звыченжимы". Здесь я впервые провожу беседу по заранее подготовленному конспекту. Знаю, что солдаты ждут от меня живого, искреннего слова, но я на это пока не решаюсь.

В Зомбках мы надолго не задержались. Полк перебросили в первый эшелон. В одну из ноябрьских ночей мы сменяем части 1-го пехотного полка в районе Свидры, Нове-Хенрикув. Передний край нашей обороны проходит вдоль дамбы по правому берегу Вислы. В наследство от костюшковцев мы получили многочисленные землянки, в которых солдаты быстро устраивают свое немудреное хозяйство.

Между Хенрикувом и передним краем обороны тянутся напичканные минами картофельные поля. Из района Буракова, где засели немцы, наш оборонительный рубеж хорошо просматривается, а эти поля особенно. Стоит кому-нибудь неосмотрительно забрести туда днем, как немцы немедленно открывают артиллерийский огонь. Как-то пришлось в этом убедиться и мне.

В первый же день я с несколькими бойцами отправился на наблюдательный пункт к артиллеристам. Внимательно рассматривая немецкий берег в стереотрубу, я вдруг отчетливо увидел смотровую щель бункера, расположенного в дамбе на противоположном берегу Вислы.

Немедленно докладываю о своем открытии командиру роты и прошу разрешения обстрелять обнаруженный блиндаж из гранатометов. Офицер разрешает, но сомневается, долетят ли до него наши "хлопушки".

- Долетят, гражданин подпоручник,- уверенно отвечаю я.

- Тогда давайте. Передайте командиру взвода, чтобы он сам руководил стрельбой.

- Слушаюсь!

Устанавливаем гранатометы у основания дамбы. Угол наклона ствола - 45 градусов, максимальная дальнобойность - восемьсот метров. Командир взвода гранатометчиков, советский офицер подпоручник Николай Максимец внимательно наблюдает за тем, как мы со старшим сержантом Николаем Бенецким готовим гранатометы к стрельбе. Когда я докладываю ему, что все готово, он жестом разрешает открыть огонь. Становимся на колени возле гранатомета, я тщательно прицеливаюсь, Николай вставляет в ствол гранату... и она летит в сторону немецких позиций.

Следим за смотровой щелью гитлеровского бункера: куда ударит граната? И видим: долететь-то она долетела, только ушла немного вправо. Не успел я сообразить, что надо сделать, чтобы накрыть цель, как услышал: "Ноль-двадцать - вправо". Это командир взвода, не отрывая глаз от полевого бинокля, корректирует огонь. Пока я меняю прицел, рядовой Винценты Туль пишет на очередном снаряде: "За Варшаву!", который тут же вылетает из ствола.

- Попали! Попали! - раздается сразу несколько голосов.

- Пять гранат беглым огнем! - кричит подпоручник.

Теперь моя очередь стрелять. Почти машинально вставляю в ствол гранатомета одну гранату за другой. С нетерпением ждем результатов. Однако ни одна из них не долетает до цели. Еще одна попытка - и снова недолет. Командир объявляет отбой.

- Слишком большое расстояние, не долетают,- говорит он с сожалением.

Спустя несколько дней сдаем на склад гранатометы как непригодные для боя в конкретной ситуации, тем более что вскоре фронт на Висле должен перейти в решительное наступление. Уходит из взвода и командир гранатометчиков, а в родную роту переводят на вакантные должности минометчиков.

Меня назначают заместителем командира первого пехотного взвода. Командиром у нас хорунжий Ежи Рыхерт, родом из Гдыни.

В начале декабря командиром нашего, второго батальона 8-го пехотного полка вместо майора Дроздова назначили майора Александра Коропова, а его заместителем по политико-воспитательной работе - хорунжего Кароля Роека.

Хорунжий начинает свою деятельность с совещания с заместителями командиров рот. Поскольку старший сержант Добротливы заболел, на совещание приходится идти мне. Штаб батальона размещается в Хенрикуве. Чтобы сократить путь, я направляюсь напрямик, через поля. Не успел удалиться от дамбы, как откуда-то с немецкой стороны загрохотала пушка и над моей головой со свистом пролетел снаряд. Он разорвался на окраине местечка. По кому это немцы открыли огонь? Ведь на поле, кроме меня, никого нет. На всякий случай прибавил шагу. Снова загрохотала пушка. Пронзительный свист - и летящий снаряд обдает меня горячей волной, а в нескольких метрах впереди меня взлетают вверх комья земли. Машинально падаю на землю. В воздухе свистят осколки. И только тут до меня доходит, что это по мне ведут немцы прицельный огонь. Вскакиваю и бегу что есть духу назад, к дамбе. На левом берегу Вислы гремит орудийный залп, а над моей головой с дьявольским воем пролетают снаряды. Я падаю, опять бегу и опять падаю. Совершенно обессиленный, влетаю в ближайшую землянку соседней роты. Земля дрожит от рвущихся снарядов. Здесь чувствую себя уже в безопасности. Хватаю ртом воздух и с минуту отдыхаю.

- Ну что, напугали тебя фрицы? Не будешь в другой раз сокращать путь,шутят товарищи.

- Вы же... видели,- отвечаю я, едва переводя дыхание.

- Вчера на тропинке возле ив они первым же залпом накрыли патруль связистов. Ни один не остался в живых. А ты, наверное, за картошкой собрался? - не унимаются хозяева землянки.

- Нет, в штаб батальона,- пытаюсь я объяснить свой риск.

- Лучше иди вдоль дамбы до Пекелка. Там увидишь траншею, по ней доберешься почти до самого Хенрикува,- советуют они мне.

Выхожу из землянки. Немцы уже не стреляют. Наученный горьким опытом, я направляюсь в штаб батальона той дорогой, о которой мне говорили товарищи.

Спрашиваю у часовых, где найти заместителя командира батальона хорунжего Роека. Те показывают на одноэтажный кирпичный домик с выбитыми стеклами. У входа в подвал стоят несколько молодых офицеров. Один из них спрашивает меня, не

из четвертой ли я роты.

- Так точно,- отвечаю я.

- Заходите! - жестом приглашает он всех в подвал, тускло освещенный фронтовой коптилкой, сделанной из гильзы артиллерийского снаряда.

- Садитесь,- предлагает зычным голосом заместитель командира второго батальона по политико-воспитательной работе.- Я прибыл сюда вчера и принял дела от хорунжего Шкоды. Давайте знакомиться. Хотелось бы узнать от вас, что слышно в ротах. Начнем, пожалуй. Что может сказать по этому поводу, например, четвертая рота?

Вскакиваю с места и молчу, словно у меня отнялся язык. Я не готов к докладу, да и не знаю, что в таких случаях положено докладывать.

- А, это вы,- узнает меня хорунжий. И неожиданно выручает из затруднительного положения: - Садитесь. Пусть начнет пятая рота.

- Нет еще никого из пятой роты,- отвечает кто-то с задних рядов.

- Да и дисциплины тоже, наверное, нет,- бросает с упреком хорунжий Роек.В таком случае начинайте вы, гражданин хорунжий,- показывает оп пальцем на невысокого полноватого офицера.

- Хорунжий Миколай Беднарчук. Вторая пулеметная рота,- четко докладывает тот.

Я смотрю на него и удивляюсь, как быстро меняются люди. Ведь мы только что вместе закончили школу младших командиров, а Беднарчука не узнать - настоящий командир.

Офицеры докладывают четко и коротко, а я внимательно слушаю. Касаясь недостатков, заместители командиров рот говорят в основном об одном и том же: о нехватке теплого белья и необходимости сменить износившуюся обувь, о том, что не выдали антифриз для пулеметов и что газета "Звыченжимы" слишком мало пишет о жизни семей бойцов, оставшихся в СССР, и т. д.

Да, у заместителей командиров по политико-воспитательной работе хватает забот. Они должны не только дать ответы на все эти вопросы, но и в случае необходимости помочь разрешить их.

В заключение выступает хорунжий Роек. Будто подтверждая мои мысли, он говорит о том, что место политработника там, где солдату труднее всего. Временная оборона за широкой рекой создает видимость безопасности, в результате чего бойцы внутренне расслабляются, думают о доме, о том, что им дает земельная реформа.

- Я видел сегодня,- продолжает он,- группу солдат, которые от безделья слонялись по покинутым домам в поисках оставленного гражданским населением имущества. Надо таким любителям легкой наживы дать по рукам и бросить их на строительство дополнительных оборонительных рубежей. Имеются трудности с обеспечением продуктами. Мы привыкли есть мороженую картошку, но нельзя допускать, чтобы на этом наживались нечестные люди. Политработники должны присутствовать при раздаче пищи. Кроме того, па нашем батальонном продовольственном пункте следует установить дежурства силами младшего политсостава.

Необходимо помнить и о том, какая важная вещь письма от родных. Это недопустимая халатность, когда они лежат по нескольку дней в штабе батальона. Вот эта пачка писем только из одного подразделения.- Хорунжий Роек берет в руки треугольное письмо и читает: - "Полевая почта 55503 "Ж". Это чья рота?

- Четвертая,- услужливо подсказывает кто-то сзади.

- Возьмите, сержант, за бока вашего ротного писаря, пусть он каждый день приходит сюда и забирает письма.

- Слушаюсь! - отвечаю и чувствую, как кровь бросилась мне в лицо.

- Кроме того, ежедневно примерно в шестнадцать часов я хочу видеть у себя каждого из вас с письменным рапортом о настроениях солдат, о мероприятиях, проведенных политработниками за прошедшие сутки, о действиях противника и действиях подразделения, о потерях и степени обеспечения всем необходимым. Это все, что я хотел сказать. Есть ли у кого-нибудь вопросы? - Роек окидывает взглядом собравшихся, садится за стол и поправляет фитиль коптилки, которая начала чадить.

Встает сидящий позади меня офицер:

- Я о газетах. Мы получаем их очень мало. В роте все курят и используют для самокруток немецкие листовки со всякими гадостями. Пусть лучше пользуются нашими газетами. В них, по крайней мере, можно вычитать для себя что-нибудь полезное.

- Вы правы. Постараемся, чтобы наших газет было больше.

Атмосфера разряжается.

Наконец первое в моей жизни совещание офицеров подходит к концу. Выходим из теплого подвала. Лица обжигает морозный воздух. На небе мерцают звезды. С линии фронта доносится орудийная перестрелка. Минуту прислушиваемся и шагаем гурьбой в сторону нашего оборонительного рубежа. Дамба все ближе и ближе. Каждую минуту кто-то откалывается от группы, направляясь в свою роту. Моя находится на правом фланге батальона, поэтому последний отрезок пути преодолеваю в

одиночестве, размышляя о том, что услышал на совещании у хорунжего Роека. Откровенно говоря, рассчитываю на то, что старший сержант Добротливы скоро выздоровеет,..

Поскольку я захватил с собой пачку писем, заглядываю вначале в землянку командира роты, которая служит одновременно канцелярией и складом нашего подразделения.

- Вот, принес письма,- протягиваю я командиру роты.

- Гладзюк, возьми почту,- отдает он распоряжение писарю.- И дай ему круг колбасы,- добавляет он ни с того ни с сего.

- За колбасу спасибо. Надеюсь, что ребята не забыли оставить мне поесть.Я отдаю честь и направляюсь к себе.

Из дымохода моей землянки струится белый дым. Внутри тепло и шумно - у нас гости. Это сержант Владислав Кровицкий, с которым я вместе кончал школу младших командиров. Обязанности хозяина выполняет сержант Станислав Багиньский из нашего пулеметного взвода, который в свое время сбежал из армии Андерса, когда она собиралась покинуть территорию СССР. Сердечно приветствую Владека, а Станислав чересчур возбужденно предлагает:

- Может, выпьешь немножко? Замерз, наверное.

Отрицательно качаю головой.

- Не теряй напрасно времени,- говорю тоном хорунжего Роека.- Сегодня выпьешь, а как завтра будешь стрелять? Дайте, ребята, лучше супу. Я голодный как волк...

- Нет так нет, уговаривать не буду,- смиренным голосом отвечает Багиньский.

- Пожалуйста! - подает мне котелок капрал Стефан Олейник.

Уплетая суп, поглядываю на бойцов. Больше всего попахивает от рядового Туля, который вместе с капралом Олейником должен заступить ночью на пост у пулемета. Чтобы согревать замерзающие на морозе руки, Туль решил взять с собой чугунный котелок с раскаленными углями. Поэтому сейчас он старательно выгребает их из печки.

Укладываюсь спать. Спустя минуту возвращаются те, кто нес дежурство у пулемета. Они греют у огня руки и тоже ложатся спать. Под бревенчатым потолком завывает ветер. Засыпаю...

- Ха-ха-ха! - будит меня громкий смех.

Дверь в землянку открыта, из нее пробивается яркий свет и тянет холодом. Я быстро вскакиваю и выбегаю наружу. Рядовой Туль в прожженных сзади брюках катается по снегу, который за ночь покрыл всю землю. Мы не можем сдержать смеха, а пострадавший отчаянно вопит:

- Помогите!

На его призыв прибегают санитары с носилками, но, увидев

хохочущих солдат, замедляют шаги: а вдруг кто-то пошутил? Наконец замечают лежащего в снегу человека и подбегают ближе. Сержант Анджей Гжещак торопит их:

- Эй вы, "катафальщики", поскорее помогите ему!

И вдруг - трах! - артиллерийский снаряд падает прямо в то место, где ночью несли дежурство Олейник с Тулем. Укрываемся в землянках, и снова раздается: "трах-трах!" Это рвутся на дамбе немецкие снаряды. Спустя некоторое время опять воцаряется тишина. Видимо, немцы решили прощупать нас.

Через несколько дней мы забываем об этом инциденте, и жизнь входит в привычную колею. "Рана" у Туля зажила, и он даже доволен, что все так случилось - получил новые брюки.

Нас переводят во второй эшелон полка. Занимаем район, в который входит более десятка домов, расположенных примерно в двух километрах севернее Хенрикува. Ежедневно проводим учения: отрабатываем действия ударных групп в большом городе, а я в часы, отведенные новым командиром роты, хорунжим Збигневом Скрентковичем из Тернополя, провожу политинформации по материалам газет и контролирую вместе с ним раздачу пищи. После обеда хожу к хорунжему Роеку с письменным рапортом: старший сержант Добротливы все еще находится на излечении в госпитале. Тот, если не очень занят, задерживает меня и рассказывает о народной Польше, которую мы построим после победоносного окончания войны. Рассказывает интересно, убедительно, и я очень люблю его слушать.

Случаются у нас и свои радости. Так, в один из дней мы получаем теплое белье и меховые безрукавки, а после обеда смотрим выступления артистов дивизионного театра.

Приближается рождество. Ходят слухи, что мы должны получить посылки от гражданского населения. Чего только мы от них не ждем!

Как и прежде, ежедневно являюсь к хорунжему Роеку. После очередного моего рапорта вижу, что он сегодня необычно серьезен, что его что-то терзает, видимо, у него какие-то неприятности.

- Можно идти, гражданин хорунжий?

- Нет. Задержитесь на минуточку.- Офицер подходит ко мне, кладет на плечо руку и, глядя прямо в глаза, говорит отрывисто, дрожащим голосом: - Сегодня судили за дезертирство бойца из нашего батальона...

Наконец наступает долгожданное рождество. В каждом доме на видном месте устанавливаем елки и украшаем их чем только можно - аппликациями из бумаги, пустыми гильзами. После

обеда вместе с командиром роты отправляемся в штаб полка за посылками для бойцов. Перед избой, где их выдает по разнарядке подпоручник Виктор Красовицкий, толпится очередь. Погрузив подарки от гражданского населения в машины, мы разъезжаемся по своим подразделениям. На обратном пути забираем трех бойцов - пополнение нашей роты. Они уже получили посылки и с удовольствием что-то уплетают - чувствуется запах домашней колбасы с чесноком. Подъезжаем к дому, в котором размещается "хозяйство" Скрентковича. На небе уже мерцают первые звезды. Командир торопит с разгрузкой. По старому польскому обычаю мы раскладываем посылки под елкой.

Из батальона возвращается писарь с двумя солдатами, которые несут в плащ-палатках рыбные консервы - по одной банке на каждого,- и начинается фронтовой рождественский ужин. Командир роты называет по книге учета личного состава фамилии, а хорунжий Скренткович вручает каждому бойцу посылку и банку рыбных консервов, крепко пожимает руку и желает скорейшего окончания войны и возвращения домой. Шуршит бумага, доносятся радостные возгласы. Одному достались толстые вязаные носки, другому - шерстяные рукавицы или шарф, а в них - обязательно письмо. И в каждом одна и та же просьба - поскорее освободить родину...

Сколько радости доставили нам эти искренние, написанные от всего сердца строки! И вот уже задорно звучат слова солдатской колядки:

Сегодня на фронте,
Сегодня на фронте радостная новость:
Тысяча бомбардировщиков,
Тысяча бомбардировщиков летит на Берлин.
Берлин горит, Гамбург рушится,
Русские стреляют, фрицы убегают...

В разгаре веселья дверь неожиданно распахивается и появляется группа офицеров из штаба полка и батальона. Они дают нам возможность допеть колядку до конца и только после этого поздравляют нас с праздником и желают скорейшей победы. За полночь. Иссякли запасы выделенной нам на рождество водки, стихает праздничное веселье, и мы отправляемся спать.

На следующий день занятий нет, и мы отдыхаем. Хорунжий Рыхерт набирает добровольцев для ночной вылазки за "языком". Желающих много. Он выбирает восемь человек, в том числе меня и одного из трех бойцов, только что прибывших в роту. На вид ему, самое большее, лет восемнадцать. На совсем еще юношеском лице едва пробиваются редкие черные усики.

Погода нам благоприятствует. На улице стоит сильный

мороз. Висла покрылась толстым ледяным покровом. Мы надеваем маскировочные халаты и аккуратно обматываем бинтом автоматы, чтобы они в нужный момент не отказали и их не было заметно.

Плащ-палатки, в которые нужно будет завернуть пойманных немцев, перекрашиваем в белый цвет.

- Теперь мы совсем напоминаем привидения,- шутит Бенецкий.

- После обеда выступаем на передовую. Некоторое время ведем наблюдение за немецким берегом. За дамбой кое-где поднимается вверх белый дымок.

- Греются, сволочи,- догадался старший сержант.

Хорунжий Рыхерт ставит задачу. Первыми пойдут старший сержант - опытный боец, участник восстания - и новенький со смешными усиками. Как только стемнеет, полковые орудия займут огневые позиции на правом берегу Вислы и огнем прямой наводкой будут прикрывать наше возвращение с неприятельского берега.

Наступает ночь. На небе ни тучки. Мороз крепчает. Командир батальона напоминает, что действовать надо быстро, решительно и бесшумно. Снимаем с предохранителей автоматы. Двое разведчиков перелезают через дамбу. Мы выжидаем с минуту и отправляемся следом за ними. Перед нами - прибрежные кусты, в них прячутся паши дозоры. И вдруг где-то совсем рядом вспыхивает яркий огонь и раздается мощный взрыв.

- Скорее, вперед! - едва узнаю я взволнованный голос хорунжего.

Раздвигаем заросли и слышим чей-то стон. Впереди копошатся две белые фигуры.

- Нога, не могу идти, помогите, ребята...

- Подорвался на мине,- поясняет старший сержант.

- Не успел, бедняга, попасть на фронт, как уже отвоевался,- сожалеет капрал Вацлав Павляк.

- Быстро отнести раненого - и вперед,- приказывает хорунжий.

В ожидании возвращения товарищей мы сидим не двигаясь и дрожим от холода.

- Да, плохое начало...- ворчит Кровицкий.

- Зато конец будет хорошим,- перебивает его Рыхерт.- Сержант Кровицкий, назначаю вас вторым дозорным. Можете идти.

Спустя некоторое время по протоптанной дорожке отправляемся и мы. Кусты редеют, и мы делаем первые неуверенные шаги по покрытой льдом Висле. Здесь уже мин нет,

и каждый выбирает себе свою тропинку. Немецкий берег все ближе. Слева над Варшавой взлетают вверх стайки трассирующих пуль. Вокруг тишина, лишь где-то позади нас потрескивает лед.

На минуту останавливаемся, чтобы осмотреться. "Наверное, уже прошли середину реки",- мысленно прикидываю я. Впереди нас все отчетливее вырисовывается немецкий берег. Через несколько шагов, следуя примеру идущих справа от меня бойцов, ложусь на лед. Внимательно прислушиваясь к каждому шороху, упрямо ползем вперед.

Вдруг прямо перед нами взлетает вверх осветительная ракета. Хотя ледяная гладь Вислы ровная как стол, прижавшихся к ней белых фигур не видно. "Да, фрицы начеку",- невольно отмечаю я, а движения мои почему-то становятся вялыми, медленными. Страх помимо воли парализует меня.

Чем ближе немецкий берег, тем интенсивнее работает воображение. Стоит такая тишина, что даже ушам больно. Продвигаюсь вперед еще на несколько метров и снова прислушиваюсь. С той стороны, куда мы ползем, доносится грустная мелодия. "Выпили шнапса и мечтают о том, что принесет им новый, 1945 год",проносится в голове. Скорее бы кончалась эта вылазка за "языком"...

С немецкого берега слышится лязг металла, резко хлопают ракетницы. С грохотом взрываются гранаты, им вторит яростный лай пулеметов. Над нашими головами то и дело пролетают огненные очереди. Становится светло как днем. Мы знаем, что белые маскировочные халаты делают нас почти невидимыми, но все равно плотнее прижимаемся ко льду и замираем. Сердце стучит в груди словно молот кузнеца, а пальцы, готовые в любую минуту нажать на спусковой крючок, нервно сжимают автомат. Но командир спокоен, и это помогает мне взять себя в руки. Пули немецких пулеметов и автоматов пролетают над уткнувшимися в лед бойцами, но страх постепенно улетучивается, уступая место трезвому расчету. "Видимо, немцы нас пока еще не обнаружили, и причиной этой яростной пальбы являемся не мы",- убеждаю себя.

Стрельба несколько приутихла, и снова наступила мучительная тишина - даже гармошки не слышно. По-прежнему пристально всматриваюсь в немецкий берег и вдруг замечаю, что кто-то ползет в нашу сторону. После долгих как вечность, томительных минут ползущая фигура достигает нашей цепи. Это один из дозорных, только кто именно - не могу различить.

Еще с полчаса ждем второго дозорного. Однако его все нет и нет. Ждать дальше бесполезно, и мы отправляемся в обратный путь. Достигнув середины реки, мы почти дома и идем уже не пригибаясь. Только теперь я замечаю, что среди нас нет старшего

сержанта, повстанца.

Наконец добираемся до своей землянки. Хорунжий Рыхерт докладывает командиру батальона:

- "Языка" взять не удалось. Потеряли старшего сержанта...

- Плохо,- перебивает его майор Коропов,- завтра пойдете еще раз. А теперь возвращайтесь в роту.

Возле землянки собралась большая группа бойцов. Каждый хочет поподробнее узнать, что произошло.

- Чего пристали? - раздражается Рыхерт.-Идите сами - и все узнаете. Пошли, ребята!

Кровицкий по дороге рассказывает:

- До немецкого берега доползли вместе. Осторожно вскарабкались наверх и через несколько метров наткнулись на заграждения из колючей проволоки. Начали проделывать в них проходы. Оставалось совсем немного, и путь был бы свободен. Тогда старший сержант приказал мне вернуться и подождать вас. Я пополз назад. И вдруг зазвенел какой-то железный предмет, подвешенный к проволоке. А потом... Потом начался настоящий ад. От разрывов пуль и снарядов сразу стало светло как днем. Я лежал, прижавшись к земле, боялся даже пошевелиться. Когда стрельба немного утихла, добрался до вас. Наверное, убит старший сержант...

Больше мы уже к этой теме не возвращаемся. Молча шагаем в направлении Хенрикува. Около поселка нас догнала повозка, па которой ехал сержант Юзеф Немец. Попросили подвезти. Услышав, что мы возвращаемся с неудачной вылазки за "языком", он смеется:

- Как вы знаете, моя фамилия Немец. Считайте, что захватили меня в плен. А начальству скажете: "Задание выполнено. Ходили за немцем, а привели Немца".

Но нам не до шуток - один товарищ ранен в ногу, а другой остался на неприятельском берегу... Утешает только мысль, что следующая вылазка будет удачной.

В освобожденной Варшаве

Однако идти за "языком" нам больше не пришлось. Был получен приказ о перегруппировке войск, и в ночь на 6 января наш полк перебазировался в район Гоцлавка, передав свой участок обороны домбровщакам. Здесь почти в течение недели пополняемся всем необходимым для готовящегося большого наступления. Настроение у всех приподнятое. С нетерпением ждем приказа, чтобы двинуться на запад и окончательно изгнать немцев с территории Польши и победоносно закончить войну.

Наконец долгожданный день наступления пришел. Ночью покидаем скрытно Гоцлавек и, соблюдая все меры

предосторожности, включая маскировку, совершаем ночной марш в направлении населенного пункта Колбель. От сильных морозов мерзнем изрядно, а костры разводить запрещено: недалеко Висла, а за ней немцы. Единственное средство, которое помогает хотя бы немного согреться,- это горячий суп из ячневой крупы и кофе на завтрак, обед и ужин. Котелки мыть негде и нечем, поэтому кофе наливают прямо в посуду из-под каши. Но никто не ропщет, с удовольствием запивая промерзший хлеб горячей черной жидкостью. Сожалеем только об одном - следующего приема горячей пищи придется ждать несколько часов.

На лесной тропинке чувствуется какое-то оживление. Бежим взглянуть, что там произошло. Хорунжий Роек ждет, пока соберутся все бойцы, и начинает:

- Сегодня с плацдарма под Баранувом началось наступление советских войск. Немецкий фронт на направлении главного удара прорван...

- Ура-а-а! -вырывается из наших глоток.

- Тише! - пытается перекричать нас заместитель командира батальона. И когда воцаряется относительная тишина, продолжает: - Освобождены многие населенные пункты. Их жители сердечно встречают советских освободителей. Со дня на день перейдут в наступление и наши войска.

Кто-то запевает "Роту", все подхватывают. Огрубевшие от морозного ветра, заросшие щетиной, солдатские лица серьезны и сосредоточенны. Песня кончается, и снова нас охватывает неистовая радость по поводу успехов советских войск. Теперь мы уже уверены, что недалек тот час, когда и мы вступим в бой за освобождение Варшавы, за освобождение еще оккупированной территории Польши.

А пока, радостные и возбужденные, возвращаемся в расположение роты. Долго не умолкают разговоры и веселый смех. Но день клонится к вечеру, и наиболее предусмотрительные начинают готовиться ко сну. Следую их примеру и я. Ломаю ветки и укладываю их на землю, предварительно очистив это место от снега. Сверху сооружаю что-то наподобие шалаша. Старший сержант Белецкий и капрал санитарной службы Ян Бонк раздобыли где-то немного мху и старательно затыкают им дыры в крыше, будто это спасет их от холода. Подъезжают полевые кухни. Поторапливаем поваров, просим поживее орудовать черпаками. После каждой ложки густого крупяного супа по всему телу растекается тепло. На небе уже зажигаются первые звезды. Снег скрипит под ногами. Забираемся в шалаш, опускаем на уши отвороты конфедераток и поднимаем воротники шинелей. Но тепло куда-то быстро улетучивается.

- Бр-р, холодно,- бормочет кто-то в темноте.

- А может, разжечь небольшой костер? - предлагает Олейник.

- Ничего, выдержим,- отзывается хорунжий Скренткович.- Надо только скорее укладываться спать.

Я выбираю себе место подальше от края, накрываю голову затвердевшей на морозе плащ-палаткой и пытаюсь хотя бы согреться дыханием, однако и это не помогает. Мои товарищи тоже никак не могут заснуть, все ворочаются от холода, и опять наши мысли возвращаются к костру.

- Ладно, разводите,- соглашается наконец хорунжий.- Только небольшой...

Замерзшими руками бойцы пытаются добыть огонь с помощью отсыревших спичек. Одна из них вспыхивает ярким пламенем, и вот уже весело потрескивают сухие еловые ветки. С каждой минутой огонь разгорается все сильнее. К нему со всех сторон тянутся руки, жаждущие тепла. Шалаш наполняется едким дымом, но никто не обращает на него внимания. Нашему примеру следуют другие, и спустя некоторое время в расположении роты горят уже несколько костров. Откуда-то сверху с востока доносится хорошо знакомый каждому фронтовику нарастающий гул "кукурузника". Самолет пролетает над нами, летчик выключает мотор и кричит изо всех сил:

- Гасите костры! Не демаскируйте себя!

Кровицкий с Олейником пытаются натянуть над костром плащ-палатку, чтобы дотошный летчик не увидел сверху огня. Костер на какое-то время затухает, но, как только плащ-палатку убирают, снова вспыхивает ярким пламенем.

- Убавьте немного огонь,- распоряжается хорунжий.

Колеблющееся пламя согревает наши лица, руки, колени, но по спине по-прежнему бегают мурашки от холода. И так все три ночи, проведенные в лесах под Колбелем. Наши манипуляции с костром закончились трагикомически - у командира роты обгорела в нескольких местах пола шинели, а капрал Олейник прожег брюки и теперь в дырку виднелось голое колено. Однако пострадавшие не унывают: они, как и все, живут мыслью о наступлении.

И вот 16 января все приходит в движение - наш полк выступает. Откуда-то из района Погожели Варшавской доносится грохот артиллерии. Построившись в колонну, движемся в направлении Вислы. Узкая дорога забита танками, орудиями и прочей военной техникой. Наш батальон следует в авангарде полка. Прошли деревню Косумце. Висла совсем рядом, а за нею, в Гуре Кальварии, немцы. Огонь нашей артиллерии усиливается. Возле дамбы бойцы из роты хорунжего Францишека Раута

устанавливают минометы и начинают обстрел неприятельских позиций. На немецком берегу поднимаются вверх столбы огня, земли и снега.

Приближаемся к скованной льдом Висле. Советские и польские саперы советуют нам идти гуськом, на расстоянии пяти-семи шагов один от другого. Временами лед угрожающе трещит, и тогда шагающие впереди на минуту останавливаются. Слева, вверх по реке, слышен гул танковых моторов и видны вспышки огня. Наконец взбираемся на немецкий берег. Прибавляем шагу. Вскоре появляются первые дома Гуры Кальварии. Выставив вперед автоматы, даем па всякий случай несколько коротких очередей и осторожно, крадучись входим в поселок. В зареве пожаров высится баррикада, а возле нее - груда фаустпатронов.

- Скорее, ребята! - торопит командир.

Из придорожного рва доносится стон. Подойдя поближе, мы обнаружили там испуганного гитлеровского солдата. Он поднимает вверх руки и умоляюще просит:

- Не стреляйте! Не стреляйте! Гитлер капут! Капрал Леон Сойка расспрашивает его о чем-то по-немецки.

- Немцы покинули Гуру Кальварию и отходят в направлении Пясечно,- тотчас переводит он слова солдата.- Он должен был прикрывать отход, но предпочел сдаться в плен.

На всякий случай я вынимаю замок из пулемета немца. Выставив походное охранение, снова продвигаемся вперед. К утру мы уже в Пясечно. На улицах шумно и многолюдно. На домах развеваются польские флаги. Повсюду царит радостное оживление. Местные жители окружили несколько наших танков и о чем-то беседуют с танкистами. Для них мрак оккупации развеялся навсегда.

Раздаются здравицы в честь Войска Польского. Мы не задерживаясь минуем освобожденное местечко. Конечный пункт нашего сегодняшнего марша - Варшава. Хотя время обеда уже давно прошло, полевые кухни еще не появлялись. Но сегодня мы забыли про еду и все шагаем, шагаем... А со всех сторон по бездорожью, напрямик, через покрытые снегом поля возвращаются в Варшаву ее жители.

- Скорее, ребята! - кричит идущий во главе нашей группы хорунжий Рыхерт и объясняет передовому дозору: - Теперь уже недалеко. Наша рота должна войти в Варшаву первой.

Багряно-красный диск солнца успел переместиться на запад, пока мы добирались до Мокотува. Изредка встречаем солдат в польской форме из частей, которые оказались в столице раньше нас. Возле железнодорожного виадука лежат семеро убитых бойцов. Вокруг полно мин. Капрал Сойка, знающий их

устройство, обезвреживает мины, и мы идем дальше. Выходим па Пулавскую. Стены большинства домов опалены огнем и пугают черными глазницами окон. Сердце сжимается от боли, когда смотришь на это море руин некогда миллионного города. Лица бойцов сосредоточенны и печальны.

- Направляющие, стой! Привал!-кричат где-то за моей спиной.

Курящие вынимают кисеты с махоркой и свертывают толстые козьи ножки.

Двое бойцов из идущей следом за нами шестой пехотной роты зашли в развалины и подорвались на минах. Этот инцидент послужил суровым предостережением для остальных. Враг, покидая столицу, расставил повсюду ловушки для неосторожных. К нам подходят командир второго батальона майор Коропов и его заместитель по политико-воспитательной работе. Они радостно восклицают:

- Варшава освобождена!

И спустя минуту добавляют, что устраивать привалы и отдыхать следует только на улицах, поскольку в руинах полно мин.

- Слушаюсь! - отвечает командир нашей роты, который не успел получить новую шинель и ходит вес еще в старой, с прожженными полами.

Подъезжают полевые кухни. Нам выдают традиционный крупяной суп и хлеб на весь завтрашний день. Быстро управляемся с едой, разводим большой костер из обгоревших оконных рам и дверей разрушенных зданий, закутываемся в плащ-палатки и дремлем, сидя на тротуаре возле него.

Подъем и завтрак сегодня раньше, чем обычно. Быстро приводим в порядок обмундирование и снаряжение. О том, чтобы умыться, не может быть и речи. Медленным шагом направляемся к центру. Куда ни посмотришь- повсюду еще дымятся развалины. На Маршалковской командир 3-й пехотной дивизии имени Траугутта полковник Зайковский в кузове грузовой автомашины в сопровождении офицеров штаба принимает парад своих полков. В это раннее утро 18 января на улице ни души. Только на крыше одного из домов возвышается негритянка, рекламирующая шоколадные изделия фирмы "Плютос". По иронии судьбы она пережила ад оккупации и теперь с крыши чудом уцелевшего здания провожала застывшим взглядом заросших и замерзших солдат.

- Посторонись! Дорогу! Освободите дорогу! - громко кричат сзади.

Услышав конский топот, переходим на правую сторону улицы. Мимо нас, подпрыгивая на ухабах, проносится повозка, в

которой сидят офицеры Виктор Красовицкий и Антони Кеслер.

- Поручник Кеслер- варшавянин,- задумчиво говорит хорунжий Роек.

Приближаемся к Аллеям Иерусалимским. На пересечении с Маршалковской стоят две девушки-регулировщицы, румяные от мороза, и флажками указывают направление движения. Этот перекресток выглядит особенно просторным, поскольку окружающие его дома разрушены до основания.

Уже совсем светло. Появляются люди в гражданской одежде. Одни катят перед собой детские коляски, нагруженные уцелевшим скарбом, другие несут узлы и чемоданы. Увидев нас, они останавливаются, машут руками, у некоторых на глазах видны слезы. Минорное настроение улетучивается - Варшава, столица пашей страны, освобождена! Ничего, что она лежит в руинах. Мы восстановим ее, и она станет еще более прекрасной, чем была...

На запад

В районе разрушенного главного вокзала нам повстречались бойцы из 2-й пехотной дивизии. Вчера они раньше нас вступили в столицу и теперь стоят довольные и гордые. Перебрасываемся с ними на ходу приветствиями. Некоторым везет - они находят земляков. С завистью смотрим, как они обнимаются, а затем бегом догоняют идущую колонну.

Вот и окраина. Варшава, разрушенная, по свободная, остается позади. Дует сильный ветер, снег порошит глаза. Идем в направлении Блоне. После освобождения столицы нас переводят во второй эшелон фронта, и теперь в течение нескольких дней нам придется догонять наступающие на запад войска.

На дороге встречаем толпы варшавян, которые, узнав об освобождении столицы, спешат вернуться домой. Каждую минуту провозглашаются здравицы в нашу честь.

- Да здравствует Войско Польское! - слышится со всех сторон.

Одни горячо аплодируют, другие оставляют на обочине дороги багаж и со слезами радости на глазах обнимают солдат. Женщины дарят нам цветы из горшков, а одна даже напоила нас горячим кофе из ведра, завернутого в одеяло.

- Бейте немцев! Отомстите за Варшаву!-просят они на прощание.

Молодые парни и мужчины изъявляют желание добровольно вступить в Войско Польское. Объяснения нашего командира, что мы не военкомат и что через несколько дней, когда жизнь войдет в нормальную колею, наверняка будет объявлен призыв в армию, не помогают...

- К тому времени война уже закончится,- упрямо повторяет

юноша в элегантных офицерских сапогах.

- В таком случае ничем не могу помочь,- смеется в ответ хорунжий.

Поняв, что так от офицера он ничего не добьется, парень начинает умолять нас:

- Ребята, дайте какой-нибудь автомат, хочу вместе с вами на Берлин.

- Браток, не хнычь, поищи лучше военкомат,- объясняет Кровицкий.

- А что это такое?..

Таких добровольцев мы встречаем на своем пути на каждом шагу. Это - жители освобожденных районов Польши, солдаты и офицеры досентябрьской армии, возвращающиеся из немецких лагерей для военнопленных, наконец, те, которых вывезли на принудительные работы в Германию.

Опускаются ранние зимние сумерки. Проходим мимо каких-то занесенных снегом немецких окопов. Сразу же за ними стоит разбитый вдребезги "студебеккер" с советскими номерами, а рядом дивизионная пушка. Давно пора подумать о ночлеге, однако наш марш-бросок что-то затягивается. Охваченные безудержной радостью, минуем Блоне и только теперь сворачиваем с главной дороги. Перед нами какая-то деревушка с разбросанными домиками, в которых кое-где мерцают огоньки.

- Вот здесь и будем отдыхать,- отчетливо слышен в морозном воздухе голос командира второго батальона.

Открываем калитку ближайшего дома и заходим на просторный крестьянский двор. Громко лает привязанная на цепи собака. Дверь дома открывается, и в проеме показывается фигура мужчины.

- Кто там? - робко спрашивает он, увидев группу вооруженных людей.

- Войско Польское,- отвечают сразу несколько человек.

- Пожалуйста, пожалуйста, заходите,- гостеприимно приглашает он нас и кричит в глубину дома: - Женщины, накрывайте стол! Да разбудите детей, пусть посмотрят на наших солдат!

Входим в теплую комнату. Навстречу бросаются взволнованные домочадцы и осыпают нас со всех сторон поцелуями. И только маленький карапуз лежит в кровати, накрывшись периной. Он еще не понимает, что пришли освободители.

В печи уже весело потрескивают сухие дрова. Хозяин вносит огромную корзину, наполненную доверху картошкой, и приглашает желающих чистить ее. Их набирается немало,

поскольку никто не знает, когда приедут полевые кухни.

- А может, среди вас есть мясник? - спрашивает крестьянин.- Я тайком от немцев вырастил неплохого поросенка. Освобождение нельзя отмечать только одной картошкой. Ну что, ребята, кто поможет?

Вопросительно смотрим на командира: разрешит ли? Хозяин перехватывает наш взгляд.

- Гражданин хорунжий, выделите кого-нибудь в помощь,- просит он.- Думаю, молодой поросенок придется по вкусу всем...

- Нет, хозяин, спасибо, сейчас подъедут полевые кухни, и мы угостим вас солдатским супом с тушенкой,- уклончиво объясняет наш хорунжий, незаметно пряча в тени прожженные полы шинели.

- Боже мой, что за упрямый человек! - вмешивается в разговор хозяйка.Снимите шинель и погрейтесь возле печки, а мы тем временем накроем на стол.

Наконец хорунжий сдается. Крестьянин забирает из рук командира шинель и кладет ее на спинку кровати. Заметив прожженную полу, задумывается на минуту и говорит:

- Сейчас, гражданин хорунжий, принесу вам новую шинель.

Выходит из комнаты и вскоре возвращается с добротной военной шинелью с нашивками капрала. Хорунжий быстро надевает ее. Окидываем его оценивающим взглядом - сидит она на нем как влитая, хотя, честно говоря, немного коротка.

- Большое спасибо за подарок,- смущенно благодарит он,- а то мне в прожженной шинели даже стыдно освобождать своих соотечественников. Старший сержант Рор, выделите людей, чтобы заколоть поросенка. Пусть бойцы поедят как следует, а то что-то этих кухонь не видно,- добавляет он уже мягче.

- Я готов,- заявляет рядовой Людвик Юха.

- И я,- встает Багиньский.

Хозяин берет карбидную лампу, и они выходят. Вскоре во дворе уже горит большой костер, и Юха опаливает на нем заколотого поросенка.

Спешно готовясь к праздничному ужину, солдаты начинают бриться. В роли парикмахера выступает владелец лучшей в роте бритвы фирмы "Золинген" сержант Анджей Гжещак. И бреет он вполне профессионально.

В другом углу бойцы пришивают к своим выгоревшим мундирам белые подворотнички. И вообще в избе царит радостное и веселое оживление.

Открывается входная дверь, и на пороге появляется Юха. В руках у него таз, наполненный до краев кусками еще парного мяса.

- Принесите сало, и я начну жарить мясо,- обращается к нему хозяйка.

Руки с бриткой и иглами двигаются теперь гораздо быстрее - каждый спешит не опоздать к столу. Спустя некоторое время Багиньский и хозяин вносят половину опаленного на огне поросенка с отливающей золотом корочкой. Запах поджаренного мяса приятно щекочет ноздри. Слюна подступает к горлу.

И вдруг со двора доносится громкий лай. Открывается дверь, и в избу входит старший адъютант второго батальона хорунжий Юзеф Хома. С минуту он щурит глаза от яркого света карбидной лампы, затем подходит к хорунжему Скрентковичу, вынимая на ходу из кирзовой полевой сумки карту. Все застывают в ожидании: какую весть принес офицер из батальона? Слышен шелест раскладываемой карты. Хозяин пододвигает поближе лампу, и офицеры склоняются над столом.

- Мы находимся вот в этом месте,- тычет пальцем в карту хорунжий Хома.Через час полк выступает в направлении Сохачева. Наш батальон следует в авангарде. Ваша рота должна выслать немедленно головное охранение на дорогу, по которой мы будем двигаться, вот сюда,- показывает он.- Как видите, задача несложная. Есть какие-нибудь вопросы?

- Какие имеются сведения о противнике? - спрашивает наш командир.

- Конкретных сведений нет. В течение дня по этой дороге прошли на запад советские танки. Однако это не исключает возможности встречи с разрозненными немецкими подразделениями. Выделяйте людей и приступайте к выполнению задания.

- Слушаюсь!

Хорунжий Хома складывает карту и собирается уходить.

- Может, задержитесь на минутку,- пытается уговорить его хозяин,поужинаете вместе с нами.

- Спасибо, не могу. Должен разыскать еще полевые кухни. По-видимому, эти горе-повара где-то заблудились, а батальон надо накормить до выступления,коротко отвечает Хома и исчезает.

- Возьмите два отделения из взвода разведки,- обращается командир к старшему сержанту Казимежу Добротливы,- и отправляйтесь к шоссе Блоие Сохачев. Выйдете па него и повернете направо, на Сохачев. Если наткнетесь на немцев, тотчас же дайте нам знать серией зеленых ракет.

- Слушаюсь, гражданин хорунжий,- отвечает назначенный командиром головного охранения старший сержант Добротливы.- Первое и второе отделения, приготовиться к выступлению. Сбор во дворе через пять минут.

Хозяйка с помощью ротного писаря капрала Михала Гладзюка и связного командира ефрейтора Збигнева Ковальского спешит нарезать мясо. Однако в нашем распоряжении всего пять минут, и, конечно, оно не успеет поджариться. С сожалением покидаем гостеприимных хозяев, которые приготовили для нас чуть ли не царский стол, и выходим во двор. Медный диск луны ярко светится на высоком небосклоне. Промерзший снег скрипит под ногами. Строимся и спустя некоторое время выступаем. Олейник никак не может успокоиться:

- Какого ужина лишились...

- А может, в Сохачеве будет еще лучше,- пытается утешить его Бенецкий.

- Сколько еще гостеприимных домов встретится на нашем пути! - поддерживает его Адольф Тшечяк.

- Нечего вздыхать,- перебивает их Добротливы.- Лучше прибавьте шагу да смотрите повнимательнее, чтобы не напороться по дороге на фрицев.

Подходим к шоссе и, как было приказано, сворачиваем вправо. Вокруг тишина, и ничего не видно, кроме освещенной луной пустынной дороги. Спустя минут десять - пятнадцать впереди появляются три огонька неопределенного происхождения. Снимаем с предохранителей автоматы и, немного сбавив шаг, продолжаем идти. Нервное напряжение и неопределенность улетучиваются, как только мы убеждаемся, что это наши заблудившиеся полевые кухни, а рядом с ними временно вышедший из строя советский танк Т-34.

- Где наш батальон? - расспрашивают повара, но, прежде чем ответить, мы просим накормить нас.

- Заворот кишок может быть от голода,- жалуется Олейник.

- Пожалуйста, у нас сегодня не щи, а объедение.

Возле кухни мгновенно выстраивается очередь с котелками, а повара щедро наливают в подставленную посуду жирные густые щи. Впервые они не придерживаются установленной нормы. Быстро управляемся с едой, полевые кухни уезжают, а мы остаемся с экипажем танка. Русские танкисты предлагают подвезти нас. Старший сержант Добротливы размышляет вслух:

- Отличная идея. Кто хочет проехаться на танке? Неуверенно смотрим друг на друга. Первым изъявляет желание Тшечяк, но Олейник отговаривает его:

- Замерзнешь. А кроме того, свалишься под гусеницы - и поминай как звали.

- Я тоже поеду,- прерывает его мрачные рассуждения Николай Бенецкий.

- И я, Казик,- прошу я командира головного охранения.

Других желающих проехаться на танке не оказалось. Остальные предпочитают более надежный и безопасный способ передвижения - пешком.

Спустя некоторое время головное охранение во главе с Добротливы удаляется в направлении Сохачева, а танкисты все еще никак не починят поврежденный танк. Мы с интересом заглядываем через их плечи внутрь таинственной стальной машины.

- Все в порядке,- заглушая рев танкового мотора, кричит толстощекий танкист, обнажая при этом в улыбке здоровые белые зубы.

- По местам!-командует командир танка.- А вы, ребята, залезайте наверх за башню и держитесь покрепче,- обращается он к нам.

Неумело взбираемся на танк. Нащупываем руками скобы, за которые можно было бы схватиться. Поспешно хлопают закрывающиеся люки. Мотор увеличивает обороты, машина резко приседает и трогается с места.

Шоссе ровное, без ухабов и колдобин, и поэтому танк несется с ошеломляющей скоростью. Отпускаем немного судорожно сжатые пальцы. Над рвущимся вперед танком висят клубы выхлопных газов и облако поднятого гусеницами снега. Мелкая снежная пыль оседает на броне, плащ-палатках, забирается за поднятые воротники. Прижимаемся теснее друг к другу. Мотор так ревет, что мы даже не пытаемся разговаривать.

Небо на востоке начинает слегка розоветь. Ночной мрак рассеивается. Одинокий танк продолжает мчаться вперед. До Сохачева остается всего несколько километров. Останавливаемся. Крышка люка приподнимается, и из нее показывается голова командира стального колосса. Танкист лихо сдвигает на затылок шлемофон и, подмигнув, спрашивает:

- Ну как, живы?

- Живы, только очень замерзли.

- Через пять минут будем в Сохачеве. Держитесь!

Крышка люка закрывается, и танк снова трогается с места. Над нами пролетает пара "яков" и исчезает за домами на горизонте. Въезжаем в еще не проснувшийся город. Танк слова останавливается.

- Ну, спрыгивайте, ребята. Уже Сохачев. До встречи в Берлине! - прощаются с нами танкисты.

Наши скрюченные от мороза и неудобного положения тела неуклюже сползают на мостовую. Я успеваю увидеть только поднятый вверх большой палец командира танка, как машина уже скрывается за поворотом.

С трудом передвигая окоченевшие от холода и одеревеневшие от долгого стояния ноги, входим в ближайшие открытые ворота. Вокруг ни души. Опускаем воротники и начинаем колотить друг о друга замерзшие руки.

- Отлично доехали...- неуверенно начинает Бенецкий.

- Конечно! А Добротливы с его головным охранением еще шагать и шагать,говорю с неподдельным восторгом.

- Ребята, а вам не пришло в голову, что мы, возможно, будем первыми из всей польской армии, кто войдет в этот город,- меняет тему разговора Тшечяк.

- Действительно... Что вы здесь делаете, малыши? - не закончив начатой фразы, спрашивает вдруг Бенецкий.

Только сейчас замечаем двух оборванных ребятишек, которые незаметно проникли во двор и недоверчиво рассматривают нас. Один из них, в явно великоватых ему мужских ботинках, с веснушчатым, как яйцо индюка, лицом, отвечает вопросом на вопрос:

- А откуда вы, русские, знаете по-польски?

- Как это откуда? Мы же из Войска Польского,- объясняет малышам удивленный Тшечяк.

- Войско Польское! Войско Польское!..- И они моментально исчезают, чтобы сообщить людям радостную весть.

Выходим на улицу, для предосторожности выставляя вперед автоматы. С треском распахиваются ставни.

- Наши! Наши!!! -доносятся со всех сторон ликующие возгласы.

- Войско Польское! Ура-а-а! - кричат высыпавшие из домов люди. Несколько человек подбегают к нам, кто-то крепко обнимает меня, кто-то целует, чьи-то руки поднимают вверх и начинают подкидывать, словно мячик.

- Не надо, ну что вы... Отпустите меня...- прошу я.

Однако меня никто не слушает. А толпа тем временем растет и растет. Немного прихожу в себя и вижу, что нас несут к центру города. Минуем какой-то сквер, посреди которого лежит труп немца, в мундире оливкового цвета, со свастикой на рукаве.

- К гестапо! - кричат в толпе.

Вот и массивные зеленые ворота, обитые железом, с глазком посередине. Толпа напирает на них, ворота трещат, и мы врываемся во внутренний двор.

- Туда, наверх! - зовет кто-то.

- Отпустите меня, дорогие!- умоляю я.

Бенецкий и Тшечяк уже на ногах. Спускают наконец на землю и меня. Поднимаемся на второй этаж. Повсюду валяются ящики, а в них оружие и боеприпасы. Нигде ни души. Разочарованные,

покидаем здание гестапо.

На домах уже развеваются бело-красные флаги. Нас нарасхват приглашают позавтракать. Мне выпадает честь быть гостем человека, которого все называют председателем. Прежде чем сесть за стол, хозяйка предлагает мез принять ванну и сменить белье. Какое блаженство после стольких дней, проведенных в грязи и холоде, мыться горячей водой и душистым туалетным мылом!

Чистый и посвежевший, возвращаюсь в комнату. Стол буквально ломится от всевозможной еды и напитков.

- Ну, сержант, бери бокал и выпьем за здоровье нашей польской армии! Председатель поднимает стакан с водкой и с восхищением смотрит на меня.

Остальные следуют его примеру... за исключением шестнадцатилетнего сержанта, который сбивчиво объясняет:

- Люди милые, извините, но я еще ни разу в жизни не пил водки...

- Ничего! Надо же когда-то попробовать. Да и повод есть. Давайте выпьем за освобождение Сохачева. Берите, гражданин сержант, это отличная водка,пытается убедить меня хозяин.

Пригубливаю стакан и с отвращением отставляю его в сторону. Из затруднительного положения меня выручает хозяйка дома:

- У меня в стакане легкое вино собственного приготовления. Давайте выпьем вдвоем. Надеюсь, вы мне не откажете в этом?

- Ну хорошо, вина, пожалуй, попробую,- смущенно говорю я.

Довольная женщина протягивает мне свой отпитый наполовину стакан с каким-то золотистым вином. На вкус оно оказалось терпким и кислым, как уксус, однако я выпиваю его до дна.

- Взгляните на эту фотографию. Это моя дочь, которую немцы вывезли на принудительные работы в Германию. Может, вы ее где-нибудь встретите. Скажите ей, что мы живы и здоровы и ждем ее.

- Хорошо,- обещаю я.

- А много солдат в этом нашем Войске Польском? - спрашивает хозяин.

- Две армии. Наша, первая, насчитывает не менее ста тысяч,- объясняю я.

- Ну, тогда давайте выпьем за первую армию,- поднимает очередной тост председатель.- У нас есть грузовая автомашина,- добавляет он.- Отдаем ее вам. Мы тоже хотим чем-нибудь помочь нашему войску.

- Идемте в гараж!-предлагает какой-то мужчина в

запачканном комбинезоне, наверное шофер.

Выходим на улицу. По дороге встречаем старшего сержанта Бенецкого, который о чем-то оживленно разговаривает с местными жителями. Мимо нас пробегает группа ребятишек, громко крича, что на соседней улице стоят несколько военных автомашин с польскими солдатами. Направляемся следом за ними, видим два осаждаемых толпой "доджа". Спустя некоторое время из глубины улицы появляется колонна наших разведчиков. Впереди шагает Казимеж Добротливы. Докладываю ему, что мы целы и невредимы.

- Присоединяйтесь к нам и пойдем дальше, в направлении Влоцлавека.

На ходу рассказываю Казимежу, как гостеприимно нас здесь встретили. Подходим к мосту через Бзуру, взорванному отступающими немцами. Невдалеке от него, слева, стоит, погрузившись в воду по самую башню, советский танк, знакомый нам по ночной поездке. Танкисты узнают нас и беспомощно разводят руками. К сожалению, помочь советским товарищам по оружию мы ничем не можем.

У реки царит оживление. Саперы с помощью подручных средств укрепляют лед, чтобы по нему могла пройти военная техника. А пока по льду шагают только подразделения пехоты. Мы, перейдя реку, устраиваем привал и после непродолжительного отдыха опять отправляемся в дорогу. Идем всю ночь, а конца пути все не видно. Только к утру добираемся до деревни Арцехувек. Разбуженные жители радостно приветствуют нас. От усталости буквально валимся с ног сказываются четвертые сутки перехода. Многие бойцы натерли от долгой ходьбы ноги, некоторым требуется немедленно отремонтировать или заменить обувь. Однако тыловые службы, как всегда, отстают, и поэтому о новой обуви пока не может быть и речи. Не видно и полевых кухонь. Они, по-видимому, опять где-то заблудились. К счастью, гостеприимные хозяева радушно угощают нас, выставив на стол все свои запасы. Освобожденный Арцехувек покидаем лишь на следующий день.

Наш маршрут проходит все время вблизи Вислы. Активных боевых действий временно не ведем, не считая мелких стычек с небольшими группами немцев, затерявшихся в этом районе либо бежавших сюда от преследующих их войск маршала Рокоссовского.

Прошли еще несколько населенных пунктов и наконец вступили во Влоцлавек. Здесь нас снова ждала теплая, сердечная встреча с местными жителями. В городе поело немцев остались большие военные склады. Бежим в том направлении. Навстречу

попадаются бойцы в новеньких сапогах с короткими голенищами. Чего только нет па складах! И продовольствие, и обмундирование. Быстро меняю обувь, беру с собой на всякий случай чистую рубашку, банку консервов и - назад к своим. Группа влоцлавян показывает нам бараки, огражденные колючей проволокой:

- Это лагерь для военнопленных.

Забегаем туда на минутку. Сразу же за лагерными воротами встречаем тех, кому январское наступление принесло свободу. Это - бельгийцы, французы, голландцы. Они жестами приглашают нас войти в барак. Сердечно пожимаем друг другу руки. Прощаемся, а освобожденные узники еще долго стоят у ворот и приветливо машут нам руками.

В городе на берегу Брды

И снова ночной марш-бросок. Сильный холодный ветер бьет в лицо, развевает полы шинелей, забирается под тонкие мундиры. В такой мороз до орудия голой рукой не дотронешься - обжигает. Однако среди бойцов Царит такое же радостное возбуждение, как и среди освобожденного гражданского населения, ведь мы шагаем по земле, которую гитлеровские оккупанты присоединили к Германии. Многие дома пустуют; их владельцы, не чувствуя себя здесь законными хозяевами, предпочли уйти вместе с немцами.

Около полудня вступаем в Ленгново. До Быдгощи рукой подать. Виден уже дым пожаров, неумолимо пожирающих город. Разведчики радуются, что наконец-то догнали фронт. Короткий зимний день клонится к вечеру, когда головное охранение полка - наш командир хорунжий Рыхерт, старший сержант Добротливы, сержант Гжещак, капралы Павляк и Олейник, несколько бойцов из батальонной разведки и я - достигает окраины Быдгощи. В городе слышна ружейная перестрелка. Внимательно поглядывая по сторонам, идем по улице. Впереди неясно маячат какие-то фигурки.

- Стой, кто идет?! - громко окликает хорунжий.

- Поляки! Поляки! Не стреляйте! - слышатся молодые голоса.

- Подойдите поближе! - приказывает Рыхерт.

Выясняется, что это ребята в возрасте четырнадцати - шестнадцати лет.

- Что вы здесь делаете в такое позднее время? - спрашивает их хорунжий.

- Войско Польское! Наши! - радостно кричат в ответ юноши и, не обращая внимания на грозные стволы автоматов, бросаются нам па шею. Через минуту-другую они приходят в себя и, перебивая друг друга, рассказывают: - За Брдой - немцы. Люди говорят, что в районе Гданьской улицы видели несколько танков.

Недалеко отсюда живет немецкий подполковник жандармерии. Пойдемте покажем.

После недолгого раздумья командир соглашается. Лица ребят сияют.

Осторожно продвигаясь вдоль стен домов, мы углубляемся в город. На улицах ни души, ни звука. Лишь изредка похрустывают под ногами стекла из выбитых окон.

- Его дом вон там, за поворотом, где виден пожар,- объясняет наиболее разговорчивый паренек.

Выходим на вымощенную булыжником небольшую площадь. Рядом, справа, горит многоэтажное здание.

- Здесь он, на третьем этаже,- слышу я голос того же паренька.

Входим в подъезд. Темно хоть глаз выколи. Казимеж Добротливы поджигает газету, которую берег для курева, и мы, освещая ею лестницу, поднимаемся наверх. Ребята предусмотрительно остаются внизу. Вот и третий этаж.

В какую же дверь стучать? Оказывается, в среднюю.

Командир взвода несколько раз ударяет по ней рукояткой пистолета. Гулкий стук разносится по всему подъезду, но за дверью тишина. Только откуда-то из центра города доносится яростный лай пулеметов.

- Павляк, стукни по ней прикладом винтовки, может, поддастся,распоряжается хорунжий.

"Трах-трах!" - раздается грохот приклада.

- А ну-ка, ребята, навалимся все вместе,- предлагает сержант Гжещак.

Под мощным напором мужских плеч дверь вылетает вместе с косяком, и перед нами открывается темная бездна коридора. Кто-то чиркает спичкой, и мы входим в квартиру. На кухне находим несколько свечей. В их неровном свете перед нами предстает квартира, оставленная в полнейшем беспорядке: двери платяного шкафа распахнуты, на полу валяются белье и одежда, на спинке стула висит мундир с золотыми плетеными погонами.

- Опоздали - успел удрать, гад,- огорченно вздыхает хорунжий.

- Может, поищем что-нибудь пожрать? - вопросительно смотрит на него Олейник.

- Только побыстрее,- неохотно разрешает Рыхерт.

Из кухни ведет еще какая-то дверь. Я осторожно нажимаю ручку - и перед моими глазами появляются аккуратные полочки, заставленные снизу доверху стеклянными банками.

- Ребята, сюда! - обрадованно кричу я.

Чего только здесь нет! Компоты из различных фруктов

соседствуют с банками со свининой, с колбасой, с домашней птицей, консервированные сливы и вишни - с зеленым горошком, со свеклой и с морковью.

Начинаем с домашней птицы. Каждому достается по банке консервов. Потом пробуем всего понемногу и рассаживаемся поудобнее в кресла отдыхать.

- Взвод, выходи! - командует наконец хорунжий.

Улица освещена огнем горящего здания. Мы направляемся к каналу, откуда слышится стрельба. Из многих окон и с балконов свешиваются белые простыни символ капитуляции. Валит густой снег. Перед нами мост через Брду. Из района элеватора доносятся выстрелы. Головная рота нашего батальона вступает в бой с противником. Со стороны Мостовой улицы слышен рев танков, и вскоре из-за поворота вылезает огромное стальное чудовище и на хорошей скорости несется к мосту. Стремительно вращается башня, и длинная пушка осыпает снарядами окна дома, откуда только что стреляли.

- Наши! - кричат бойцы головной роты.

Преодолев мост, мы попадаем прямо к нашим танкистам. Они угощают нас трофейными консервами, найденными на складе у железнодорожного вокзала, а местные жители - сухарями. Консервы с сухарями кажутся нам необыкновенно вкусными.

Построившись в колонну, продвигаемся по Гданьской. На мостовой и тротуарах валяется поспешно брошенная немцами боевая техника, особенно много минометов. Снова звучат выстрелы. Люди кидаются в подворотни, а мы, рассредоточившись, занимаем огневые позиции вдоль стен домов.

Минуты нервного ожидания кажутся вечностью, а тишина угрожающе-зловещей. Наконец поднимаемся, отряхивая прилипший к шинелям снег. Рядом останавливаются несколько бойцов с длинным противотанковым ружьем. Сержант, с торчащими из-под сдвинутой набекрень фуражки светлыми волосами, просит капитана Сергея Ширку:

- Гражданин капитан, разрешите сбегать домой. Я живу недалеко отсюда. Хочется повидать стариков. Пусть знают, что я жив и здоров. Можно, граж...

- Давайте! С вами пойдет мой заместитель хорунжий Ромуальд Луковский. Только долго не засиживайтесь.

- Ребята, пошли ко мне домой! - приглашает сержант.

Вместе со всеми отправляюсь и я. Идем по Рацлавицкой улице, сержант рассказывает, что он был насильно мобилизован в немецкую армию, но, как только его отправили на восточный фронт, перебежал к русским. Уже больше года он не имеет от

родителей никаких известий.

Подходим к одноэтажному, обнесенному забором домику. Скрипит калитка. Сержант шагает первым. У двери он поправляет фуражку и стучит.

- Входите,- слышим женский голос.

Дверь открывается, и из нее выглядывает пожилая женщина, закутанная в шерстяной платок. В глубине темной прихожей виднеется мужская фигура.

- Войско Польское! Дорогие наши освободители! Проходите в комнату,гостеприимно приглашает мужчина.

Первым входит хорунжий, за ним - сержант, я и еще трое бойцов.

- Присаживайтесь. Правда, холодно у нас в доме. Нечем топить...- И вдруг, словно споткнувшись на ходу, восклицает: - Фредек, сынок, это ты?- И оба кидаются друг другу в объятия.

Тотчас же сбегаются соседи. Все хотят взглянуть на сержанта Малиновского, потрогать наши польские мундиры. И только мать Альфреда не может вымолвить ни слова и стоит в углу, беспрестанно вытирая платком глаза. Сын успокаивает ее. Затем она выходит из комнаты и спустя минуту приносит какую-то бумажку, перевязанную черной ленточкой.

- Смотри, Фред, смотри, дорогой,- протягивает она сыну.- Это извещение о том, что ты погиб под Витебском "за великую Германию",- все еще плача объясняет она.

Радость родителей, вновь обретших сына, безгранична. Но время бежит неумолимо, и хорунжий Луковский все нетерпеливее поглядывает на часы.

- Сейчас идем,- говорит сержант, заметив многозначительный взгляд офицера.- Нам уже пора. Прощайте, дорогие, до скорой встречи!

Нас провожают все жильцы дома. На прощание мать предостерегает сына:

- Фред, дорогой, береги себя, дитя мое...

- Хорошо, мама, хорошо!

- И получше бейте немцев! - напутствует отец.

Когда мы являемся в полк, там уже полным ходом идет подготовка к дальнейшему маршу. Одна колонна отправляется по улице Снядецких в направлении железнодорожного виадука, другая - движется по Гданьской. На железнодорожных путях начинается бой за казармы, а затем за Людвиково.

Немцы пытаются контратаковать. Грохочут орудия полковой артиллерии и минометы. Под прикрытием их огня врываемся на территорию казарм. Поняв наконец, что сопротивление бесполезно, немцы сдаются. В этом бою было взято в плен

несколько десятков солдат 129-го пехотного полка. Отсюда началось преследование отступающих немецких частей в направлении Жолендово - Магдаленка - Короново,

Все время вперед

Наш передовой разведывательный дозор продвигается вдоль лесной просеки. Вдруг откуда-то доносится рев мотора, работающего на больших оборотах. Останавливаемся на минуту, прислушиваемся и крадучись подбираемся к опушке. Там буксуют две немецкие грузовые автомашины - они никак не могут взобраться на пригорок. Солдаты подкладывают под колеса сломанные ветки, изо всех сил подталкивают автомашины, однако это не помогает. Колеса упорно крутятся на одном месте. Короткими перебежками добираемся до ближайших кустов, а затем по команде хорунжего Рыхерта открываем огонь из автоматов.

Несколько немецких солдат падают, сраженные метким огнем, остальные в панике разбегаются. Один грузовик сразу загорелся, в кузов другого забрался рядовой Ришард Чепи-оглы, турок, родившийся в Вильнюсе, и принялся открывать одну за другой картонные коробки, которые там лежали.

- Шоколад! - кричит он обрадованно и бережно опускает в чьи-то услужливо протянутые руки большую коробку с надписью: "Англас".

Мы рассовываем по карманам плитки шоколада и шагаем дальше. Позади нас на фоне леса догорает автомашина, а впереди уже видны кирпичные дома поселка, разбросанного по обеим сторонам дороги.

На первый взгляд поселок кажется совершенно вымершим - нигде ни огонька, ни дымочка. И вдруг тишину разрывает неистовый лай вражеских пулеметов. Падают, сраженные смертельными очередями, старший сержант Казимеж Добротливы, капрал Юзеф Баран, рядовые Юзеф Косидло и Юзеф Пончек и еще несколько наших бойцов. Уткнувшись в снег, мы отвечаем короткими, но меткими очередями. Целями служат озаряемые яркими вспышками огня окна домов. Сзади слышен топот - это спешат нам на выручку бойцы нашего батальона.

Первыми прибыли артиллеристы противотанкового взвода под командованием подпоручника Хенриха Хаузера. Быстро, как па показательных учениях, они отцепляют пушки, развертывают их и с расстояния в несколько десятков метров открывают огонь по засевшим в домах гитлеровцам. Спустя минуту откуда-то справа к ним присоединяются пулеметы. Длинными очередями они пытаются подавить немецкие огневые точки. На рубеж, занятый нашим взводом, выдвигаются бойцы пятой пехотной

роты. Впереди с пистолетом в руке бежит командир роты хорунжий Миколай Смирницкий.

Наш натиск возрастает. Пользуясь темнотой, немцы пытаются скрыться. Преследуя их, мы выходим к железнодорожным путям, врываемся в будку путевого обходчика. Перепуганный железнодорожник, не говоря ни слова, поднимает вверх руки.

Немного согревшись возле раскаленной докрасна печки, отправляемся дальше. Трудно ориентироваться в ночной темноте, очень мешает рыхлый глубокий снег, да и усталость начинает сказываться. Настроение у всех подавленное - столько боевых друзей потеряли...

Неожиданно дорогу освещают автомобильные фары. С каждой секундой свет фар приближается к нам, и вот мы уже купаемся в его ослепительно ярких лучах. Поравнявшись с нами, водитель выключает свет и открывает дверцу "виллиса". Оттуда доносится раздраженный голос командира 8-го пехотного полка подполковника Константы Карасевича:

- Командир, ко мне!

В тишине морозной ночи хорошо слышно, как он отчитывает хорунжего за то, что мы сбились с дороги.

Тем временем нас догоняют роты второго батальона. Подъезжают артиллеристы, которые недавно выручили нас. На заснеженной проселочной дороге сразу становится тесно и многолюдно. Автомашина разворачивается, а наш передовой разведывательный дозор вместе с авангардом полка шагает дальше на запад.

От темного горизонта отрывается огненная лента и со свистом пролетает над нашими головами. Инстинктивно падаем на землю, и только потом слышим свист разрывающихся пуль.

- Крупнокалиберный пулемет,- определяет по звуку лежащий рядом со мной боец.

Мы открываем ответный огонь. Через каждые несколько десятков секунд воздух вспарывают пули, летящие с одной и с другой стороны. За нашими спинами тяжко ухают минометы. В той стороне, где должен находиться противник, взлетают в небо осветительные ракеты и озаряют окрестности ярким светом. Огонь усиливается, а в небе вспыхивают все новые и новые ракеты. Некоторое время я пристально вглядываюсь в них, и вдруг мне в голову приходит мысль, которой я спешу поделиться с лежащим невдалеке от меня офицером:

- Гражданин хорунжий, у их ракет точно такой же цвет, как и у наших.

- Ну и что из этого?

- Не могут же немцы стрелять нашими ракетами?!

- Почему ты решил, что это наши ракеты?

- Потому что, гражданин хорунжий, у немецких белых ракет красноватое пламя, как у спичек, а наши горят, как бенгальские огни.

- Не понимаю...

Видя, что договориться с ним невозможно, я громко кричу:

- Ребята, не стреляйте, это наши!

Словно из-под земли передо мной вырастает высокая фигура хорунжего Скрентковича:

- Это что еще за наши? С чего вы взяли?

Высказываю ему свою догадку. Бойцы, лежащие около пас, перестают стрелять. Офицеры тоже начинают сомневаться.

- Прекратить огонь! Не стрелять! - звучат команды.

Стрельба понемногу утихает. В расположении противника происходит какое-то замешательство, и кто-то четко командует по-русски:

- Прекратить огонь!

Из-за камня поднимается хорунжий Смирницкий и, сложив ладони трубочкой, кричит:

- Эй, кто вы?!

Почему-то долго никто не отвечает, и наконец с той стороны доносится:

- А вы кто?

Наши офицеры на минуту задумываются, и вот нервную тишину прерывает зычный голос хорунжего Смирницкого:

- Войско Польское!

Теперь, по-видимому, задумался "противник", так как ночную тьму снова озаряет яркий свет ракет и до наших ушей долетает:

- Какой фронт?

- Первый Белорусский! - громко отвечает командир пятой роты.

- А мы - второй Белорусский! - И чтобы окончательно убедиться, что мы не немцы, задают нам очередной вопрос: - Кто командует вашим фронтом?

- Маршал Жуков! - отвечаем мы.

- Ура-а-а!..- гремит по окрестностям, а небо вновь озаряют множество осветительных ракет, похожих на бенгальские огни.

- Пойдем, Збышек, встречать союзников! - по-русски обращается Смирницкий к Скрентковичу.

Отряхивая на ходу снег с шинелей, офицеры спешат на ничейную землю. С противоположной стороны навстречу им идет группа людей. Расстояние между ними быстро сокращается. Уже отчетливо слышна русская речь.

- Почему вы начали стрелять?..- спрашивает хорунжий

Смирницкий.

- А вы зачем открыли ответный огонь? - перебивает его кто-то из русских, и мы заключаем друг друга в крепкие объятия.

Возгласы "Ура!" катятся по заснеженным полям, советские и польские бойцы подбегают друг к другу, целуются и радуются, что ошибка не привела к жертвам.

Появившиеся старшие офицеры обеих союзнических армий решили отметить эту встречу. Разбившись на небольшие группы, мы направляемся в близлежащую деревню, где остановилась советская танковая часть. Вместе с новыми фронтовыми друзьями заходим в просторную теплую избу. Хозяева встречают нас с радостным удивлением, а женщина-старшина, которая задает тон у советских бойцов, коротко командует подчиненным:

- Поджарить мясо и принести из танка аккордеон и спирт.

Усталые и замерзшие, с удовольствием усаживаемся на солому, которой устлан пол, снимаем сапоги, сушим портянки. Аромат соломы смешивается с запахами жареного лука и мяса. Хозяин режет хлеб, а его жена расставляет на столе тарелки и стаканы. Советский танкист приносит канистру и аккордеон, и женщина-старшина приглашает всех к столу. Сержант Багиньский и рядовой Кубик потирают руки в предвкушении хорошего ужина. Капрал Олейник вытаскивает из-за голенища ложку, аккуратно завернутую в белую тряпочку. На столе появляется блюдо дымящегося мяса.

- Наливай,- приказывает женщина-старшина водителю, поднимает свой стакан и предлагает тост: - За победу над гитлеровской Германией! За дружбу между советскими и польскими солдатами!

- За победу! - вторит ей Бенецкий.- За дружбу!

Я пытаюсь поднести стакан к губам, но чувствую резкий запах бензина. Раздумываю, как не пить этой гадости и в то же время не обидеть советских друзей. Неожиданно из затруднительного положения меня выручает младший сержант Советской Армии, с орденом Красной Звезды на груди.

- Что, запах не нравится? Не было другой посуды, вот и налили в канистру из-под бензина,- посмеивается он.

- Да нет, я вообще не пью, ведь мне всего шестнадцать...

- Тогда поставь стакан, сынок, и ешь.

Накладываю на тарелку мясо и смотрю, как хозяин дома морщась цедит спирт. Некоторые уже успели выпить и теперь с наслаждением нюхают хлеб. Спустя минуту лица участников пиршества расплываются в довольной улыбке, а в глазах появляется задорный блеск. Гармонист запевает "Землянку", а мы дружно подпеваем ему. Водитель танка агитирует допить

содержимое канистры. Багиньский и Кубик подставляют свои стаканы и залпом осушают их. Затем неугомонный болтун Кубик обращается к хозяину дома:

- А далеко ли отсюда до Берлина?

- Не знаю. Я никогда там не был,- отвечает крестьянин.

Часть наших бойцов уже поели и укладываются спать. У меня тоже слипаются глаза. Слышу, как оставшиеся за столом говорят о немцах, о предстоящих боях. Кто-то ссорится из-за места возле печки, но я уже не могу открыть глаз.

Просыпаюсь оттого, что весь дом дрожит как в лихорадке - это советские танкисты прогревают моторы своих стальных коней. Они первыми покидают Карчемку - деревню, в которой мы остановились. В люке башни одного из танков вижу знакомую женщину-старшину. Машем друг другу на прощание, и машины исчезают в снежном вихре.

Офицеры объявляют сбор. Мы спешно приводим в порядок технику и вооружение, пополняем боеприпасы. Работники политико-воспитательного аппарата полка организуют похороны бойцов, погибших в последнем бою. Нас с хорунжим Рыхертом переводят во взвод пешей разведки.

На следующий день, задолго до рассвета, полк выступает. Марш на запад продолжается. Впереди идут разведчики. Вначале путь наш проходит по лесу, поскольку дорога, которой, судя по всему, давно не пользовались, покрыта толстым слоем снега. Спустя некоторое время лес редеет. Соблюдая все меры предосторожности и чутко прислушиваясь к тишине, мы пересекаем поле и выходим к какой-то железнодорожной станции. Мимо вывески с названием станции, написанным готическим шрифтом, выходим на единственную пустынную платформу.

- Пошли дальше,- приказывает хорунжий.

Дорога снова углубляется в лесок. Идти легче, поскольку машины проложили в снегу широкую колею. Деревья кончаются, и впереди на расстоянии не более километра виднеется деревня с остроконечным шпилем кирхи. Из труб некоторых домов поднимается вверх белый дым. Ясно, что здесь кто-то живет. Но есть ли в деревне гитлеровцы- этого мы не знаем...

- Внимание, ребята, кто-то идет,- отрывая бинокль от глаз, нарушает тишину командир.

Напрягаем зрение: действительно, со стороны деревни кто-то спешит в нашем направлении. Одет в гражданскую одежду. Готовясь к встрече с ним, снимаем автоматы с предохранителей.

- Стой! Стой! -кричим, как только он входит в лес.

- Руки вверх! - для верности добавляет капрал Сокол.

Перед нами мальчишка лет четырнадцати - шестнадцати.

- Есть ли в деревне немецкие войска? - спрашивает хорунжий.

Мальчишка молчит.

- Ты что, немой? - вмешиваюсь я в разговор.

- Ich verstehe nicht{8},- дрожащим голосом выдавливает он из себя.

- А, не понимаешь?! Тогда поговорим по-вашему,- обращается к нему по-немецки командир.

Услышав родную речь, мальчишка обретает уверенность. Он опускает руки и обстоятельно отвечает на все наши вопросы. По его словам, на другом конце деревни расположилась на ночлег группа гитлеровцев в количестве около сорока человек.

Хорунжий отпускает мальчишку и обращается к нам:

- Немцы наверняка еще спят. Может, нам удастся застигнуть их врасплох и взять в плен. Пошли быстрее.

Из леса выходим, развернувшись в цепь. С автоматами наготове подбегаем к ближайшему дому и заходим во двор. Внимательно осматриваемся.

Справа, возле кирпичного хлева, стоят двое саней, доверху нагруженных различными вещами. На одних из-под брезентового тента выглядывают три детские головенки, закутанные в шерстяные платки. Через открытую дверь сарая виден висящий на перекладине поросенок, которого разделывают двое рослых мужчин. Вдруг из конуры выскакивает огромная немецкая овчарка и с громким лаем кидается на меня. Не раздумывая, поднимаю автомат и нажимаю на спусковой крючок. Резкая короткая очередь - собака падает, а дети дружно ударяются в рев. Мужчины, стоящие возле поросенка, как будто-их дернули за веревочку, поднимают руки вверх. Из двери дома выходят две женщины с узлами. Увидев нас, они ставят их на землю и словно по команде начинают просить умоляющими голосами:

- Soldaten, nicht schiepen, wir haben kleine Kinder!{9}

В это время на противоположном конце деревни раздаются выстрелы.

- Ну вот, немцы уже очухались. И все из-за этого партизана,- укоряет меня командир. Разведчики стоят в нерешительности: что делать? - Выходим на улицу,решает хорунжий Рыхерт.

Не успели мы высунуть носа, как воздух над нами вспорола пулеметная очередь. Озираемся по сторонам в поисках лучшей позиции. Капрал Сокол устанавливает ручной пулемет на бетонном погребе, где спрятались гражданские. Ложусь рядом с ним и вижу, как по полю в сторону пригорка убегают немцы в белых маскхалатах.

- Стреляй, чего ждешь?! - кричу я наводчику единственного в

нашей группе пулемета.

Капрал целится и нажимает гашетку, но выстрела нет. Он молниеносно перезаряжает пулемет - и снова металлический щелчок.

- Замерз, черт побери! - чертыхается он.

По черепице крыши снова ударяет очередь немецкого пулемета. Из погреба выглядывает старый немец в круглой темно-синей шапочке и что-то кричит нам. Не обращая на него внимания, мы с Соколом пытаемся наладить пулемет. Но немец не уходит, он настойчиво протягивает нам небольшой металлический бидончик, жестикулирует и опять что-то объясняет. Я, кажется, начинаю понимать, чего он хочет. Беру бидон, быстро отвертываю медную пробку - и чувствую запах керосина.

- Снимай диск! - тороплю наводчика и обильно поливаю затвор керосином.Теперь заряжай и стреляй!

"Та-та-та!" - строчит "Дегтярев". Во двор вбегают бойцы пятой роты. Впереди, как всегда, Смирницкий.

- Пятая рота, за мной! - кричит он по-русски.

Вместе с солдатами его роты выбегаем на улицу и мы. Я успеваю только заметить, как крестьянин в темно-синей шапочке принимается разгружать сани...

Короткий отдых - и снова в путь. В течение двух последующих дней оставляем позади Короново и Семпульно-Краеньске. Вечером 31 января вступаем в Липку. А дальше простирается земля, которой до 1939 года владели немцы.

Бой на Гвде

Дует теплый западный ветер. Небо заволокли тяжелые, свинцовые тучи. Но перемена погоды нас почти не трогает: мы с нетерпением ждем важного исторического события - вступления на землю, откуда гитлеровские войска напали на Польшу. Прибавляем шагу и углубляемся в темный еловый лес. Каждый хочет первым пересечь довоенную границу.

Нашу колонну обгоняет повозка с заместителем командира батальона по политико-воспитательной работе поручником Виктором Красовицким. Она останавливается на небольшой полянке, справа от дороги. Поручник Красовицкий жестом останавливает нашу разведгруппу.

- Бойцы! - начинает он торжественным голосом.- Мы вступили на землю, которую несколько веков назад отобрали у нас силой германские захватчики. От вас, от ваших активных боевых действий зависит, когда эти земли возвратятся в лоно матери-родины...

Продолжаем свой марш. Первый встретившийся на нашем

пути населенный пункт выглядит вымершим, лишь беспризорные коровы бродят по улице. Хозяйственный Гладзюк, которого хорунжий Рыхерт взял в разведгруппу, вздыхает:

- Какая скотина пропадает! Поселиться бы здесь, ну хотя бы вон в том доме из красного кирпича, завести для начала парочку коров и жить себе припеваючи.

- Подожди немного. Вот разделаемся с Гитлером, проведем земельную реформу, и поселишься ты здесь, если только останешься в живых,- поощряет его пулеметчик Сокол.

- А может, поселимся рядом? Нагоним самогону и будем вспоминать по вечерам, как воевали,- добавляет кто-то сзади.

- Смотрите, первый дорожный столб на этой земле! - восклицаю я.- До Злотова двадцать километров!

Ночью темп марша замедляется. Становится еще теплее, и под ногами противно хлюпает раскисший снег. Где-то вдалеке, слева от идущей колонны, слышна глухая артиллерийская канонада и видно красное зарево. Входим в какую-то темную, без единого огонька, деревню. Занимаем один из покинутых домов, растапливаем печь и ложимся спать.

Окончен скудный завтрак - и мы снова в пути. К вечеру добираемся до Злотова. В тех домах, куда мы заглядываем, царит беспорядок. Судя по всему, их обитатели ушли вместе с немцами. Продвигаясь в направлении Яструва, подразделения полка все больше разрастаются - появляются дополнительные повозки, запряженные обозными лошадьми. Более предприимчивые садятся на подводы. Темп марша невысок из-за густого тумана, который ложится на окрестные поля. Возницы дремлют, а измученные лошади через каждые несколько десятков метров останавливаются.

Но вот в конце колонны начинается какое-то движение, и кто-то громко кричит:

- Командира взвода разведки вызывают в штаб полка! Передай дальше!

Хорунжий Рыхерт отправляется в штаб, а бойцы закуривают трофейные сигареты и ждут его возвращения. Курят стоя, поскольку сесть негде - кругом рыхлый мокрый снег. Поднявшийся легкий утренний ветерок наконец разгоняет туман. В лесу тревожно шумят сосны.

"Та-та-та!" - раздается рядом с нами. На всякий случай спускаемся в придорожный кювет, под ногами хлюпает вода. Вскоре треск пулеметов сливается с разрывами гранат. Напряжение возрастает. Разбуженные стрельбой, обозные поспешно поворачивают повозки назад.

- Смотрите, наши ребята успели где-то раздобыть

маскхалаты! - слышится чей-то возглас.

Выходим на шоссе. Оказывается, неподалеку отсюда, за железной дорогой, бойцы обнаружили склад с маскировочной одеждой и предусмотрительно прихватили с собой необходимое число комплектов для всего взвода. Надев маскхалаты, мы сливаемся с окружающим пейзажем.

В это время подходит головная четвертая пехотная рота, а с ней командир второго батальона майор Коропов и наш хорунжий. Офицеры держат в руках карты.

- Разведчики, ко мне! - зовет хорунжий Рыхерт. Обступаем нашего командира и с нетерпением ждем, что же он скажет.

- Нужны шесть добровольцев,- начинает он.

- Я, я, товарищ хорунжий! - отвечаем мы хором.

- Я же сказал - шесть. Нечего торговаться, не на базаре. Командиром этой группы назначаю Кровицкого. Старший сержант, отберите пять человек, и я расскажу, что вам предстоит делать.

- Владек, возьми меня...- сыплются со всех сторон просьбы.

Кровицкий оказался парнем что надо. Не забыл, что мы вместе учились в школе младших командиров, и взял меня с собой.

Хорунжий Рыхерт разворачивает карту.

- Мы находимся сейчас вот в этом месте,- показывает он красным карандашом на маленькую точку.-Это- Пецевко. Впереди, за ближайшим поворотом, течет река Гвда. Через нее переброшены два моста: шоссейный и железнодорожный. Ваша задача - выяснить, целы ли мосты и есть ли на противоположном берегу немцы. Будьте осторожны. Помните, что разведчик обязан все видеть, но не должен вступать в бой, если в этом нет необходимости. Ну, выполняйте задание и благополучно возвращайтесь.

Стрельба, вызвавшая переполох в обозе, утихла. Кровицкий высылает трех разведчиков правее дороги, а сам вместе со мной и сержантом Ресяком идет налево. Соблюдая меры предосторожности, мы шагаем в направлении реки. Сквозь редкие кусты видно, как вздыбился взорванный железнодорожный мост. Внимательно осматриваем простирающийся впереди участок местности. Затем ползем к одиночным кустам, растущим на пригорке метрах в двадцати от нас. Деревянный шоссейный мост, который хорошо виден отсюда, со стороны выглядит невредимым. Сразу же за мостом, справа от дороги, стоит двухэтажный кирпичный дом, а в глубине - еще какие-то постройки. Правее, у самой реки, тянется длинное красное здание.

- Кажется, немцев здесь нет,- шепчет Владек.

- Да и в доме за мостом тоже никого не видно,- рассуждает вслух Ресяк.

- Ну что, рискнем? Я побегу первым,- решает Кровицкий.

- Как только преодолеешь полпути, я двинусь за тобой.

Старший сержант вскакивает и, пригнувшись, бежит к мосту. Теперь моя очередь.

"Та-та-та!" - разрывает тишину резкая пулеметная очередь. Пошатнувшись в сторону, Кровицкий падает. "Та-та-та!" - продолжает бешено строчить вражеский пулемет, и прямо передо мной взлетают фонтанчики снега и земли. Падаю на бок и прячу голову в небольшой впадине. Пулемет за мостом захлебывается огненными очередями. Разгребаю руками снег и в первый момент не замечаю, что содрал кожу на пальцах до крови. Мечтаю только об одном - зарыться как можно глубже в снег, чтобы жужжащие надо мной пули пронеслись мимо. В эту короткую минуту у меня перед глазами пролетает вся моя жизнь.

- Помогите! - узнаю голос Владека.

Снова бьет пулемет и свистят над головой пули. "Наверное, нащупывают Ресяка,- решаю я.- Но как добраться до Владека?"

- Жив? - слышу возле себя чей-то голос. Поворачиваю голову и вижу сержанта Ресяка.

- Жив, а вот Владека ранили,- объясняю ему.

За спиной слышится какой-то .непонятный шум и крики. Немцы снова открывают огонь, на этот раз из нескольких пулеметов одновременно. Пули с жужжанием пролетают над нами. Но и наши не остаются в долгу. Сквозь этот грохот до меня долетает знакомый голос, который по-русски командует:

- Пятая рота, вперед!

"Что с Владеком?" - неотступно сверлит в мозгу. Поднимаю голову и вижу, что Ресяк уже подполз к нему и разворачивает плащ-палатку. Перевожу взгляд на деревянный мост. Там, за мостом, залегли в кустах два гитлеровца и ведут огонь из пулемета. Тщательно целюсь прямо в куполообразные каски. "За Владека! шепчу про себя.- За Варшаву! За все наши страдания!" Нажимаю на спусковой крючок и вижу, как один из гитлеровцев хватается за лицо, а другой быстро исчезает в окопе. Мой автомат, из которого во время переходов я не раз попадал с расстояния ста метров в половинку кирпича, и сейчас не подвел меня.

Ресяк уже успел уложить Кровицкого на плащ-палатку, и мы оттаскиваем белого как мел Владека в безопасное место, перевязываем его рану. Старший сержант открывает глаза, улыбается и, превозмогая боль, шепчет:

- Вы настоящие друзья...

Невдалеке от нас бойцы пулеметной роты под командованием хорунжего Миколая Беднарчука и старшего сержанта Эдварда Пруцналя устанавливают свои "максимы". Совсем, кажется, недавно мы вместе с Беднарчуком кончали школу младших командиров, а теперь он вот уже более двух месяцев работает заместителем командира по политико-воспитательной работе у пулеметчиков. Увидев нас, хорунжий озабоченно спрашивает:

- Что, Владека ранили? Несите поскорее. Вон там хорунжий Козловский со своими "катафальщиками".

Передаем раненого медикам и выходим на шоссе к тому месту, откуда утром отправлялись в разведку, но никого из наших уже нет. У дороги тянут телефонный кабель связисты. Спрашиваем их, не видели ли они разведчиков, но они только пожимают плечами. Пулеметный и автоматный огонь усиливается. Из-за поворота выскакивают мчащиеся галопом лошади с орудиями полковой батареи. На передке одного из орудий сидит ее командир подпоручник Тадеуш Бембинек.

- Быстрее! Быстрее! - покрикивает он.

Батарея исчезает за следующим поворотом, а мы с Ресяком выходим на небольшую поляну. Здесь суетятся, занимая огневые позиции, минометчики хорунжего Ларисы Крупич и капрала Людвика Доды. Установив минометы, расчеты застыли в ожидании команды.

- Алло! Алло! - нетерпеливо взывает в телефонную трубку Лариса. Но аппарат молчит. - Как только будет связь, доложите! - кидает она раздраженно телефонисту.

- Слушаюсь- вытягивается по стойке "смирно" молодой паренек.

Прибавляем шагу и углубляемся в лес, что чуть правее дороги. Идем в направлении, куда промчалась батарея, куда утром ушли трое наших разведчиков, откуда доносится сейчас треск пулеметов. По дороге минуем усадьбу, во дворе которой ездовые батареи держат за узду нервно перебирающих копытами лошадей. Наконец выходим к поросшей кустами можжевельника опушке леса. Наши бойцы ведут отсюда огонь по противнику. Перебежками добираемся до своих. Немцы отвечают ураганным огнем. До моста не более пятидесяти метров, но преодолеть это расстояние почти невозможно. Двое смельчаков, попытавшихся с ходу достигнуть моста, навсегда легли возле дороги...

В придорожном рву несколько офицеров внимательно слушают рассказ Смирницкого. Здесь находятся наш командир хорунжий Рыхерт, бывший командир роты хорунжий Скренткович, командир взвода хорунжий Францишек: Жакович,

сменивший на этом посту Рыхерта, командир второй роты противотанковых ружей подпоручик Войцех Шеремета, старший адъютант батальона хорунжий Хома с ракетницей в руке и еще какой-то невысокого роста неизвестный мне офицер.

- Я бы пробился к тому берегу этом проклятой реки, если бы остатки железнодорожного моста не рухнули совсем и не придавили более десятка моих бойцов,- говорит в заключение командир пятой роты.

- Надо захватить уцелевший мост,- предлагает Скренткович.

- Без артиллерии фрицев из окопов не вышибешь,- вмешивается хорунжий Рыхерт.

- А я все-таки попытаюсь,- решает командир четвертой роты, вылезает из рва, подбегает к залегшей цепи своих бойцов и командует: - Четвертая рота, перебежками - за мной!

Солдаты вскакивают и, согнувшись, выбегают из леса. На наступающих обрушивается сильный пулеметный и минометный заградительный огонь. Они отползают назад, к опушке леса. Одному из них оторвало челюсть, и он бежит, держась руками за лицо. Между пальцами хлещет кровь.

"Бум-бум!" - бьют по гитлеровской обороне наши полковушки. Первый этаж здания за рекой окутан дымом.

Хорунжий Хеша ракетницей указывает артиллеристам цели.

- Пора поднимать бойцов в атаку,- решают офицеры и разбегаются по своим подразделениям.

- Вперед, ребята! - кричит хорунжий Скренткович и первым бросается к мосту.

Вижу, как у его ног взлетают фонтанчики снега - это немцы стреляют из отдаленного красного здания. Не обращая внимания на огонь, за Скрентковичем бегут подпоручник Шеремета, хорунжий Рыхерт, капрал Сойка и я. За нами слышен топот солдатских сапог. Первым к мосту подбегает Скренткович. Справа яростно изрыгает огонь немецкий пулемет, однако, к счастью для нас, наводчик плохо целится, и пули пролетают над нашими головами. Мост уже позади. Вместе с Сойкой спрыгиваем в немецкий окоп, расположенный рядом с кустами. Натыкаемся на брошенный гитлеровцами пулемет, возле которого стоят несколько коробок с пулеметными лентами. На дне окопа лежат трупы гитлеровского пулеметного расчета.

- Ты знаешь,- радостно говорю Леону,- когда я партизанил, у меня был точно такой же.

- Вместо того чтобы болтать, давай лучше развернем его в сторону немцев, может в любую минуту понадобиться,- обрывает меня Сойка.

Готовим пулемет к бою и видим, как группа наших бойцов во

главе с офицерами достигла кирпичного здания, из которого только что стреляли немцы. Хорунжий Рыхерт бросает в окно несколько гранат. Из-за сарая выскакивают двое немцев с пулеметами и устремляются в сторону близлежащего леса. "Это как раз для меня",- будто что-то кольнуло в мозгу, и я склоняюсь над трофейным пулеметом. Прицеливаюсь, нажимаю гашетку. Звякают выбрасываемые гильзы, а немцы уходят все дальше. Целюсь еще раз поточнее - и опять мимо. Гитлеровцы уже в нескольких шагах от спасительного леса.

- Уйдут!- со злостью бросает Леон.

Даю длинную очередь. Тот, который бежал с пулеметом, будто неожиданно наткнувшись на что-то, падает, а другой все-таки исчезает в лесу. Сойка вылезает из окопа и устремляется за вторым трофейным пулеметом.

А немцы в кирпичном здании еще продолжают обороняться. Наши бойцы из расположенного посередине двора погреба пытаются обстрелять их фаустпатронами. В стенах дома появляются большие рваные отверстия.

На плацдарм уже перебрались четвертая и пятая пехотные роты, а по мосту бежит вторая рота автоматчиков во главе с улыбчивым худощавым поручником Анджеем Чюпой. Четвертая рота переходит во второй эшелон батальона и организует оборону. Сержант Багиньский устанавливает свои "максимы" на возвышенности, господствующей над дорогой, ведущей в Яструв. Пулеметчики хорунжего Миколая Беднарчука влетают в прилегающий к кирпичному дому сад и занимают огневые позиции.

- За Варшаву... огонь! - звучит зычный голос Миколая и тонет в грохоте пулеметов.

Ухают немецкие минометы. Одна из мин разорвалась возле Беднарчука. Он зашатался, упал, и мгновенно из-под конфедератки потекла красная струйка крови. К раненому подбежали старший сержант Эдвард Пруцналь и сержант Юзеф Издебский, они перевязывают ему голову, а Миколай открывает глаза и шепчет Эдеку:

- Вперед! За Вар...

Справа от меня торопит солдат хорунжий Игнацы Конопка из второй минометной роты. В это время подбегают с винтовками наперевес минометчики Ларисы. Хорунжий Конопка оборачивается и, увидев командира взвода из своей роты, которая ищет место, где бы установить миномет, показывает:

- Лариса, вон там...

Из длинного красного здания, стоящего у реки, доносится отрывистая пулеметная очередь. Конопка хватается за грудь, сгибается и падает. Лариса подбегает к раненому, гладит его по щеке и повторяет:

- Игнацы, Игнацы, ты должен жить...

А хорунжий Конопка, захлебываясь кровью, с трудом выдавливает из себя:

- Со... об... щи... обо всем... же... не...

Еще мгновение - и он неподвижно вытягивается на снегу.

Обнажив голову, девушка плачет, а ветер безжалостно развевает ее волосы и полы шинели. Она надевает конфедератку, затыкает за пояс полы шинели и в надвигающихся сумерках бегом догоняет взвод.

Спустя некоторое время мы с Сойкой входим в отбитое у немцев кирпичное здание. Сразу же за дверью натыкаемся на труп в немецкой летной форме. Повсюду расположились наши бойцы. Окна завешены плащ-палатками, весело гудит огонь в печи. Хорунжий Хома не может нарадоваться трофейным пистолетом. Делимся впечатлениями о первой победе, одержанной на этих землях.

Вскоре из батальона нам доставляют консервы и трофейные галеты. Впервые за сегодняшний день можно хорошо поесть. Некоторые сушат промокшую одежду, другие укладываются спать. Когда мы с Олейником решили, что неплохо было бы и нам отдохнуть, лечь уже негде: все места на полу заняты. Олейнику приходит в голову блестящая идея - устроиться на ночлег в платяном шкафу. А я выхожу во двор. С деревьев капает тающий снег. Бойцы сидят в окопах и курят, пряча сигареты в рукава. Направляюсь к возвышенности, на которой сержант Багиньский устанавливает свои пулеметы. Еще издали я слышу его голос:

- Лежите в этих мешках и наблюдайте за дорогой...

- Как дела? - обращаюсь я к нему.

- Хорошо. А ты, вижу, скучаешь по старой роте,- смеется сержант.

- Да нет, разведчики тоже хорошие ребята, просто мне негде спать.

- Ну, это дело поправимое. Выдадим тебе спальный мешок, и выспишься как надо. Мои парни раздобыли несколько таких штук. Возьми себе один,по-приятельски предлагает он.

- Спасибо... Послушай, кажется, едет машина.

Прислушиваемся. Теперь уже отчетливо слышен гул мотора. Темноту и туман разрезают лучи фар. Осторожно преодолевая деревянный мост, машина приближается к нам.

- Надо остановить, а то еще заедут к немцам,- беспокоюсь я.

Выбежав на шоссе, мы останавливаем "додж". Из-под брезентового тента высовывается офицер с погонами полковника на плечах.

- Что случилось? - спрашивает он.

- Товарищ полковник,- начинаю я нерешительно,- там, куда вы намерены ехать, немцы.

- Немцы? А ну-ка дайте карту,- коротко бросает полковник кому-то из сидящих в машине.

В свете электрических фонариков несколько голов склоняются над картой. Они о чем-то оживленно спорят. Наконец свет фонариков гаснет, и полковник резко отчитывает нас:

- Паникеры! Яструв уже в наших руках. Водитель, поехали!

- Уехали... Надо было их задержать! - с упреком обращается ко мне Багиньский.

- Зачем же ты их отпустил?!

- Ты - старший сержант, тебе это было удобнее сделать.

- Ты слышал, как он назвал нас паникерами. А впрочем, впереди автоматчики - они наверняка их остановят.

Воцаряется тишина. Только издалека доносится удаляющийся шум мотора.

- Не переживай, начальство знает, что делает,- стараюсь я оправдать себя и Сташека в собственных глазах.- Ну, где твой обещанный спальный мешок?

Шагаю вдоль окопов в обратном направлении. Отовсюду доносится мирный храп, и таким неестественным в этой ночи кажется угрожающее: "бум-бум, та-та-та!"

- Черт побери! Не дают человеку поспать,- сквозь сон ворчит кто-то в окопе, возле которого я остановился.

- Наверное, машина с полковником нарвалась на немцев,- говорю скорее себе, чем сонному вояке, и сворачиваю во двор кирпичного дома. Нащупываю дверь и вхожу.

Какой-то боец сидит возле печки, подбрасывает в огонь остатки сломанной мебели и, не поворачивая головы, сердито роняет:

- Не видишь, что ли, что свободных мест нет?

- А стол? Вот на нем и высплюсь,- решительно заявляю я, не желая покидать теплого помещения.

- Закрывай дверь, а то напустишь в комнату холода, и ложись где хочешь, хоть на потолке,- сменяет он гнев на милость.

Осторожно, чтобы ни на кого не наступить, пробираюсь к столу. Разворачиваю спальный мешок и пытаюсь влезть в него, но у меня ничего не получается. Приходится обратиться за помощью к сидящему у печки нелюбезному бойцу, который до сих пор ни разу даже не взглянул на меня.

- Слушай, парень, помоги забраться в мешок...

- В какой еще мешок? - спрашивает он удивленно.

Оборачивается и, как и я, осторожно подходит к столу.- Где ты его раздобыл?

- Друзья-пулеметчики дали. Нашли несколько штук в немецком бункере. Неплохо придумано, а? Награбили всякого добра - и не знают никаких забот. Но и мы будем жить не хуже, вот увидишь. Только бы война поскорее закончилась...

Кое-как вдвоем мы управились со спальным мешком, поговорили немного о том о сем, и боец возвратился к печке. Ворочаюсь до тех пор, пока мне не удается согреться и принять подходящую для сна позу. Из шкафа доносится ровный, здоровый храп Олейника. Уже в полудреме вижу бледное лицо Кровицкого на снегу и крепко засыпаю, а просыпаюсь от неистового грохота орудий. За окном яростно строчат пулеметы и автоматы, в комнате стоит невообразимый шум и гам. Их заглушает зычный голос сержанта Анджея Гжещака:

- Сюда прорвались две роты немецких автоматчиков с танками! По окопам!

Бойцов словно ветром сдуло. Я пытаюсь вылезти из спального мешка безуспешно, и, вконец отчаявшись, кричу как оглашенный:

- Помогите!

"Трах!" - с грохотом падает что-то на пол. Впечатление такое, что в стену попал снаряд из танковой пушки.

- Помогите!!! - слышу рядом чей-то вопль.- Помогите выбраться из этого проклятого шкафа!

- Послушай, не ори так: я сам лежу связанный па столе в спальном мешке. И тоже нуждаюсь в помощи.

- Чертов шкаф! Надо же было ему упасть дверцами вниз,- чуть не плачет Олейник.

"Не хватало только немцев, чтобы они взяли нас голыми

руками, как баранов..." - со злобой думаю я.

- Ну и влипли! - доносится из шкафа.

Пулеметная и автоматная стрельба не умолкает ни на минуту. У меня мурашки бегают по спине при мысли, что может с нами произойти, если сюда ворвутся немцы.

В прихожей слышатся чьи-то голоса. Кто-то с усилием открывает дверь и тяжело пыхтит. Я закрываю глаза и прикидываюсь на всякий случай убитым.

- Ой, больно, гражданин капрал...

- Наши!!! - радостно восклицаю я.- Друг, развяжи,- прошу бойца с санитарной сумкой.

- Сейчас, сейчас, только уложу раненого,-торопится самый приятный из "катафальщиков", которых я когда-либо встречал на войне.

Меня уже развязали. Вылезаю из спального мешка и зарекаюсь когда-либо пользоваться этой дрянью. Вдвоем помогаем выбраться из шкафа Олейнику.

- Наконец-то я на свободе,- улыбается Стефан в рыжие усы.- Бежим на улицу,- торопит он. Видя, как я вожусь с мокрыми сапогами, советует: - Надевай на босу ногу! Слышишь, стреляют. Скорее!

Запихиваю портянки в карман, хватаю пулемет и вслед за Олейником выбегаю из дома. В окопах полно наших бойцов. Из глубины леса доносится ожесточенная стрельба. По дороге к реке бегут автоматчики. На мосту стоит майор Коропов и пытается их задержать.

- Танки! Танки! - истошно вопит один из бойцов.

К нему подбегает хорунжий Збигнев Скренткович, хватает за шиворот и с вызывающим дрожь спокойствием спрашивает:

- Где ты, черт побери, увидел танки? Покажи! Видишь, фаустпатроны? Бери и жди, когда они подойдут. И не смей отступать.

- А действительно, где же они?- растерянно озирается по сторонам солдат. Потом наклоняется, берет один из фаустпатронов и занимает позицию в окопе.

Подбегаю к пулеметчикам Багипьского. Станислав сидит на каком-то пне и спокойно потягивает из трофейной фляжки.

- Для храбрости? - спрашиваю я.

- Чтобы другим не досталось. Ждем, если фрицы сюда полезут - встретим их как надо... Хочешь расположиться рядом с нами? - предлагает командир ротных пулеметов.

Устанавливаю свой пулемет у поваленной сосны и не спускаю глаз с окутанного туманом шоссе, по которому ночью проехала автомашина. Оттуда еще доносятся голоса наших бойцов.

Стрельба понемногу стихает. Танков пока не видно и не слышно, лишь изредка грохочут орудия, и снаряды, едва не задевая верхушки сосен, разрываются вдали за рекой.

- Не так быстро, я уже больше не могу,- доносится с шоссе чей-то голос.

Смотрю в ту сторону, и только спустя некоторое время из тумана появляются четверо наших бойцов. Они несут убитого хорунжего Эугениуша Петрусевича из роты автоматчиков.

- Кто-нибудь еще из наших там остался? - спрашивает Багиньский.

- Думаю, что нет,- отвечает Юзеф Богуславский.

Стрельба прекращается. Устраиваемся поудобнее и продолжаем внимательно наблюдать за шоссе. Поворачиваю голову направо и вижу спокойное лицо ефрейтора Антони Бучиньского, склонившегося над "максимом", налево застыл у пулемета в ожидании танков сержант Багиньский. А между ними торчат из окопа головы бойцов с автоматами.

Притаившись, ждем появления противника. Время тянется невообразимо медленно. Одежда от мокрого снега становится совсем влажной. Багиньский поднимает руку: внимание! Я сверлю глазами белую стену тумана и поначалу ничего подозрительного не замечаю, но вот из густой пелены тумана вынырнула какая-то темная фигура. Спустя мгновение она приобретает облик вооруженного гитлеровца. За первым фашистом появляется второй, третий... Идут шеренгой по придорожному рву.

- Огонь! - кричит командир пулеметного взвода.

Нажимаю на гашетку и слышу, как захлебывается в ярости мой пулемет, как ровно стучат "максимы" Багиньского и Бучиньского, как трещат автоматы. Вот один немец рухнул на колени и выпустил из рук винтовку, за ним падают другие.

- Назад! Назад! - вопит кто-то невидимый в тумане.

Мы устремляемся вперед, туда, откуда доносится голос, призывающий немцев к отступлению.

После грохота сражения тишина кажется особенно удивительной. Багиньский исчезает куда-то и спустя минуту возвращается с трофеем - серебристым альпийским эдельвейсом. Он снял его с шапки убитого гитлеровца.

Временно в обороне

Для штаба полка, вероятно, явилось полной неожиданностью, что небольшая группа наших бойцов сумела на противоположном берегу реки Гвды отразить контратаку немцев. До вышестоящих инстанций дошел, судя по всему, и слух о появлении танков, и через некоторое время на наш участок прибыла советская противотанковая артиллерия. Однако тревога оказалась ложной.

Началось запоздалое преследование противника. Хорунжий Рыхерт собрал разведчиков, я передал трофейный пулемет бойцам четвертой роты, и вот мы шагаем впереди, в авангарде полка. Разговор все время идет о недавнем бое, о погибших и об отличившихся в этой схватке. Причем я тогда еще не знал, что командование высоко оценило мое участие в этом бою и по его представлению мне присвоено звание хорунжего. Спустя девятнадцать дней командующий армией подписал приказ. Но я об этом узнал только через четыре месяца...

Впереди нас внимательно обследуют местность дозорные, поэтому мы чувствуем себя в относительной безопасности и с любопытством разглядываем места, где совсем недавно шел бой. Вот рядом с шоссе лежат пять убитых немцев, а невдалеке, в придорожном рву, нашли свою могилу еще девять гитлеровцев. Их, должно быть, накрыл наш кинжальный огонь. А вот распластались еще трое фашистов. И... неожиданно натыкаемся на знакомый "додж", перевернутый вверх колесами. Возле него несколько убитых офицеров в польской форме, и среди них тот полковник, что не поверил в правильность наших сведений. Хорунжий Рыхерт отдает честь погибшим, около него застываем в глубоком молчании и мы.

Выходим из леса. Отсюда до Яструва рукой подать. Прибавляем шагу, ведь за нами чуть ли не по пятам движется авангард полка. В городе встречаем бойцов 4-й дивизии, которые вошли в него с другой стороны.

Останавливаемся на отдых. По соседству расположилась пятая рота. Некоторые бойцы, не дожидаясь обеда, заглядывают в покинутые дома и выносят оттуда банки с различными яствами. Открыть их - дело несложное, этому мы уже научились.

- Эй, с дороги! Посторонись! - кричит кто-то.

Предусмотрительно схожу с проезжей части и вижу ефрейтора Яцкого из пятой пехотной роты, который, сидя на высоких козлах катафалка, погоняет пару вороных лошадей. Опять придумал что-то этот весельчак!

- Тпру! - останавливает он сверкающую черным лаком и серебром повозку, вешает вожжи на отливающий золотом фонарь катафалка, пружинистым шагом подходит к хорунжему Смирницкому, лихо щелкает каблуками, отдает честь и докладывает:

- Гражданин хорунжий, разрешите передать в ваше распоряжение. Это экипаж самого богатого в городе немца...

Пока Яцкий докладывал, хорунжий стоял по стойке "смирно", сохраняя притворно серьезный вид, но как только ефрейтор закрыл рот, хорунжий вместе со всеми залился безудержным

смехом. Затем многозначительно подмигнул старшине:

- Выходит, что теперь я должен ездить на этом катафалке. Ну и выдумал же ты, Яцкий... Но ты прав: на войне надо иногда и посмеяться...

И опять собравшиеся в кучу бойцы покатываются со смеху.

Дождавшись полевых кухонь с обедом, отправляемся снова в путь. А катафалк так и остается посреди мостовой. Ни Рыхерт, ни Яцкий больше на катафалке не ездили, однако возницу с тех пор злые языки прозвали "катафальщиком".

Движемся в направлении Сыпнева. Другие дивизии 1-й армии Войска Польского ушли вперед, а наша находится во втором эшелоне. По дороге то и дело встречаются брошенные хозяевами дома, бродит беспризорный скот. Издалека доносится приглушенный расстоянием грохот орудий. Под вечер добираемся до Сыпнева. Артиллерийская канонада понемногу стихает, и мы устраиваемся на ночлег.

На следующий день утром 7-й и 9-й пехотные полки вступают в бой. Повсюду на огневых позициях полно орудий, недостаток в которых мы ощущали в предыдущих боях. Новый день начинается с необычного оживления в батальонах полка. Забегаю в свою прежнюю роту за новостями, однако никто ничего толком не знает. Правда, ходят слухи, что их направляют в тыл противника со специальным заданием. Вернувшись в свой взвод, я рассказал обо всем услышанном хорунжему Рыхерту.

- Что, в тыл? Сейчас все узнаю! - решительно заявляет он.

Но слухи подтверждаются, о чем свидетельствует невеселое выражение лица хорунжего. Оказывается, первый батальон следует в Гожув Велькопольский, второй - в Жепин, а третий - в Иноврoцлав.

- А мы?- беспокоятся разведчики.

- Будем бить немцев здесь,- коротко бросает хорунжий.

- Одни, без пехоты?..- качает с сомнением головой подхорунжий Дуда.

- Нечего переживать. Кроме нас остаются штаб полка и все самостоятельные подразделения,- подбадривает нас Рыхерт.

С улицы доносятся отрывистые команды и топот множества ног. Пехотные батальоны нашего полка покидают Сыпнев. Выходим во двор. Погода сегодня прекрасная: впервые за несколько дней выглянуло солнце, температура чуть ниже нуля. Но на душе у бойцов взвода разведки отнюдь не радостно.

- Когда теперь увидимся?- разочарованно спрашивают они.

После полудня на улицах поселка снова началось какое-то оживление - это специальные подразделения - артиллерии, минометов, противотанковых ружей и даже обе роты

автоматчиков передаются в качестве средств усиления 7-му и 9-му пехотным полкам.

На следующий день, после того как мы приняли на себя охрану штаба полка, в расположение нашего взвода заглядывает командир части подполковник Гжегож Самар. Хорунжий Рыхерт докладывает, что бойцы занимаются чисткой оружия.

- Ну, как дела, разведчики? - спрашивает подполковник.

Воцаряется гробовая тишина.

- Почему повесили головы? Может, еще заплачете?

- Плакать не собираемся, гражданин подполковник...- нерешительно говорю я,- но нам все же кажется, что о нас забыли...

- Ребятам нужна более конкретная работа,- поясняет хорунжий.

- А разве это не конкретная работа - охранять штаб вблизи линии фронта? Ведь несение караульной службы- тоже боевое задание. Кстати, об этом говорится во всех уставах. Вы, наверное, уже слышали, что довольно большой группе немцев удалось вырваться из окруженной Пилы? Они наверняка попытаются прорваться к своим, и не исключено, что как раз на нашем участке. Вот тогда и у вас будет конкретная работа. Но независимо от этого я попрошу начальника штаба найти для вас, как вы говорите, что-нибудь посущественнее. Идемте со мной,- обращается он к Рыхерту.

Хорунжий вскоре возвращается.

- Я только что был в штабе полка и знаете, что видел? Угадайте,- с порога заявляет он и, не давая нам времени на раздумья, продолжает: - Наш офицер по снабжению подпоручник Мечислав Обедзиньский вместе с двумя бойцами взяли в плен девятнадцать фрицев!

- Откуда он их столько набрал?! - удивляется сержант Дучиньский.

- Возвращался из штаба дивизии, а гитлеровцы обстреляли его автомашину. Ребята не растерялись: выскочили из машины и открыли огонь из автоматов по избе, откуда стреляли немцы. А потом бросили пару гранат, и фрицы, подняв лапки вверх, вышли из дома. А мы сидим здесь сложа руки... - заканчивает он с горечью.

Спустя два или три дня после этого происшествия охрану штаба принимает от нас взвод саперов, а мы перебираемся в красивое кирпичное здание. В нем намного удобнее, а все наши обязанности сводятся теперь к охране дома и присмотру за своим собственным хозяйством.

Сегодняшнюю ночь спим крепко, хотя со стороны

расположенного невдалеке от нас фронта монотонно грохочет артиллерийская канонада. Бодрствуют только наружные посты.

"Та-та-та!" - раздается вдруг у самого дома треск автоматов. Со звоном вылетают стекла из окон, во всех комнатах, словно осы, жужжат пули.

- Тревога! Тревога! - запоздало кричат часовые.

Быстро хватаем оружие, с которым ни один из нас ни на минуту не расстается, и занимаем огневые позиции у окон. Кто-то уже дает длинную очередь. К нему присоединяются другие. По комнатам распространяется резкий запах сгоревшего пороха.

- Черт побери, надо же им было нарваться на нас,- слышится в этом треске голос командира.- Часть бойцов останется оборонять здание, а остальные обойдут немцев с тыла. Нельзя терять ни минуты, пока еще темно,- решает он.

Первым вылезает через окно сам Рыхерт, за ним - Тасчук, Ян Заёнц, я, Гладзюк и еще несколько разведчиков. Хорунжий ведет нас садами, и спустя некоторое время мы уже в тылу у немцев.

- Разведчики, за мной! Ура!- кричит хорунжий и пер-вым бросается в атаку.

- Ура-а-а! - подхватываем мы и длинными очередями поливаем застигнутых врасплох немцев.

Мы бежим рядом с капралом Гладзюком и, когда из кустов неожиданно выскакивает рослый гитлеровец, словно по команде поднимаем автоматы и почти одновременно стреляем. Склонившись над убитым, мы видим на черных отворотах его шинели знаки СС.

Вдруг из-за сарая выскакивают еще двое эсэсовцев и попадают под огонь Рыхерта и Заёнца. Один из фашистов успевает крикнуть:

- Помогите! Помо...

Гитлеровцы не выдерживают нашей стремительной атаки и удирают в сторону близлежащего леса. Вдогонку им летят очереди из наших автоматов. Из здания выбегают его защитники. Все вместе мы наконец справились с теми немцами, которые пытались оказывать сопротивление. Итоги закончившегося боя весьма впечатляющи. Девять эсэсовцев стоят с поднятыми руками и покорно смотрят на победителей. Сразу куда-то исчезли их спесь и самоуверенность.

Двое бойцов уводят в штаб полка пленных, остальные прочесывают окрестности. Только в саду они успели насчитать семь трупов в эсэсовской форме.

Такие результаты боя не только свидетельствовали о смелости и находчивости разведчиков, но и явились той конкретной работой, о которой мы мечтали.

Проходит половина февраля. Подразделения нашего полка на три-четыре дня сменяют 7-й пехотный полк, расположенный под Надажицами. Уже на следующую ночь на наш взвод разведчиков и роту автоматчиков нападают с тыла немцы, как позднее выяснилось, силой до роты. Фашисты сумели вплотную подойти к нашим окопам и забросать их ручными гранатами. Главный удар приходится *на роту автоматчиков. Некоторым гитлеровцам даже удается ворваться в наши окопы. Немцы идут напролом - свои совсем рядом. Часть из них прорвалась через наши окопы и исчезла в ночной темноте. Но наш огонь был весьма эффективным - меткие очереди сразили более десятка фашистов, примерно стольких же ранили. В роте автоматчиков пострадали только трое.

Нас снова переводят во второй эшелон, и мы размещаемся в небольшой деревушке Броды возле Надажиц. В то время когда остальные соединения 1-й армии Войска Польского преодолевают Поморский вал, 3-я пехотная дивизия имени Ромуальда Траугутта, состоящая из двух полков, ведет оборонительные бои. Мы, разведчики, несем караульную службу возле штаба полка или прочесываем близлежащую местность и считаем эту работу не менее важной, чем участие во фронтовых боях.

Колобжегская победа

Подходит к концу первый месяц тяжелых боев за древние польские земли. Завтра первое марта. В подразделениях полка идут разговоры о новом наступлении. Хотя до Балтики еще далеко, мы при каждом удобном случае распеваем:

Море, наше море,

Верно будем тебя охранять...

Мы поем о море, но, откровенно говоря, подавляющее большинство из нас никогда его не видело.

И вот первое марта наступило. Ранним утром слева от нас загрохотала польская артиллерия. В небе появились самолеты с бело-красными шашечками на фюзеляжах. Правда, были минуты, когда казалось, что фронт почти затих, но это обманчивая тишина. После небольшой паузы все начиналось снова. От адского грохота закладывало уши. Это главная ударная группировка 1-й армии Войска Польского, сосредоточенная на левом фланге, перешла в наступление. Под мощным ударом затрещал передний край немецкой обороны.

А мы, недоукомплектованный 8-й пехотный полк, по-прежнему находимся во втором эшелоне дивизии. Правда, нам передали дивизионный учебный батальон, но это по сравнению с другими пехотными полками, каждый из которых состоит из трех батальонов, неравноценная компенсация.

На следующий день после полудня началось и у нас оживление. Обозные следят за погрузкой вещей. Каждый хочет взять с собой как можно больше - и то, к чему привык, и то, что может когда-нибудь понадобиться. Однако неумолимые контролеры придирчиво, со знанием дела определяют, что нужно взять с собой, а что следует выбросить. Ненужное, с их точки зрения, барахло они неумолимо сваливают в придорожный ров, а о .том, чтобы погрузить его тайком, не может быть и речи.

Вечером выступаем. Полки, находящиеся в огневом соприкосновении с отступающим противником, преследуют его, не давая возможности организовать оборону на новом рубеже.

На следующий день мы уже в Чаплинеке, раскинувшемся на берегу озера, которое в это время еще покрыто льдом. Изредка вспыхивает сильная перестрелка - это наши подразделения подавляют оставшиеся огневые точки фашистов. К сожалению, мы еще не принимаем участия в боях. Покидаем Чаплинек и движемся в направлении на Полчин-Здруй. Впереди - прилегающий к дороге лес, откуда доносится пулеметная и автоматная трескотня. Вдруг из леса ударяет очередь, а просвистевшие над головой пули вынуждают нас покинуть шоссе. Старший сержант Ян Полец и сержант Альфред Малиновский быстро устанавливают противотанковое ружье. Янек с минуту целится и нажимает на спусковой крючок. Грянул выстрел. Альфред вставляет новый патрон. Бойцы пехотных подразделений развертываются в цепь. Автоматные очереди трещат беспрерывно, пока мы достигаем опушки леса. Из-под развесистой ели встают двое немцев и покорно поднимают вверх руки. Наши подбегают к ним, быстро разоружают, а гитлеровцы лишь обреченно твердят:

- Гитлер капут!

Наше движение продолжается. По пути мы встречаем несколько подвод с гражданским населением. Увидев нас, они останавливаются. Все женщины без исключения одеты в брюки или черные юбки. В руках они держат белые флажки и понуро смотрят в землю. Мужчины предусмотрительно поднимают вверх руки. Только дети с порозовевшими от мороза щеками с любопытством разглядывают неизвестную им форму.

- Видите, как старо выглядят их бабы...- нарушает тишину известный сердцеед капрал Шляхта.

- А ты бы хотел, чтобы они к встрече с тобой накрасились? - обрывает его Заёнц.

Вскоре на горизонте возникает очередная деревня. Еще немного усилий - и мы вступаем на булыжную мостовую. Вокруг ни души. Распахнутые двери домов скрипят от ветра и хлопают о косяки. Останавливаемся на ночлег.

Я развожу огонь в печи, а сержант Владислав Пентковский задумчиво играет на гармошке. Едим консервированное мясо, пьем кофе. Становится теплее. Вдруг с улицы доносятся громкий смех и возгласы женщин. Часовой во дворе разговаривает с девушками, на левом рукаве у которых виднеются бело-красные повязки.

- Наконец-то мы свободны! - радуются они и, перебивая друг друга, рассказывают о своей тяжелой жизни на принудительных работах у немецких бауеров.

- За то, что вы освободили нас, каждый заслужил поцелуй.- И одна из девушек, блондинка, по очереди целует разведчиков.

- Милости просим, заходите к нам в гости,- галантно приглашает капрал Шляхта.

- Идемте, девчата! У них, слышу, гармошка, вот и потанцуем в честь такого праздника,- охотно соглашается блондинка.

Гармонист раздвигает мехи трофейного аккордеона, а разведчики, опережая друг друга, приглашают девушек на танец. Кружатся в ритме вальса пары, а те, кто не танцует, скандируют:

- Мало, мало...

Гармонист не успевает передохнуть, как его снова просят сыграть что-нибудь. И все же усталость берет свое.

Утром выступаем в северном направлении. Стрельба все еще где-то далеко. Идем, как всегда, впереди главных сил нашего куцего полка. Нас приветствуют только что освобожденные соотечественники. Сколько радости светится в их глазах, когда они видят нас! Все чаще попадаются подводы с немецкими беженцами. Мужчины небриты, грязны и панически всего боятся, женщины тоже не блещут особой опрятностью. Наконец-то и им довелось познать невзгоды и лишения скитаний.

Балтика приближается с каждым часом. Мы снова продвигаемся в авангарде нашей колонны. Если впереди ничего подозрительного не видно, садимся на велосипеды и резво крутим педали.

Перед нами, рядом с дорогой, поросший кустами пригорок. С оружием наготове направляемся к этому пригорку и прочесываем кусты.

- Осторожно, ребята,- шепотом предостерегает бывалый ефрейтор, лодзянин Францишек Лукасевич, и показывает на проходящий невдалеке овраг. Преодолеваем его и видим впереди нас в полутора километрах идущую по дороге в нашем направлении группу людей. Кто они - различить пока невозможно. Лошади, опустив головы, тащат нагруженные доверху обозные подводы. Снимаем оружие с предохранителей и ждем, пока подойдут подразделения нашего полка.

- Наверняка немцы. У всех на голове каски,- делюсь я своими наблюдениями.

- Ты прав,- поддакивает подхорунжий Дуда.

- Надо предупредить наших,- оборачивается Лукасевич, ища глазами связного.

- Видимо, вырвались из окружения. Силы, правда, неравные, но попытаемся застигнуть их врасплох,- коротко оценивает подхорунжий наши возможности.

- Я уже их пересчитал. Ровно двадцать три человека. Арифметика простая: трое па каждого разведчика. Немцы уже в нескольких шагах от пригорка.

- Хенде хох! - кричит подхорунжий.

- Хенде хох!- вторим ему мы.

Ошарашенные, немцы послушно поднимают руки вверх, не проявляя даже малейшего желания оказать сопротивление.

- Всем солдатам бросить оружие! - с ужасным акцентом приказывает по-немецки Лукасевич.

Гитлеровцы поспешно выполняют его распоряжение. Мы выскакиваем из кустов. Выставив вперед автомат, подхожу к толстому немцу и, ткнув его в живот, знаками объясняю, чтобы он расстегнул пряжку ремня с надписью: "Gott mit uns"{10}. У пояса висит кобура с пистолетом.

- Слушаюсь! - щелкает каблуками немец и быстро снимает ремень.

Я поспешно расстегиваю кобуру - и в руках у меня великолепный вальтер.

Подходят основные силы нашего взвода. С ними идут несколько связистов. Передаем им пленных, а сами садимся на велосипеды и едем дальше.

8 марта вступаем в деревню Росченчино, неподалеку от Колобжега, откуда доносится непрерывный артиллерийский гул. Должно быть, там сейчас идут тяжелые бои... Однако нам до города еще довольно далеко. Полевые кухни совсем забыли про нас, и мы, полагаясь лишь на свою находчивость, вшестером отправляемся на поиски продовольствия, даже не доложив хорунжему. Входим во двор какого-то богатого хозяина. Дом - кирпичный, из окоп видны расположенные поблизости поля с островками тающего снега и лужами воды. Интуиция не подвела - кладовка действительно забита продуктами. Проворно опустошаем банки, а во дворе пискливо тявкает дворняжка.

- Посмотрите кто-нибудь, на кого это она лает? - обращается к нам капрал Шляхта.

- Со стороны поля сюда движется группа немцев,- докладывает Сокол.

Не дожидаясь приказа, быстро занимаем позиции у окон, выходящих в поле. Немцев в три раза больше, чем нас. Кроме того, они лучше вооружены. Двое идущих впереди несут даже ручные пулеметы, а у нас их вообще нет. Рассчитывать придется на толстые стены дома и на помощь товарищей.

Уже слышна чужая речь, и вот из-за угла сарая появляются немцы. Они останавливаются у сваленных возле забора бревен. Некоторые усаживаются на них, снимают каски и вытирают рукавами пот с лица.

- Пора...- шепотом предлагаю товарищам.

Поднимаем автоматы, однако мгновением раньше нажимает на спусковой крючок Шляхта. Сраженные его меткой очередью, падают на землю двое немцев. Через разбитые стекла окон долетают крики и стоны:

- Помогите! Не стреляйте!

Мечущиеся по двору немцы послушно бросают оружие и поворачивают головы в нашу сторону. Выставив вперед автоматы, выходим во двор. Смотрим на небритые лица немцев, на их бегающие от страха глаза, на дрожащие в коленях ноги. На поле боя лежат восемь мертвых и раненых фрицев. Забираем у всех личное оружие и отводим пленных в штаб. Там нас сразу же окружают товарищи и забрасывают вопросами.

Радуемся первой победе, одержанной на подступах к Колобжегу.

- Мы еще себя покажем, когда вступим в бой за Колобжег,- обещаем мы, вдохновленные сегодняшним успехом.

Из первых военных сводок узнаем, что немецкий гарнизон упорно обороняет город, объявленный крепостью. Ни на минуту не смолкает артиллерийская канонада. Днем над городом поднимается густой черный дым, ночью - кровавое зарево пожаров.

Первой из нашего полка в бой за Колобжег вступает батарея 120-мм минометов. Вместе с 7-м пехотным полком она переправляется через реку Парсенту и наносит удар по Лемборскому предместью. Другие подразделения вводятся в бой лишь 10 марта на стыке между 7-м и 9-м пехотными полками. Среди них и наш взвод разведки. Перед выступлением командир напоминает:

- Возьмите побольше гранат.

- А сколько их надо иметь, гражданин хорунжий? Уж и так все карманы забиты ими, и еще мало? - допытывается Лукасевич.

- В уличных боях артиллерия не всегда сумеет развернуться и помочь - и тогда вся надежда на гранаты. Берите и не рассуждайте!- приказывает Рыхерт.

Подвешиваем гранаты к поясу, а те, у кого имеются трофейные вещевые мешки, запихивают по нескольку гранат и в них.

Приближаемся к городу. Со всех сторон грохочут пулеметы. Огонь алчно пожирает здания. Вдоль дороги, по которой мы идем, лежит множество убитыхрусские, поляки, немцы.

Останавливаемся возле обгоревших, еще дымящихся зданий. Здесь лежат трое раненых бойцов из 7-го полка, возле них хлопочет санитар.

- Куда ранили? - спрашиваем одного из них.

- В ногу.

- Ясно, а где?

- Недалеко отсюда, у костела. Остерегайтесь снайперов на крышах.

- Крепко держатся фрицы?

- Дерутся как черти. Приходится с боем брать каждый дом, да что там говорить, даже каждый сарай...- тихо добавляет другой.

Подходит неизвестный нам офицер и показывает хорунжему Рыхерту, куда нам надо идти.

- Дойдете до дороги, не задерживайтесь, а перебегайте на ту сторону, к двухэтажному белому дому с двумя балконами. Там еще наши, а дальше уже немцы...

Держим путь в указанном направлении. Треск пулеметов и разрывы гранат слышатся совсем рядом, над головами устрашающе свистят пули.

- Наверное, обнаружили нас, вот и устроили концерт,- ворчит кто-то сзади.

Однако никто не поддерживает разговора. В голове роятся самые мрачные мысли. Вот и дорога, а за ней - белый двухэтажный дом с балконами.

- Перебежками, по два-три человека - на другую сторону! - приказывает командир взвода.

Благополучно преодолеваем мостовую. Раз только затрещала пулеметная очередь, но пули просвистели мимо,, отбив в нескольких местах штукатурку у дома, к которому мы бежим.

Ночь, а видно как днем. Артиллерийский огонь с обеих сторон не прекращается ни на минуту. Клубится дым, из горящих зданий вылетают снопы искр. Мы спускаемся в подвал, стаскиваем к одному из окон найденные ящики, и Сокол устанавливает на них ручной пулемет. Здесь чувствуем себя почти в безопасности. Приходят бойцы из подразделения, захватившего дом, угощают нас трофейными сигаретами и расспрашивают о нашей части. Охотно отвечаем на их вопросы. В заключение визита "хозяева" дома жалуются на трудности с

питьевой водой.

- В каждой квартире имеется водопровод, но вода почему-то не течет... Правда, во дворе стоят лужи, но пить из них не советую,- объясняет капрал с длинными казацкими усами.

- Не то, что у нас. У каждого крестьянина во дворе колодец с журавлем. А какая вода! - чмокает губами Сокол.- Особенно приятно, ребята, пить ее, когда возвращаешься с поля,- расхваливает он свои родные края.- Тогда...

"Трах!" -ударяет в наш подвал немецкий снаряд. От мощного взрыва здание сотрясается до самого основания,- видимо, безопасность в подвале действительно относительная. И будто прочитав паши мысли, к нам заглядывает обеспокоенный хорунжий Рыхерт, окидывает взглядом наше хозяйство:

- Неплохо устроились... Даже из корабельных орудий вас здесь не достанешь. Пожалуй, я с вами останусь. Завтра пойдем в атаку, а теперь установите дежурство у пулемета, остальным - спать.

Усевшись на полу, пытаемся уснуть, но артиллерийская канонада не умолкает всю ночь. Утром глаза у всех красные от недосыпания. А по двору уже расхаживают новые гости - бойцы роты 82-мм минометов и орудийный расчет 45-мм противотанковой пушки. До завтрака нам предстоит захватить соседний дом на противоположной стороне улицы. Минометчики откроют огонь, а когда мы поднимемся в атаку, расчет пушки будет подавлять прямой наводкой огневые точки противника.

"Плюм-плюм!" - подпрыгивают стволы минометов.

- Отлично, ребята! - хвалю их.

- Мало мин, а то бы мы показали! - обнажает в улыбке стальные зубы высокий сержант.

Вдруг все вокруг оживает. Со всех сторон трещат автоматы. Артиллеристы выкатывают за угол здания свою пушку и тоже открывают огонь.

- Приготовиться к атаке! Достать ручные гранаты! - доносится взволнованный голос Рыхерта.- За мной!

Первым выскакивает сам хорунжий. За ним бежим мы, стреляя на ходу по окнам дома, который нам предстоит захватить. Артиллеристы тоже ведут огонь из своего маленького орудия. Хорунжий поднимает вверх гранату. Широкий замах, как у хорошего косаря,- и брошенная граната влетает в окно. Дом содрогается от взрыва, оконная рама с треском падает на тротуар. Где-то на верхнем этаже в последний раз захлебнулся пулемет.

- Кидайте гранаты в окна! - старается перекричать шум сражения хорунжий Рыхерт.

Бросаем гранаты и подбегаем к стене дома. Несколько секунд

выжидаем. "Бум-бум!" - доносятся из глубины дома взрывы.

- Влезаем через это окно! Подсадите меня! - кричит офицер.

Спустя пятнадцать минут весь первый этаж в наших руках. В угловой комнате, возле пробитого в стене отверстия, лежат разбитый нашими гранатами немецкий пулемет и его расчет. Двое товарищей не спускают глаз с двери, ведущей во двор, а Рыхерт, словно кошка, крадется на второй этаж. Следом за ним еле успевает Гладзюк. Замираем в ожидании. Командир поднимается все выше и выше и исчезает за поворотом лестницы. В соседних помещениях тишина, только противно хрустит под ногами разбитое стекло, да на последнем этаже разъяренно лает гневными очередями пулемет.

На лестничной площадке третьего этажа - дыра в стене, через которую можно пройти в соседнее здание. Командир приказывает мне и еще троим разведчикам ликвидировать расчет немецкого пулемета, а сам с оставшимися бойцами пролезает через дыру в соседний дом.

- Ребята, разделимся на пары. Я с Лукасевичем полезу наверх, а ты, Шляхта, вместе с Ясиньским будешь прикрывать нас сзади. В случае необходимости придете нам на помощь,- распоряжаюсь я.

Осторожно, стараясь не шуметь, останавливаемся возле единственной двери, ведущей на чердак. Оттуда доносится грохот пулемета. Нажимаю на дверную ручку - закрыта.

- Что будем делать? - нервничает Лукасевич.

С минуту я беспомощно смотрю то на товарища, то на массивную дверь.

- Давай немецкую гранату с деревянной ручкой. Она откроет любую дверь лучше всякого ключа,- вдруг приходит мне в голову спасительная мысль.

Я беру гранату и подхожу к двери. Хотя эта работа и не требует особых усилий, чувствую, как на лбу выступает пот. А пулемет на чердаке все поливает огненными очередями наших бойцов.

- Дай какой-нибудь шнурок...

- Нет у меня никакого шнурка.

- Тогда бинт...

Лукасевич разрывает прорезиненную упаковку немецкого индивидуального пакета и протягивает мне его содержимое. Быстро привязываю гранату к дверной ручке, чтобы она случайно не упала, выворачиваю из рукоятки металлический колпачок - на шелковом шнурке повисает небольшой фарфоровый шарик.

- Спустись пониже и приготовь еще одну гранату,- советую я ефрейтору.

Придерживая корпус гранаты, дергаю за шарик и бегом, перескакивая через две ступеньки, спускаюсь вниз. Считаю про себя: "Сто двадцать один, сто двадцать два... сто двадцать семь..." И в это время раздается оглушительный взрыв. Лестница наполняется дымом и пылью, а в ушах возникает устрашающий звон.

- За мной! - кричу я товарищу и мчусь по ступенькам, ведущим на чердак.

Бежать тяжело: задыхаемся от едкого дыма и известковой пыли, под ногами похрустывают щепки разбитой двери. На ходу снимаю с предохранителя гранату. В проеме двери виден чердак, наполненный клубами дыма.

- Бросай! - кричу я, и мы оба швыряем по гранате.- Бросай влево от входа, а я - вправо!

Снова летят на чердак гранаты, и дом содрогается от взрывов.

- Ну что, полезли? - спрашивает Лукасевич.

- Рано. Там сейчас и так ничего не видно. Подождем, пока пыль осядет,объясняю я товарищу, а самому не терпится увидеть результаты нашей работы.

- Вряд ли кто остался в живых... Не стреляют.

- Подождем.

- Эй, есть здесь кто-нибудь? - спрашивает Лукасевич и на всякий случай повторяет вопрос по-немецки. Чердак хранит молчание.

- Что-то не подают признаков жизни. Наверняка готовы,- пытаюсь успокоить себя и товарища.

- Тс-с-с! Кто-то кашляет. Слышишь? - шепчет Франек.

- Слышу...

Направив ствол автомата в ту сторону, откуда доносится кашель, нажимаю несколько раз на спусковой крючок. Снова прислушиваемся - тишина. Пыль почти осела. Осторожно пролезаем через проем двери на чердак и на всякий случай даем несколько коротких очередей по темным углам. В крыше напротив двери выбито несколько черепиц. Возле образовавшейся дыры лежит немец. Я склоняюсь над ним - он мертв.

- Не может быть, чтобы он был здесь один. Ведь кто-то кашлял. Наверняка не он...

Настороженно осматриваемся по сторонам.

- Слышишь, где-то звонят? Наверное, телефон! - снова почему-то шепчет Франек.

Резко оборачиваюсь назад. Возле дымохода, рядом с телефоном, лежит немец в морской форме. Лукасевич снимает трубку, и я отчетливо слышу:

- Ганс, алло, Ганс, проклятие...

- Пусть себе зовут Ганса,- смеется Франек, кладет трубку на рычаг и зовет меня: - Посмотри, здесь еще одна дыра...

Подхожу к дымоходу и обнаруживаю еще одно большое отверстие в крыше.

- Ну и вид отсюда открывается! - Я даже присвистнул от восхищения.- Если бы не дым, отсюда можно было бы увидеть Балтику...

- Да, действительно... Смотри-ка, вон там, на крыше, немцы! - приводит меня в чувство своим восклицанием ефрейтор.

- Зови сюда Сокола с ручным пулеметом. Мигом! - приказываю я, а про себя раздумываю: "Немцы закрыли наглухо дверь чердака. Значит, из дома в дом они перебегают по крышам. Надо будет доложить об этом командиру взвода".- Сокол, займи позицию возле этой дыры,- говорю я, когда тот появляется на чердаке,- и внимательно следи за крышами соседних домов. Здесь только что звонил немецкий телефон. Могут нагрянуть "гости". А ты,- обращаюсь я к Лукасевичу,- приведи сюда Шляхту и Ясиньского. Надо как следует приготовиться к обороне. Ну, отправляйся!

- Неплохо придумали фрицы. Мы их ищем внизу, а они лазят по крышам. Послушай, а где телефон, о котором ты говорил? - интересуется Сокол.

- Там, за дымоходом.

- Провода обрезал?

- Нет, а зачем?

- Как это зачем? А вдруг нам придется покинуть чердак? Вернутся фрицы и снова воспользуются им. Пойду отключу,- не перестает тараторить он.- Ну и дали вы им прикурить. Когда первый раз трахнуло на чердаке, я подумал: наверняка кого-нибудь из наших уже нет в живых...

- Хватит болтать! - обрываю я на полуслове пулеметчика и приказываю: Лучше подготовь огневую позицию. Возле разбитого немецкого пулемета лежат мешки с песком, притащи их сюда. А вы, ребята,- обращаюсь к остальным,- выньте по одной черепице и наблюдайте за крышами.

- Будет сделано. А что с нашими? Где командир? - расспрашивает Ясиньский.

- Вот ты иди к командиру и доложи, что мы находимся на чердаке. Передай, что отсюда можно по крышам перебраться в соседние дома.

- Я?! - переспрашивает Ясиньский.

- Ты! - повторяю решительно.

Вижу, как паренек бледнеет и топчется в нерешительности -

он всего на два года старше меня.

- Один?

- Шляхта, отправляйся вместе с ним искать хорунжего Рыхерта.

- Пошли! - машет тот рукой Ясиньскому.

Сокол оборудует огневую позицию, а Лукасевич тем временем рыщет по чердаку. Спустя минуту радостно восклицает:

- Ребята, консервы нашел!

- Неси сюда! - Сокол, как всегда, первый, когда речь идет о еде.

Открываем обе найденные банки и ложками начинаем уплетать холодные свиные консервы.

- Неплохо было бы раздобыть где-нибудь хлебушка,- говорит с полным ртом Лукасевич.

- Да, что-то давно нам его не давали...- вздыхает Сокол.

- Смотрите, по крыше идет немец! - показываю товарищам.

- Это снайпер. Движется в нашу сторону. Встречу его, когда подойдет поближе,- решает Сокол и ложится за пулемет.

- Видимо, их встревожило молчание Ганса и они решили выслать связного, чтобы проверить, что с ним,- прикидывает вслух Лукасевич.

Немец, по-видимому, не в первый раз пользуется этим путем, поскольку держится на крыше довольно уверенно, не обращая внимания на сильный встречный ветер, который яростно развевает полы его шинели. На какое-то время его закрывает стена.

- Надо было раньше стрелять, а то что-то долго не показывается...

- Появился! Вон там, правее той высокой трубы,- успокаивает Лукасевич капрала.

- Сокол, только одну очередь, не больше...- обращаюсь к пулеметчику.

- Будет сделано, гражданин старший сержант!

Он крепко прижимает к плечу приклад, на минуту задерживает дыхание и медленно нажимает на спусковой крючок.

"Та-та!" - бьет короткая очередь. Немец на секунду остановился, сделал по инерции еще полшага и с грохотом покатился вниз по крыше.

- Не мог раньше сказать, что от вас можно попасть в соседний дом?! доносится от разбитой двери голос командира взвода.- А то фрицы засели на втором этаже, и мы их оттуда никак не можем выкурить. Сейчас устроим им сюрприз! Где проход? - спрашивает он нетерпеливо.

Я показываю ему дыру в крыше и в проникающих через нее

лучах света вижу, как за короткое время изменился наш командир - лицо и руки в грязи, шинель испачкана известью, кусок воротника оторван. Не лучше выглядят и другие разведчики, пришедшие на чердак вместе с хорунжим. Рыхерт торопливо отдает приказания и собирается уже идти.

- Может, съешь пару ложек, Юрек? - впервые отваживаюсь назвать по имени своего командира и пододвигаю ему начатую банку консервов.

- Для меня слишком много, а для всех - мало! Пошли! - коротко бросает он. И, как всегда, первым вылезает на крышу.

Мы стараемся не отставать, хотя угнаться за ним нелегко. Преодолеваем кирпичный выступ - брандмауэр, защищающий здание от пожаров, и приближаемся к пологой крыше, с которой Сокол снял короткой очередью гитлеровца.

- Осторожно, ребята,- предостерегает, не оборачиваясь, хорунжий.

Иду третьим, предусмотрительно помогая себе руками. Преодоление этого трудного и опасного отрезка пути всем взводом занимает немало времени.

- В этом доме обороняются гитлеровцы, а на первом этаже - наши,информирует нас Рыхерт.

- Видите открытое окно возле трубы? - спрашивает Шляхта.- Через него можно проникнуть в дом...

- Видим,- отвечают сразу несколько голосов.

- Тихо! За мной! - шепчет хорунжий.

Протискиваемся через узкое слуховое окно в крыше. От него ведет вниз небольшая металлическая лестница. Стараясь не шуметь, собираемся на чердаке. Снизу доносится треск автоматов.

- Спускаемся этажом ниже,- приказывает офицер и первым устремляется вниз. В одной руке он держит трофейный парабеллум, а в другой - снятую с предохранителя гранату. Мы уже на третьем этаже. Здесь никого нет. Видимо, немцы сконцентрировались на втором. В одной из комнат стоят несколько ящиков с гранатами. Памятуя советы командира и сегодняшний опыт, пополняем свои запасы. На лестничной площадке жужжат пули.

- Надо дать знать нашим, что мы здесь,- говорит командир и вдруг кричит во весь голос: - Ребята, мы на третьем этаже!

"Та-та-та!" - стучат в ответ автоматы, и с потолка отскакивает штукатурка.

- А может, попробовать выкурить их оттуда гранатами, гражданин хорунжий? предлагает сержант Тасчук.

- Ты что, с ума сошел?! Ведь они могут долететь до первого

этажа, а там наши,- отвергает хорунжий его предложение.

- У меня родилась идея,- вырвалось у меня.

- Какая?

- А что, если привязать гранаты к шнурку или бинту и опустить к фрицам. Тогда они взорвутся на такой высоте, на какой мы захотим.

- Гениальная идея! Дайте немецкую гранату! - требует хорунжий, все еще держа в руке лимонку.

Быстро привязываю к концу бинта немецкую гранату а стоящие рядом товарищи готовят аналогичные "подарки". И вот опускаем уже первую из них в пролет лестницы. "Бум!" - раздается взрыв, и слышно, как внизу что-то тяжело падает на пол. Опускаем следующую. "Бум!" - грохочет она, взрываясь. Затем еще одну и снова взрыв. Задыхаемся от пыли и дыма. Но как только один из бойцов пытается спуститься по лестнице, его встречает очередь из немецкого автомата.

- Спрятался, каналья, за каким-нибудь выступом и строчит из шмайсера. Шевелите, ребята, мозгами! - призывает разведчиков хорунжий Рыхерт.

Но нам пока ничего придумать не удается, и мы продолжаем спускать гранаты на бинтах.

- Послушайте, а может, попробуем опустить через окно связку гранат? развивает мою идею Тасчук.

- Хорошая мысль! - одобряет хорунжий.

Кто-то спешит измерить расстояние до окон занятого немцами этажа, а остальные, не дожидаясь приказа, берутся за изготовление связок. Распахиваем чудом уцелевшие окна и опускаем "подарки" - дом сотрясается от мощного взрыва, на тротуаре звенит выбитое стекло. Хорунжий Рыхерт быстро сбегает по лестнице и бросает свою лимонку в коридор второго этажа, а мы устремляемся следом. В дверях натыкаемся на немецкого ефрейтора с покалеченным лицом, который ожесточенно протирает засыпанные штукатуркой глаза. Из соседней комнаты Дуда выводит двух раненых немцев. Несколько убитых гитлеровцев лежат в коридоре. Теперь весь дом в наших руках, и мы спешно готовимся к обороне.

- Теперь неплохо было бы и перекусить,- признается хорунжий.

Обшариваем немецкие вещевые мешки, находим сухари и небольшие банки консервов. С удовольствием смотрю на Юрека, который с аппетитом уписывает их. Потом он бросает в угол пустую банку и говорит улыбаясь:

- Потрудились на славу, а самое главное, что все живы и здоровы. Надо представить вас, ребята, к наградам.

- Где командир?! Где командир?! - доносится из коридора чей-то громкий голос и топот солдатских сапог.

Мы с Рыхертом выходим навстречу. Оказывается, это прибыла нам на смену рота из 9-го полка. Передаем нашим соратникам захваченный дом, показываем проход в стене, предупреждаем, чтобы следили за крышами, и за пачку трофейных сигарет продаем им "патент" на связки гранат.

- Разведчики, за мной! - зовет Рыхерт и первым направляется к пролому в стене.

Выходим во двор, откуда утром начинали атаку. Из небольшого кирпичного сарайчика вьется дымок полевой кухни. Ноздри щекочет запах наваристых щей.

- Эй, дружище, может, накормишь? - просят разведчики тучного повара.

- Но вы же не наши,- не переставая мешать в большом котле, нелюбезно отвечает тот.

- Не ваши, говоришь? Верно, не из твоей роты. Но пока ты здесь стряпал, мы жизнью своей рисковали,- зловеще сверкая глазами, медленно цедит слова Рыхерт.

- Ну хорошо, хорошо. Даже пошутить нельзя,- сбавляет сразу тон повар.Подставляйте котелки. Всем хватит...- И наливает нам полные котелки щей.Мясо, наверное, еще не сварилось,- будто оправдывается он.- Обед будет готов лишь через час.

- Ничего, браток, и такое съедим,- отвечает за всех Лукасевич.

Штаб 8-го пехотного полка перемещается в предместья Колобжега, и мы опять несем караульную службу. Уже пятый день длится сражение. Целые кварталы Колобжега превратились в руины или сгорели дотла. Наступила очередь идти в бой и 4-й пехотной дивизии, а нас, разведчиков, сменяет первая рота автоматчиков. Снова приходится сражаться на стыке двух пехотных полков траугуттовской дивизии. На этот раз нам предстоит взаимодействовать с учебным батальоном.

Закончив передачу охраны штаба, собираемся в условленном месте. Хорунжий проверяет наличный состав и вооружение. Как всегда во время уличных боев, особое внимание обращает на запас гранат. И вот мы выступаем. В багровых лучах заходящего солнца зияют огромные дыры в газохранилищах. Отсюда уже рукой подать до железнодорожных путей. За ними и расположен район особняков, который все еще находится в руках противника.

В сумерках добираемся до здания. Его обороняют всего-навсего семь польских бойцов. Обменявшись с ними рукопожатиями, занимаем огневые позиции у окон. Защитники дома, привыкшие к ожесточенным боям, деловито объясняют обстановку. Ночью несколько раз мы с Рыхертом проверяем нашу

оборону и с удовлетворением отмечаем, что разведчики начеку.

На рассвете наши части начинают дружную артиллерийскую подготовку. За железнодорожным полотном взлетают вверх фонтаны земли. Над некоторыми домами поднимаются ввысь красные языки пламени. Мы покидаем здание и продвигаемся в направлении железнодорожных путей. Над нашими головами беспрерывно пролетают пули. "Только бы миновать железнодорожные пути",- загадываю я и вижу, как по соседству со мной вскакивает рядовой. Роман Шотт, отчаянно карабкается на железнодорожную насыпь, делает несколько шагов и внезапно падает как подкошенный.

- Гражданин хорунжий, здесь рядом есть проход под путями,- обрадованно восклицает Дуда.

- Не мог раньше сказать?! - зло обрывает его Рыхерт.- Тогда бы Шотт не погиб... За мной! - приказывает он и ползет к Дуде.

Проход очень узкий, по безопасный. По одному протискиваемся через него на другую сторону. Ползти приходится довольно долго, поскольку сверху над проходом проложено несколько железнодорожных путей.

- Ну, наконец-то,- пыхтит хорунжий.

Теперь до зданий, которые нам предстоит захватить, остается не более пятидесяти метров - но каких метров! По канаве, тянущейся вдоль железнодорожного полотна, расползаемся в обе стороны. Немцы, по-видимому, нас еще не заметили и продолжают вести огонь поверх железнодорожных путей. Наша артиллерия обрабатывает ближайшие постройки, и мы выжидаем, пока артиллеристы перенесут огонь вглубь. Артиллерийская подготовка закончена, и наступает небольшая пауза. Первым вскакивает хорунжий Рыхерт и с возгласом "ура!" устремляется вперед. Следом за ним поднимается весь взвод, ведя на ходу беглый огонь из автоматов.

Первое здание, к которому мы подбегаем, обнесено крепкой оградой из красного кирпича. Бросаем через нее партию гранат, а сами плотнее прижимаемся к ограде. Не дожидаясь взрыва, кидаем следующую партию. Земля вздрагивает от беспрерывных взрывов, в воздухе угрожающе свистят осколки. За железнодорожными путями протяжно охают минометы. На ограду карабкается капрал Гладзюк, потом садится на нее верхом и дает очередь вдоль забора. Спрыгнув на ту сторону, он продолжает стрелять, а его примеру следуют уже другие разведчики. Мне помогает Сокол, и вот я тоже во дворе. Приняв от него пулемет, жду пока грузноватый наводчик перелезет через ограду.

Отовсюду доносится треск автоматов. Бой идет одновременно в нескольких особняках. В углу двора лежат кучей фаустпатроны.

Наиболее предприимчивые решают использовать это грозное оружие врага, эффективное не только в борьбе с танками, но и в уличных боях, против него же. Вот над оградой высовываются их тупые носы, из сопл вырывается пламя, а корпуса, неуклюже покачивая стабилизаторами, врезаются в стену соседнего дома. Страшный грохот сотрясает воздух, ветер рассеивает дым - и видна брешь размером почти в полстены. Вбежав во двор, мы забрасываем здание гранатами, и последние гитлеровцы поспешно его покидают.

Во дворе и в саду ближайшего особняка слышны голоса немцев. Рыхерт прячется за выступ ограды.

- Ребята, фрицы готовят контратаку! Надо опередить их... Приготовьте гранаты, пополните диски патронами, и ударим по ним.

Рассредоточившись по двору, мы ищем, откуда удобнее всего атаковать врага. Капрал Петр Бжозовский замешкался на мгновение и упал, сраженный смертельной очередью. С леденящим душу свистом летят через ограду гранаты, на нашем и немецком дворе беспрерывно громыхают взрывы. Бросаю лимонку и даю очередь по окнам занятого немцами особняка. Вдруг невдалеке от меня взлетает гейзер дыма, и я слышу оглушительный грохот. Чувствую жгучую боль, и автомат вываливается у меня из рук. Прячусь за бетонную лестницу и только здесь обнаруживаю три кровоточащих отверстия в правой руке. Зубами разрываю индивидуальный пакет и кое-как перевязываю раны. Стрельба ни на минуту не умолкает. Наши атакуют стремительно, даже лихо. И вот очередной дом в наших руках.

Во двор вбегают бойцы из другого подразделения и; спешат нам на помощь. У калитки особняка хорунжий Рыхерт выстраивает в колонну по двое пленных немцев. Считаю пары - девять. Рыхерт, широко улыбаясь, направляется ко мне, бросается на шею, целует, прижимается колючей щекой. Заметив, что я без оружия, с перевязанной рукой, участливо спрашивает:

- Что, ранили? Хорошо, что только в руку. Подлечишься, и еще не раз будем бить немцев. Дай поправлю перевязку.

- Пока меня не забрали "катафальщики", могу еще пригодиться.

Командир со знанием дела поправляет перевязку. Все пальцы, за исключением большого, шевелятся, значит, не так уж плохо.

- Много погибло наших? - спрашиваю хорунжего.

- Четверо, не считая тех, которые полегли, добираясь до этих зданий. Зато немцев уничтожили порядком, причем самый цвет фашистской армии - выпускников офицерского училища. А где

твой автомат?

- За домом. Выпал, когда меня ранили.

- Принеси.

Автомат лежит все на том же месте. Надо проверить, исправен ли. Нажимаю на спусковой крючок - вылетает очередь. Кадеты как по команде падают на землю, хотя я держу его стволом вверх. Автомат-то действует, а вот моя правая рука болит нестерпимо, особенно при отдаче. Кроме меня ранено еще двое курсантов из учебной роты, однако они могут передвигаться без посторонней помощи. Втроем мы отводим в штаб восемнадцать фрицев.

В санитарную роту заглядываю только на перевязку и сразу же возвращаюсь к своим. Боюсь, как бы не отправили в тыл. Тогда прощай, дорогая разведка, а я ведь так сдружился с ребятами из рыхертовской группы. И хотя рука болит невыносимо, я бодро говорю "катафальщикам":

- Заживет...

Наступил особый день в битве за Колобжег. Бойцы нашей 3-й пехотной дивизии взяли в плен гитлеровцев с исправной радиостанцией, и с ее помощью командующий 1-й армией Войска Польского призвал немецкий гарнизон к капитуляции. Установили временное перемирие. Воцарившаяся повсюду тишина производит какое-то странное впечатление, ведь мы так давно от нее отвыкли.

Заканчивается время, данное на размышление командованию крепости Кольберг. Поднимаются вверх артиллерийские стволы, и жерла орудий опять изрыгают яростное пламя. Снова горят дома, снова падают убитые и раненые. Шаг за шагом наши войска вытесняют немцев с последних оборонительных рубежей. Фашисты удерживают только небольшую часть города и порт.

И вот в ночь на 18 марта производится последняя артиллерийская подготовка. Небо прочерчивают огненные хвосты снарядов гвардейских минометов. Пехота идет на последний, решающий штурм вражеских укреплений. Теперь обороняются лишь части порта и маяк. Орудия бьют прямой наводкой, повсюду трещат пулеметные и автоматные очереди. Еще один стремительный рывок нашей пехоты - и на маяке взвивается белый флаг.

Весть о капитуляции остатков гитлеровского гарнизона в Колобжеге молниеносно облетает все наши подразделения. Но вместо ожидаемой тишины снова слышится адская пальба - это победители салютуют колобжегской победе.

Гурьбой направляемся к Балтийскому морю. Минутой молчания чтим память погибших боевых товарищей. А вечером

состоялась торжественная церемония "обручения с морем" - вынос знамени, речи, праздничный салют.

А чуть позже - неофициальная часть церемонии, завершающаяся бросанием в море обручальных колец и памятных перстней.

На Одре

Завершились торжества по случаю "обручения с морем". Хотя немцы капитулировали еще утром и бой за город уже окончился, мы ни на минуту не расстаемся с оружием. Из подвалов домов и бомбоубежищ выходят жители Колобжега, настороженно смотрят на победителей. На всякий случай держатся большими группами. Почти у всех на рукавах белые повязки. В испачканных сажей кастрюлях и ведрах прямо на улице они готовят себе еду.

Наконец появляются полевые кухни. Нас кормят вкусным ужином, впервые за несколько дней выдают свежий ароматный хлеб. К кухням с посудой в руках робко подходят немецкие дети, тощие, грязные. Вначале держатся подальше от бойцов, молча, одними глазами просят есть.

- Дайте им немного хлеба и супа,- разрешает Рыхерт.

- Это же немцы! - возмущается Сокол.

- Это - дети! Чем они-то виноваты? Дети, подойдите сюда,- зовет их Рыхерт по-немецки.

Первым решается подойти белокурый мальчик в грязном порванном пальтишке. Идет неуверенно, оборачиваясь на товарищей.

- Иди, иди! - подбадривает его хорунжий.

- Возьми! - протягивает ему Ясиньский буханку ржаного хлеба.

Малыш быстро хватает хлеб и жадно впивается зубами в хрустящую корочку, кланяется Ясиньскому и с набитым ртом повторяет несколько раз:

- Danke, danke{11}.

Офицер гладит мальчишку по голове, берет у него кастрюльку и подставляет повару:

- Наливай!

- Одну минуточку, гражданин хорунжий, накормлю только наших ребят, а потом их.

- Наливай, тебе говорят. Мы подождем...

Рыхерт протягивает мальчугану полную кастрюльку горячего, дымящегося супа, тот поспешно благодарит и идет к руинам медленно, осторожно, чтобы не пролить ни одной капли. Молча наблюдавшая эту картину детвора потихоньку приближается к кухне. Повар заглядывает в котел и кричит:

- Давайте кастрюльки, ребятишки! Угощу вас польским

супом!

Дети понимают его слова без перевода и протискиваются поближе к кухне.

Утром малыши появляются снова. На этот раз повар не ждет особого распоряжения начальника, а сам наливает каждому по черпаку супа.

Поделиться обедом с немецкими детьми нам уже не пришлось. Сразу же после завтрака нам сообщили, что мы покидаем город. Перед выступлением мы с товарищами совершили короткую прогулку вдоль берега Балтийского моря, в последний раз полюбовались его голубой гладью. Даже ветер имеет здесь совершенно иной, чем, скажем, в Люблине или Варшаве, какой-то морской запах. На высоком маяке гордо реет бело-красный флаг. Прощаемся с нашим, польским морем, как с чем-то очень дорогим и близким. По дороге в часть уже без особого волнения осматриваем места, за которые вели такие кровопролитные бои. Повсюду видны страшные разрушения, там и сям встречаются исковерканные орудия. Люди, которые попадаются нам навстречу, останавливаются и низко кланяются.

- Где они научились такому раболепию? - размышляет вслух Ясиньский.

- Вначале требовали этого от других, а теперь сами гнут спину,- объясняю я.

В расположении нашего полка снова оживление. Больше всего, как всегда в таких случаях, работы у обозных - наши обозы опять увеличились на десяток с лишним пароконных повозок. Те, кто постарше, забираются на подводы, а мы, молодые, получаем в свое распоряжение велосипеды. Нам предстоит преодолеть путь в двадцать пять километров. Остался позади город, и теперь яснее видно, что пришла настоящая весна - с полей исчезли последние грязные шапки снега, в придорожных кюветах стоит зеленоватая вода. К вечеру останавливаемся на несколько дней на отдых в деревне Вежба-Дольна.

В первый день оборудуем жилье, а в последующие приводим в порядок оружие и обмундирование. У специалистов полно работы - подковывают лошадей, красят иод-воды, чинят сбрую и обмундирование. Работа кипит не только в полковых мастерских. В ротах, как грибы после дождя, стихийно возникают свои мастерские. А с неспециалистами в это время проводят учения на тему "Наступление с форсированием водной преграды и бой в населенном пункте".

Чтобы помочь разоренному войной хозяйству, мы, находясь на отдыхе, решили принять участие в первой после освобождения посевной. Отделение политико-воспитательной работы полка

организует из бойцов-крестьян посевные бригады. В покинутых хозяйствах мы нашли зерно для сева, в полковой кузнице отремонтировали плуги, бороны и сеялки. Шоферы даже починили колесный трактор. Кто-то предложил записать фамилии тех, кто первыми бросят зерно в землю. Эта идея очень понравилась бойцам. Посовещавшись, они составили список, вложили его в бутылку и запечатали сургучом. Затем все вместе отправились на пашню и торжественно вставили бутылку в глубокий пласт только что вспаханной земли.

Спустя несколько дней из отделения политико-воспитательной работы мы получаем листовки, озаглавленные "На Берлин!". Начинаем строить догадки по поводу срока последнего, решающего удара. О том, что ждать осталось недолго, свидетельствует и прибывшее из Люблинского воеводства пополнение. Правда, большинство новобранцев пороха еще и не нюхало. Из них срочно формируют отдельные учебные группы, которые начинают осваивать военное искусство с самых азов. Результаты первой стрельбы боевыми патронами превзошли все наши ожидания. Ребята довольны: они, как когда-то и я, мечтают о снайперской винтовке.

Вскоре разносится весть о тон, что к нам на инспекцию должен приехать командующий 1-й армией Войска Польского. На деревенской площади и прилегающих улицах выстраиваются бойцы нашего полка, подтянутые, отдохнувшие. Обозные подводы окрашены в одинаковый зеленый цвет. Лошади накормлены и ухожены.

И вот в сопровождении бронетранспортера на площадь въезжают несколько легковых автомашин, в первой - генерал Станислав Поплавский. Командир полка подполковник Гжегож Самар командует:

- Полк, смирно! Равнение направо!

Генерал, улыбаясь, принимает рапорт и выходит на середину площади:

- Здравствуйте, бойцы!

- Здравствуйте, гражданин генерал! - отвечаем хором.

Поплавский обходит строй, как когда-то майор Дроздов, погибший в боях за Поморский вал, внимательно осматривает вытянувшихся по стойке "смирно" бойцов. А мы с любопытством рассматриваем генерала: многие из нас видят его впервые.

Затем начинается парад. Мы проходим мимо трибуны, молодцевато выпячивая грудь и твердо чеканя шаг, а генерал ласково улыбается нам. Довольны, судя по всему, и сопровождающие командующего армией лица. По окончании парада мы возвращаемся в свое расположение.

На следующий день узнаем, что генерал дал хорошую оценку боевой готовности полка, только посоветовал всем научиться ездить на велосипедах. "Они ускорят темп передвижения,- пояснил он.- Но я не уверен, сумеют ли на них ездить немолодые бойцы". Подполковник Самар заверил командующего армией, что в 8-м пехотном полку этими навыками владеют все, однако на всякий случай распорядился проверить это и обучить каждого не умеющего ездить на велосипеде.

Сколько было смеха, когда какой-нибудь пожилой усатый боец пытался сесть на велосипед, а тот, словно норовистый конь, никак не хотел ему повиноваться. Товарищи бегут рядом с обучающимся несколько шагов, поддерживая велосипед за седло, а потом отпускают и кричат во все горло:

- С дороги!!!

Как правило, такой боец падал сразу же на землю и под общий смех обещал никогда больше не садиться на него. Однако приказ есть приказ, и старички продолжают тренироваться. День ото дня в полку растет число велосипедистов, а командиры подразделений регулярно докладывают в штаб, сколько еще бойцов научилось передвигаться на двух колесах. Растет и число велосипедов, которые мы без особого труда находим в покинутых жителями деревнях. Некоторые оказываются неисправными, однако механики быстро устраняют дефекты.

- Надо бы переименовать наш взвод из пехотного во взвод самокатчиков,шутят бойцы.

Наступил теплый, солнечный апрель. Поля и деревья покрылись свежей зеленью. Моя рука совсем зажила. Приближалось время выступления. Оно совпало с годовщиной образования траугуттовской дивизии. По этому случаю было проведено торжественное построение полка с приветствиями и речами и парад, причем торжественный марш мы совершили на велосипедах. А после обеда на импровизированной сцене состоялось выступление дивизионного театра. Бурными аплодисментами встретили мы артистов, а потом пели хором польские песни.

И вот долгожданный день наступления пришел. Разведка, как всегда, идет впереди главных сил полка, в авангарде движется 9-й пехотный полк. Опускаются сумерки. Ехать на велосипедах становится трудно, поскольку мы обязаны соблюдать светомаскировку. |

- Давайте бросим велосипеды и пойдем пешком, а то в темноте можно наскочить на какую-нибудь яму или выбоину, перевернуться и сломать ноги,предлагает кто-то.

- Не спеши с советами! Давайте лучше сделаем так - я поеду

впереди, а вы за мной,- находит выход хорунжий Рыхерт.

Только одному ему известным способом пробирается он вперед и, возглавив нашу группу, включает свет - становится немного виднее. Каждый старается занять место поближе к офицеру, чтобы легче было ехать. Теперь никто уже не жалуется, и мы резво крутим педали. Позади остаются километровые столбы - за ночь преодолеваем около сорока километров. Наши славные обозные лошади не выдерживают такого темпа и отстают от колонны велосипедистов. Позади остаются населенные пункты Пнево, Плоты, Новогард, Колбач, Тшчиньско-Здруй, и 12 апреля мы останавливаемся в лесу возле деревни Витница. Отсюда уже недалеко и до Одры.

В окрестных лесах полно войск. Слышен глухой гул артиллерийской канонады. Над нами то и дело пролетают самолеты с красными звездами на крыльях. Если вдруг появляются самолеты со свастикой на борту, наши зенитные орудия открывают огонь по непрошеным гостям, а минуту спустя в погоню за ними устремляются истребители. Передвигаемся только по ночам. По лесным дорогам и просекам тянутся длинные колонны танков, артиллерии и переправочных средств.

Погода портится. Два дня моросит теплый весенний дождь. Каждой роте ведено свалить по одной большой сосне. Неутомимо стучат топорами плотники, вытесывая из их стволов пограничные столбы. Доморощенные художники стараются, чтобы птицы, которых они рисуют, были похожи на белых орлов, затем добавляют надпись: "Польша" - и пограничный столб готов. Все только и говорят что о Берлине. Каждый знает: до столицы третьего рейха осталось меньше ста километров. Это такая мелочь по сравнению со всем пройденным нами путем!

Наконец погода улучшается. Часть 3-й пехотной дивизии уже переправилась на западный берег Одры. Сегодня ночью - наша очередь.

Когда наступают сумерки, мы направляемся к понтонному мосту, соединяющему, оба берега реки. Оставляем в лесу велосипеды и взваливаем на плечи пограничный столб. Вот и низкий берег Одры. На воде в прибрежных кустах и камышах слегка покачиваются замаскированные лодки и понтоны. На другом берегу Одры уже возвышаются несколько пограничных столбов, установленных переправившимися вчера ночью подразделениями. Теперь устанавливаем и мы свой. Вместо памятного камня хорунжий Рыхерт закладывает под столб запечатанную сургучом бутылку со списком бойцов нашего взвода разведки - и мы спешим к реке.

- По местам! - приказывает командир.

В лодку усаживаются несколько человек. Одра довольно широка, и течение сносит нас вниз, как когда-то во время переправы через Вислу, и, как когда-то, мы помогаем себе грести лопатками. Слева от паромной переправы взлетают вверх осветительные ракеты, слышится гул самолетов. Ночную темноту разрывают стайки трассирующих пуль, далеко разносится грохот взрывов авиационных бомб - это немцы пытаются помешать переправе наших войск.

- Раз, раз, раз,- руководит греблей стоящий на носу лодки сапер.

Днище трется о песок: добрались.

- Вылезайте,- шепчет командир,- мы уже на немецком берегу.

- Какое подразделение? - спрашивает кто-то в темноте.

- Разведка 8-го полка,- отвечает Рыхерт.

- Следуйте за мной! - приказывает тот же голос.

Осторожно взбираемся по крутому скользкому склону. На западе видны огненные вспышки. Каждую минуту над головами пролетают артиллерийские снаряды и падают в Одру - это немцы нащупывают переправу.

- Скорее, скорее, ребята! - торопят пас советские зенитчики, чье орудие мы заметили лишь теперь.

Добираемся до района, изрытого зигзагами окопов и стрелковыми ячейками.

- Ждите здесь до утра,- говорит провожатый и куда-то исчезает.

Размещаемся в окопах. Завязываются разговоры. Разведчики жадно затягиваются дымом трофейных сигарет, найденных еще в Колобжеге. Некоторые пытаются уснуть, но это им не удается. До самого утра длится переправа, и каждую минуту в район, занятый нашим взводом, подходят новые подразделения.

- Откуда? Из какой части? - расспрашиваем друг друга.

Восточный берег Одры чуть светлеет, туман оседает. И вот из-за леса появляется багровый диск солнца.

- Сколько же здесь собралось войск? - протирая глаза грязными кулаками, интересуется капрал Сокол.

Высовываюсь из своего временного убежища и окидываю взглядом прилегающую местность. Отсюда, с высокого западного берега реки, далеко просматриваются окутанный туманом противоположный берег и мутные воды Одры, справа тянется узкая лента понтонного моста, а рядом чуть ли не под каждым кустом стоят орудия различных калибров. Вся эта военная техника и войска тщательно замаскированы, и наше расположение можно определить лишь по чуть дымящим полевым кухням. С запада доносится приглушенная расстоянием

стрельба. Лениво огрызаются в ответ немецкие орудия, а несколько снарядов падают на ближайший пригорок.

Перед обедом нас навещает новый заместитель командира полка по политико-воспитательной работе поручник Ян Покшива. С интересом рассматриваем худощавую фигуру самого старшего по званию политработника в нашей части. Офицер говорит о приближающемся дне победы и воодушевляет нас на смелые и решительные действия на поле боя. На прощание оставляет несколько листовок с текстом обращения командующего фронтом маршала Жукова к польским бойцам. Мы радуемся, что сможем принять участие в разгроме берлинской группировки противника.

Капрал Гладзюк отправляется на разведку. Возвратившись, докладывает, что невдалеке от нас расположились еще два батальона нашего полка, те, что вернулись из Гожова и Жепина.

С наступлением темноты возобновляется движение на переправах через Одру. Повсюду слышатся неумолкающий топот солдатских сапог, тихие распоряжения и возгласы. Около полуночи над гоздовицким плацдармом разносится гул "кукурузников". Всю ночь до утра, не зная усталости, работают эти славные труженики. Они не дают немцам покоя, но и мы тоже не спим.

Уже рассветает, когда раздаются залпы гвардейских минометов - начинается небывалая по размерам артиллерийская подготовка. Мы вылезаем из окопов и с восхищением и завистью наблюдаем за действиями артиллеристов.

Гаубицы, задрав высоко вверх свои стволы, на мгновение приседают - и воздух сотрясает мощный грохот. Спустя некоторое время - новый залп. И так десятки раз подряд. Гудят, словно органы, гвардейские минометы. Исчезают вдали снаряды, оставив после себя на небосклоне огненный след, а с востока постепенно нарастает гул штурмовиков. Над нами пролетает первая волна самолетов, за ней - вторая, потом еще несколько групп "горбатых". Артиллерия заканчивает огневую подготовку. Штурмовики исчезают в облаках висящего над немецкой обороной дыма, однако с востока снова доносится гул авиационных моторов - это летят изящные пикирующие бомбардировщики Пе-2.

Волна за волной идут самолеты с красными звездами и бело-красными шашечками на запад, на город, название которого было на устах всех бойцов, сражавшихся с фашизмом,- на Берлин.

Последние аккорды

Наступление полков 3-й пехотной дивизии, находящихся в первом эшелоне, пока развивается успешно. Чуть ли не с ходу они преодолели передний край обороны противника, который огонь артиллерии и удары авиации превратили в пепелище. Войска

устремляются в глубину немецкой обороны. Там, где во время артиллерийской подготовки огневые точки не были подавлены, сопротивление противника нарастает. Артиллеристы меняют огневые позиции и энергично поддерживают пехоту, давая тем самым возможность передовым отрядам нашей дивизии подойти к Старой Одре.

8-й пехотный полк сосредоточивается в местечке Альт Вризен. С фронта до нас долетают отголоски ожесточенного сражения. Слышатся непрерывный гул орудий, пулеметные и автоматные очереди. По горизонту, куда ни взглянешь, стелется черный дым пожарищ. Перепуганные жители местечка прячутся в подвалах и бомбоубежищах. С окон и балконов домов свисают белые полотнища.

Мы томимся в нервном ожидании, так как понимаем, что немцам удалось остановить наступление траугуттовцев. Дальнейшее его развитие требует введения свежих сил. К ним относится и наш полк, находящийся во втором эшелоне дивизии. Бой, не ослабевая ни на минуту, длится всю ночь.

Утром подходим к подразделениям 9-го пехотного полка, находящимся в огневом соприкосновении с противником. Останавливаемся в местечке Альт Медевиц. Немецкая артиллерия массированным огнем обрабатывает западную окраину этого селения. Некоторые дома уже горят.

Лежим, забравшись в придорожные рвы.

- Вперед! - кричит командир второго батальона поручник Гжегож Дерус.

Бойцы поднимаются и устремляются следом за ним. -Левее нас под ураганным огнем пулеметов, автоматов и артиллерии противника залегла цепь 9-го пехотного полка. Немцы хорошо пристреляли эту равнинную местность, поэтому бойцам братского полка трудно наступать под их убийственным огнем. На выручку приходят артиллеристы полковой батареи 76-мм пушек и батареи 120-мм минометов - они приступают к подавлению немецких огневых точек. Оставляя темные следы гусениц на лугу, из Альт Медевица выезжают три самоходные установки. А мы в это время развертываемся в цепь.

- Пятая рота, вперед! - командует, как всегда, по-русски, хорунжий Смирницкий.

Более десятка солдат поднимаются, пробегают несколько метров и падают между небольшими островками травы. И снова офицеры поднимают бойцов в атаку. Поддерживая наступающих, открывают огонь самоходные орудия. Над бегущей цепью то и дело с устрашающим свистом проносятся снаряды. Спасаясь от злобно жужжащих пуль и снарядов, мы падаем.

Наши минометы и артиллерия усиливают обстрел противника, находящегося за дамбой. Самоходные установки выходят на рубеж залегшей цепи пятой пехотной роты. Этого, видно, только и ждал хорунжий Смирницкий. Он уже бежит за одной из установок и громко кричит:

- Пятая рота, вперед!

Прячась за самоходными орудиями, солдаты на ходу стреляют короткими очередями. Поднимаются и бегут в направлении дамбы и бойцы залегшей цепи второго батальона. Впереди виден мост, и самоходные установки поворачивают назад. Умолкают полковые орудия и минометы - до дамбы рукой подать. В этот момент, когда кажется, что уже ничто не в состоянии остановить нашего наступления, немцы при поддержке артиллерии и пулеметов переходят в контратаку. Из-за дамбы вылетают два "мессершмитта" и открывают огонь по нашей цепи. Спрятаться на таком открытом пространстве негде, и наступающие несут потери убитыми и ранеными. Отходим на исходный рубеж и под непрекращающимся огнем противника копаем неглубокие ячейки, которые тут же заполняются водой. Опускаются сумерки. Немцы, остановив наше наступление, снова переносят огонь на Альт Медевиц.

- Отходим! - по голосу узнаю хорунжего Рыхерта.

- Куда?! - спрашиваю я с горечью.

- В поселок. Здесь Старую Одру форсировать не удастся,- объясняет хорунжий.

Отступаем перебежками. Разбившись на небольшие группки, добираемся до Альт Медевица. Здесь, возле догорающего дома, наводит порядок в отступающих ротах батальона поручник Дерус, а рядом заместитель командира батальона подпоручник Роек объясняет бойцам:

- Следуем во Вризен. Там советские части захватили мост через Старую Одру. Оттуда и ударим в тыл немцам, которые остановили наше наступление.

"Значит, отпала необходимость форсировать реку",- радуется в глубине души каждый из нас - ведь всегда легче преодолевать водную преграду по мосту, особенно когда на том берегу свои войска. По асфальтированной дороге подходим к пересечению шоссе с железной дорогой, сворачиваем направо - и выходим к Вризену. По обеим сторонам шоссе расположились советские самоходные орудия, танки и артиллерия: перед мостом образовалась пробка. Танкисты, как заботливые няни, суетятся возле своих машин.

- Привет, союзники! - улыбаясь, встречают они нас.

- Привет, гвардия! - отвечаем мы.

- Эй, впереди, стой! - доносится откуда-то.

Во время вынужденной остановки завязываются короткие фронтовые знакомства. Ко мне подходит смуглый, с раскосыми глазами, боец в шлемофоне - житель одной из республик Страны Советов - и, коверкая русские слова, ведет со мной незатейливый разговор. Наконец пора в путь.

- До встречи в Берлине! - прощаемся мы с советскими танкистами.

На рассвете миновали местечко Вризен. Снова слышится монотонный орудийный гул. В чистом, безоблачном небе появляются советские самолеты. Чудесная солнечная погода облегчает им выполнение боевой задачи, поэтому до самых сумерек в воздухе стоит непрерывный гул моторов быстрых истребителей, отяжелевших от смертоносного груза бомбардировщиков и "горбатых" штурмовиков.

Бодрящий утренний ветерок освежает уставших бойцов. Монотонный гул орудий и рев советских танков остаются слева от нашей колонны. Еще какое-то время раздается визг гвардейских минометов, а затем воцаряется тишина.

Перед нами - просторные поля с огромными плантациями ревеня; на горизонте - деревня с остроконечным шпилем кирхи. Неожиданно между цепями первого батальона, преодолевающими оборонительные заграждения противника, взрываются несколько мин, и мы останавливаемся. Появляются саперы с миноискателями и безотказными щупами, быстро готовят для нас проход, и бойцы опять устремляются вперед. До деревни уже недалеко, как вдруг немцы обрушивают на нас огонь из малокалиберных скорострельных зенитных орудий. Падает раненый капитан Влодзимеж Барановский. Теперь первый батальон ведет в атаку капитан Николай Здоровиков. Наша артиллерия и минометы открывают ответный огонь, и мы видим, как в деревне вспыхивают пожары. Наконец цепи атакующих достигают окраины, а на помощь ведущему бой батальону уже спешат автоматчики и разведчики. Хорунжий Рыхерт торопит своих бойцов:

- Ребята, война еще не закончилась! Вперед! Разведчики, за мной!

Врываемся в деревню, ведя на ходу огонь из автоматов. Навстречу нам бойцы первого батальона ведут пленных.

- Вперед! Вперед! - снова кричит командир.

Вместе с автоматчиками подбегаем к кирпичной кирхе. Повсюду валяются брошенная военная техника и снаряжение. Из ближайшего двора выходит большая группа венгерских солдат - без ремней, с белыми носовыми платками в руках. Они что-то

кричат, смеются, некоторые даже плачут. Рыхерт показывает им дорогу и велит идти на восток. Обрадованные таким неожиданным оборотом дела, венгры стремглав покидают поселок.

Выходим на западную окраину населенного пункта. Гитлеровцы, отстреливаясь, отходят за железнодорожную насыпь. До полуночи длится бой с арьергардами противника.

Лежим у основания насыпи, закутавшись в плащ-палатки. Стоит теплая апрельская ночь. На юго-западе видно огромное зарево.

- Это, наверное, Берлин? - шепотом спрашивает Гладзюк.

- Наверняка,- подтверждают Ресяк и Лукасевич.

- Дожили, черт побери, до того времени, когда можем бить врага на его земле, в нескольких десятках километрах от логова самого Гитлера,- добавляет Рыхерт.

- Да, конец войны уже недалек,- медленно, чеканя слова, говорит Ресяк.

- Хорошо бы дожить до победы,- вздыхает Гладзюк.

- Доживем,- узнаю доносящийся из ближайших кустов голос хорунжего Смирницкого.

Командир пятой пехотной роты подходит к нам, усаживается рядом и просит закурить. Разведчики протягивают ему сразу несколько пачек трофейных сигарет. Смирницкий морщится.

- Махорки, Николай, мы уже не курим от самого Колобжега,- оправдывается хорунжий Рыхерт.

- Ну что ж, давайте ваши немецкие. Это, правда, не табачок, но курить можно...

Пламя спички на миг освещает лицо Смирницкого. Несколько бойцов с сигаретами в зубах наклоняются, чтобы прикурить. Командир пятой роты прикуривает сам, подносит горящую спичку одному бойцу и гасит ее, затем зажигает новую и дает прикурить еще двоим.

- Наверное, у вас, гражданин хорунжий, много спичек? - удивляется ефрейтор.

- Хватает, это верно. Однако старая солдатская пословица гласит: если дашь прикурить третьему - он погибнет. До конца войны осталось совсем немного, поэтому жаль помирать. Понял?

- Понял! - отвечает Лукасевич.

- Вот и хорошо. Покурим, ребята, и ложимся спать. Утром снова идти в наступление, надо отдохнуть,- говорит он, мешая русские слова с польскими.

Гаснут сигареты. Мы натягиваем на головы плащ-палатки и добросовестно пытаемся уснуть. Стоит относительная в военных условиях тишина. Лишь время от времени громыхнет где-нибудь

одиночный выстрел или выругается кто-нибудь из бойцов, но это не мешает нам дремать.

На рассвете полк начинает наступление. В первом эшелоне действуют пехотные батальоны. Мы, разведчики, находимся на правом фланге полка. Тесня немецкие части прикрытия, 1-я армия Войска Польского выходит своими главными силами к каналу Гогенцоллернов. Первой форсирует его 4-я пехотная дивизия.

Наконец подходим к водной преграде и мы. Канал довольно широк, местами достигает семидесяти метров. На отдельных участках его берега взяты в бетон. К полудню появляются наши самолеты, сбрасывают на немецкий берег бомбы и обстреливают его из бортового оружия, С небольшими интервалами ведет прицельный огонь наша артиллерия, подавляя одну за другой огневые точки противника. Переправляемся частично на подручных средствах, а когда уже удается закрепиться на противоположном берегу, форсировать канал нам помогают саперы шестого понтонно-мостового батальона.

И вот мы на западном берегу. Гитлеровцы, поддерживаемые артиллерией и авиацией, контратакуют. Наши летчики и артиллеристы тоже не теряют времени даром. Одна контратака немцев следует за другой, но мы удерживаем в своих руках плацдарм за каналом. Конные разведчики хорунжего Бобровского отправляются на разведку мельницы, расположенной западнее Креммена. Сколько раз на марше или во время преследования отступающего противника мы завидовали маневренности своих боевых товарищей из взвода конной разведки! Когда наш взвод, валясь с ног от усталости, наконец догонял их, они успевали уже отдохнуть. Теперь, глядя на удаляющихся кавалеристов, мы предлагаем хорунжему Рыхерту раздобыть где-нибудь для нас велосипеды.

- Хорошо. Берите двух бойцов и отправляйтесь,- обращается он ко мне.

- Ребята, кто пойдет со мной? - спрашиваю я.

- Все! - дружно кричат бойцы.

Не проходит и получаса, как мы превращаемся во взвод самокатчиков. Мы еще суетимся возле велосипедов, подкручивая болты и гайки и регулируя седла, когда возвращаются расстроенные конные разведчики. Оказывается, они неожиданно напоролись на немцев, засевших в мельнице, и гитлеровцы обстреляли их, прежде чем наши успели сойти с лошадей. Погибли командир взвода конной разведки хорунжий Павел Бобровский и один сержант, несколько человек ранены. Узнав об этом, Рыхерт приходит в бешенство, ругается на чем свет стоит и

собирает нас:

- Садимся на велосипеды и поехали!

До мельницы не больше трех-четырех километров. Не доезжая до нее, мы слезаем с велосипедов и оставляем их в придорожном рву. Развернувшись в цепь и используя рельеф местности, приближаемся к "чертовой", как назвал ее Тасчук, мельнице. Поддерживая нас, два самоходных орудия открывают огонь по немцам. Мы тоже стреляем длинными очередями из автоматов. Не выдержав натиска, гитлеровцы отступают, оставив на поле боя несколько убитых и раненых.

Мельница в наших руках, и мы возвращаемся в Крем-мен. Тем временем подразделения полка покинули его и расположились на ближайших холмах и опушке прилегающего леса. Останавливаемся по соседству со вторым батальоном и мы. Невдалеке от нас находится частично разрушенный авиацией союзников завод боеприпасов. Как только стемнело" стрельба утихла, и мы отдыхаем, выставив караулы и боевое охранение.

Утром неожиданно налетели четыре штурмовика и сбросили на завод бомбы. Не успели мы прийти в себя, как пожар уже начинает пожирать фабричные здания. Рвутся находящиеся в них боеприпасы. Летчики при виде такого фейерверка разворачиваются и улетают назад, а мы пускаемся наутек в лес. Вдруг со стороны леса на нас обрушиваются пулеметные и автоматные очереди не обнаруженного нами противника. Несколько человек получили ранения. Командир второго батальона поручник Дерус приказывает минометчикам и артиллеристам открыть ответный огонь. Пехотные роты наводят порядок в своих цепях, и мы переходим в наступление.

Из-за пригорка появляются две самоходные установки и тоже принимаются обстреливать лес. Наши разведчики присоединяются к наступающим. Добегаем до первых деревьев, откуда минуту назад стреляли немцы. Они яростно сопротивляются до сих пор. Окружаем опушку леса со всех сторон. Трещат пулеметы и автоматы. Рвутся на горящем заводе боеприпасы.

- Осторожно! - внезапно кричит Сокол.

Я оглядываюсь по сторонам и только тут замечаю, как в нашу сторону, замаскировавшись ветками, ползет с выдвинутым вперед автоматом фашист. Сокол бросает в него гранату, а я даю очередь из автомата. Гитлеровец вскакивает и пытается убежать в направлении густого кустарника, но короткая очередь Сокола настигает его. Немец падает, выпуская из рук оружие. Он одет в зеленовато-желтую форму, которую мы раньше ни на ком не видели.

За небольшим пригорком слева, впереди нас, густо рвутся гранаты и резко стучат автоматы. Прижавшись к земле, мы ползем туда.

- Гранатами их! В штыки! - кричит кто-то из наших.

- Помогите! - раздаются крики на немецком языке.

Вот немец, стоя на пригорке, бросил куда-то гранату, потом отпрянул к дереву и пытается быстро сменить магазин в автомате. Молниеносно вскидываю автомат и нажимаю на спусковой крючок - раздается грохот, и на том месте, где только что был немец, поднимается фонтан земли и клубится дым. "Видимо, фашиста разорвало гранатой",- догадываюсь я.

Не успел я опомниться, как из кустов вылезают еще двое гитлеровцев с поднятыми вверх руками. Чего же они так испугались? И вдруг вижу: рядом лежит Сокол и держит их на мушке своего ручного пулемета. Молодец капрал!

После боя собираемся на опушке леса, предусмотрительно держась подальше от все еще взрывающихся на заводе боеприпасов, и делимся впечатлениями. Пленных всего несколько человек: большинство фашистов предпочли плену смерть - это было подразделение морской пехоты. Разведчики чистят оружие и пополняют автоматные диски. Солнце на безоблачном небе поднялось уже высоко и здорово пригревает. Пахнет настоящей весной.

- Командира полка убили! - громко кричат окружившие поручника Гжегожа Деруса бойцы.

Подбегаю к ним и слышу его последние слова:

- На перекрестке убили... Возвращался с поручником Покшивой на автомашине. Пуля попала ему в голову. Немцев ликвидировали...

Вот так за несколько дней до окончания войны недалеко от Креммена 25 апреля 1945 года погиб на поле боя командир 8-го пехотного полка подполковник Гжегож Самар.

Смерть кого-либо из близких всегда наводит на размышления и воспоминания, вызывает грусть. Так было и на этот раз.

- Враг уже, собственно говоря, повержен, но еще пытается огрызаться. Будьте осторожны, разведчики, мстя за смерть нашего командира,- предостерегает нас Рыхерт на вечерней поверке.

Утром мы прочитали в последней военной сводке, что советские войска соединились с американскими в районе Торгау, а берлинская группировка противника взята в надежные клещи. Мы же продолжаем наступать в направлении севернее гитлеровской столицы.

- Такова, видать, наша судьба... Обязаны идти туда, куда прикажут,горестно вздыхает Рыхерт, которому всегда хотелось

оказаться первым в Берлине.

В конце апреля батальоны нашего полка сражаются за населенные пункты Линум и Дехтов. Разведчики на велосипедах патрулируют захваченный район. Обстановка частично напоминает ту, которая сложилась на Поморском валу, когда немцы пытались пробиться из окруженной Пилы к своим. Теперь они тоже вырвались из окруженного Берлина, но прорываются не к своим, а за Эльбу.

Кажется, 30 апреля мы с группой разведчиков численностью в пятнадцать человек конвоировали на велосипедах в тыл, до самого Ораниенбурга, большую группу немецких пленных. Темп марша мы умышленно навязали высокий, чтобы не позволить немцам растягивать колонну. К вечеру достигли Ораниенбурга и передали пленных в советскую комендатуру. Военный комендант города показался нам чрезвычайно озабоченным.

- Бойцов у меня маловато, а дел и забот полно,- посетовал он.- Оставайтесь ночевать, а в часть вернетесь завтра. Я напишу записку вашему командиру.

- Если надо, останемся,- ответил я.

- Старшина! - закричал комендант.- Приготовь ребятам что-нибудь поесть!

После сытного ужина мы устраиваемся на ночлег по соседству с комендатурой. Ефрейтор Лукасевич садится за пианино и играет "Мазурку" Домбровского. От охватившего нас волнения мы не можем сдержать слез. Потом мы отдыхаем, сидя в удобных креслах. Часть разведчиков уже дремлет. И вдруг где-то рядом раздается выстрел, а через мгновение вспыхивает перестрелка. Мы хватаем оружие и выбегаем на улицу. В темном провале улицы слышен топот подкованных солдатских сапог.

- Огонь! - командую я и даю длинную очередь.

Из-за ограды соседнего особняка наш дом обстреливают из пулемета. Обороняющие советскую комендатуру красноармейцы открывают ответный огонь неприятельский пулемет сразу умолкает.

- За мной! - кричит по-русски старшина.

- За мной! - кричу я по-польски и бегу вместе с советскими и нашими бойцами.

Стреляя на -ходу, пытаемся догнать группу немецких офицеров и гражданских лиц. Бросаем им вслед гранаты - улицу озаряют вспышки взрывов.

- Не стреляйте! - долетает до нас.

Возвращаемся в комендатуру, ведя несколько взятых в плен немцев. Комендант города встречает нас с распростертыми объятиями.

- Что бы я, ребята, делал без вас? Спасибо. Огромное спасибо.- И крепко пожимает каждому из нас руку.- А теперь отдыхайте. Но будьте начеку! предостерегает он, когда мы уходим к себе.

К сожалению, сон улетучился вместе со стрельбой, и до утра мы ворочаемся в немецких постелях, так и не заснув.

На рассвете в город прибывает рота из советского заградительного отряда. Мы прощаемся с боевым гарнизоном комендатуры, садимся па велосипеды и отправляемся в свой полк. По дороге, в лесочке возле Клессена, нарываемся на группу солдат противника. Самым проворным из нас оказывается пулеметчик Сокол: он дает длинную очередь, и двое немцев остаются лежать на земле. Остальные поспешно исчезают в лесу.

Догнав находящийся на марше полк, мы узнали, что немецкая оборона окончательно прорвана. Нашу 3-ю пехотную дивизию перевели во второй эшелон 1-й армии Войска Польского. Ликвидируя мелкие группы противника и остатки его разгромленных частей, которым не удалось прорваться за Эльбу, продвигаемся в направлении Карвезее, Дамм, Оневиц. В последний населенный пункт вступаем уже ночью. Выставляем караулы и отправляемся на отдых. Утром по привычке оборудуем огневые позиции, однако нас уже никто не атакует. Так проходит два или три дня, а 6 мая в сумерки поворачиваем на восток. Неужели в Польшу?

Пешком мы теперь не ходим. Старички едут на подводах, а молодежь, вытянувшись в длинную колонну, крутит педали велосипедов. Вместе с нами следуют несколько легковых автомашин штаба полка. И вся эта кавалькада украшена зелеными ветками и бело-красными флажками. Ночь на 9 мая мы проводим в лесу, возле населенного пункта Вандлиц. Здесь мы и узнаем о капитуляции Германии.

Стояла теплая майская ночь. Костры уже погасли. Уставшие от марша бойцы давно улеглись спать. И только слышались высокие трели соловья, да в стороне кто-то тихо играл на гармошке.

- Война закончилась! Ура-а-а!..- разрывает тишину возглас дежурного радиста.

"Та-та-та-та!" - радостно захлебывается очередью чей-то автомат.

- Война закончилась! Ура! - продолжает кричать радист.

Мгновенно оживает уснувший лес. Бойцы хватают оружие и все, что попадется под руку.

"Та-та-та, бум-бум!" - сотрясается от канонады лес.

- Ура-а-а!!! - вырывается из сотен солдатских глоток.

Повсюду, куда ни посмотришь, висят в небе разноцветные ракеты, грохочут зенитные орудия - гремит салют в честь победы. Наконец-то мы дождались этого дня! Я поднимаю вверх свой верный, побывавший в боях автомат, оттягиваю затвор, нажимаю на спусковой крючок, как тогда, в Колобжеге, и с упоением стреляю до последнего патрона в магазине. До утра никто так и не уснул. Предусмотрительные обозные вытаскивают припрятанный спирт, и бойцы дружно пьют за победу. Мы бросаемся друг другу в объятия, без конца целуемся и поем, поем...

С утра проходят торжественные построения частей, звучат речи, а днем проводится настоящий парад победы. Хотя и не в Берлине, как мечтал каждый из нас, но все же на немецкой земле, возле населенного пункта Ланке, расположенного в земле Бранденбург, столицей которой является Берлин.

В конце мая нас перебрасывают к железной дороге Эберсвальде - Костшин. Приводим в порядок боевую технику: скоро возвращаться домой. Разведчиков разместили в частично разрушенном в ходе военных действий домике возле поместья, где расположился штаб нашего полка. И вот однажды к нам влетает хорунжий Рыхерт.

- Где мой заместитель? А, ты здесь. Так вот, слушай,- запыхавшись, кричит он с порога и обращается ко мне: - Тебя срочно вызывает к себе командир полка.

- Зачем? Что случилось? - недоуменно спрашиваю я.

- Не знаю,- отвечает командир взвода.

Чищу до блеска сапоги, поправляю ремень с огромной кобурой вальтера и бегу в штаб. Нас, разведчиков, знают здесь все, поэтому меня быстро пропускают к командиру 8-го пехотного полка. Вхожу в просторный кабинет. За большим дубовым столом сидят командир полка подполковник Николай Зеленин и его заместитель по политико-воспитательной работе поручник Ян Покшива. Щелкаю каблуками и докладываю о своем прибытии.

- Вот, заместитель,- обращается по-русски командир полка к поручнику,твой новый хорунжий. Поздравляю вас с присвоением офицерского звания,- говорит он теперь уже мне. Потом выходит из-за стола, пожимает мне руку, крепко целует.- Нож у тебя есть? - спрашивает он заместителя.- Надо прикрепить ему звездочку к погонам.

- Есть,- отвечает Покшива.

От волнения у меня буквально язык отнялся. Тем временем мои начальники отпороли с моих погон сержантские лычки и прикрепили офицерские звездочки.

- В какую роту тебя направить? - спрашивает поручник и

смеется: - Ты что, язык проглотил? Звание тебе присвоили четыре месяца назад, только приказ с февраля блуждал где-то по штабам. Ну, так куда?

- Я хотел бы остаться в разведке...

- Там нет офицерской должности.

На минуту задумываюсь и украдкой поглядываю на погоны, на которых сверкают новенькие звездочки.

- А может, в четвертую пехотную роту? Меня там все знают: я прошел с ними от самой Варшавы до Быдгощи.

- Хорошо, являйся завтра туда,- соглашается поручник Покшива.

Выхожу из штаба и все еще не верю, что я офицер. Каждую минуту дотрагиваюсь до погон и с облегчением убеждаюсь, что звездочки на месте.

Разведчики - народ наблюдательный. Не успеваю я войти во двор нашего дома, как Сокол, который первым увидел меня, кричит во весь голос:

- Ребята, Генек - офицер! Ура!

Все подбегают ко мне, хватают и несколько раз подбрасывают вверх. Затем по очереди сердечно поздравляют меня, крепко, по-солдатски пожимают руку.

Много дорог довелось нам пройти вместе, многое пережить, поэтому, когда я заявляю разведчикам, что с завтрашнего дня меня переводят в четвертую пехотную роту, лица их становятся грустными. Особенно печален командир.

- Покидаешь нас, браток? А ведь у нас в разведке заработал офицерские звездочки, поэтому мы имеем на тебя самое большое право.

- Юрек, приказ не отменишь. Завтра я должен явиться к Збышеку Скрентковичу,- оправдываюсь я, как школьник.- Пойми, дружище...

- Мы полюбили тебя... Привыкли...

Утром я уже в четвертой пехотной роте, а на следующий день мы грузимся в железнодорожный состав, который везет нас в Польшу.

* * *

Мерно стучат колеса - мы возвращаемся на родину. На украшенных ветками товарных вагонах повсюду виднеются написанные неумелой рукой лозунги: "Первые в бою - первые в восстановлении страны". Поезд замедляет ход. Из открытых дверей вагонов высовываются головы бойцов. Под колесами длинного состава качается и скрипит высокий деревянный мост через Одру.

- Ребята, смотрите! Щит с орлом! Приехали! - радостно

кричит подпоручник Стефан Тулаев.

Высовываем головы и видим перед собой польский пограничный столб. На восточном берегу реки кое-где дымятся трубы - жизнь сюда только возвращается. Поезд снова ускоряет бег. Мы уже на родине, на земле, которую вернули в недавних боях.

* * *

Потом пришло время снова воевать, воевать не по своей воле на многострадальной земле Люблинщины против тех, кого не устраивал установленный нами порядок, против тех, кто не задумываясь поднял оружие на своих братьев. Они еще на что-то надеялись, хотя были заранее, обречены.

И мы, недавние фронтовики, выполняя свой гражданский, свой сыновний долг перед Отчизной, встали стеной на защиту Народной Польши, за которую сражались и проливали кровь.

И мы победили.

Примечания

{1}Сколько стоит? (нем.)

{2}Был убит немцами весной 1944 года.- Прим. авт.

{3}Вид лаптей, используемых в Полесье.- Прим. авт.

{4}Только через несколько лет после войны я сумел установить, что группа сержанта Карася была отрезана немцами от главных сил дивизии и вернуться не могла. В бою большинство партизан из этой группы погибли, оставшиеся в живых были взяты в плен.- Прим. авт.

{5} "Мы победим" (польск.).

{6}Куртка пятнистой окраски.- Прим. пер.

{7}Автомат английского образца.- Прим. пер.

{8}Не понимаю (нем.).

{9}Солдаты, не стреляйте, у нас маленькие дети! (нем.)

{10} "С нами бог" (нем.).

{11}Спасибо, спасибо (нем.).